

СОЧИНЕНІЯ
ДЕРЖАВИНА.

1.

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ,

1851.

КОПИИ

ДЕРЖАВНА

СОЧИНЕНІЯ ДЕРЖАВИНА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

1831.

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS.

СОЧИНЕНІЯ ДЕРЖАВИНА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Varnhagen.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМИРДИНА.

1855.

РИНЕНПРОС

ВАСИЛЬ ПЕРВЫЙ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чѣмъ по отпечатаніи представлены были въ
Ценсурный Комитетъ при экземпляра.

С. Петербургъ, 15 Іюля 1833 года.

Ценсоръ, А. Никитенко.

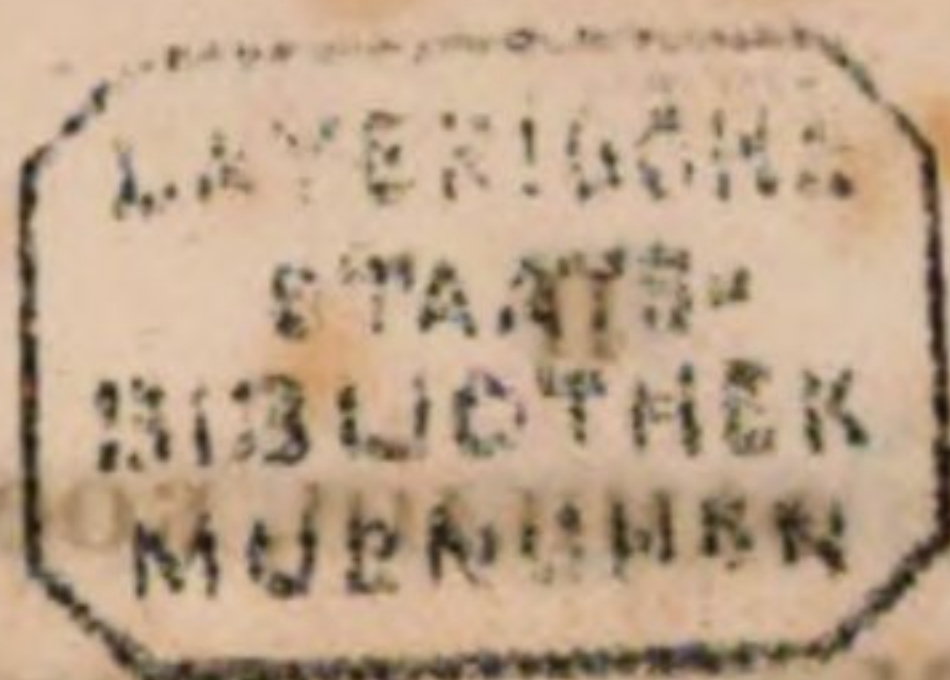

Александръ

ОПЕЧАТАНО

ВЪ ТИПОГРАФИИ АЛЕКСАНДРА СМЕРДИНА.

Изданіе книгопродавца Александра Смирдина.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Если и малѣйшія подробноспи жизни людей великихъ приносятъ Чашапе-лю удовольствіе, то сколь должны быть любопытны обстоятельство жизни Державина, раскрывшія Геній его и служившія поводомъ къ мыслямъ и картинамъ, коими изобилуютъ его вдохновенныя произведенія (*). Но мы, не имѣвъ средствъ пользоваться всѣми нужными источниками къ составленію подробной его Біографіи, предложимъ лишь краткое свѣдѣніе о жизни, о трудахъ его, сказавъ нѣсколь-ко словъ и о нашемъ изданіи.

Гавріиль Романовичъ Державинъ родился 5 Іюля 1743 года, въ Казани. Отецъ его, служившій въ Пензенскомъ Пѣхопномъ полку и уволенный за болѣзнію съ чиномъ Полковника, происходилъ изъ древ-

(*) Державинъ сказалъ о себѣ, что онъ своею славою Поэта обязанъ былъ Природѣ, нуждѣ и врагамъ. См. Черту къ Біографіи Державина въ III Томѣ сего Изданія.

ней Дворянской фамиліи, коей родоначальникъ, Багримъ-Мурза, выѣхалъ изъ Золотой Орды на службу къ Великому Князю Василю Темному; мать была урожденная Козлова. — Юный Державинъ обучался первоначально въ домѣ родительскомъ и у частныхъ учителей грамотѣ, Арифметикѣ, Геометріи и Нѣмецкому языку, а потомъ въ Казанской Гимназіи положеннымъ въ оной Научамъ. Будучи одаренъ отъ Природы пылкимъ воображеніемъ, онъ уже и тогда начиналъ писать стихи, но безъ наставника и безъ руководства. Между тѣмъ въ 1760 году Директоръ Гимназіи, Мих. Ив. Веревкинъ, исполняя желаніе покойнаго отца его, записалъ его въ Инженерную службу; а въ слѣдующемъ 1761, за успѣхи въ Математикѣ и Рисованіи и за описаніе развалинъ Болгарскихъ на Волгѣ, Державинъ, по ходатайству Главнаго Куратора учебныхъ заведеній, Ив. Ив. Шувалова, опредѣленъ Лейбъ-Гвардіи въ Преображенскій полкъ — рядовымъ, и отправился въ С. Петербургъ. Съ сего времени онъ проходилъ по порядку всѣ нижніе чины, жилъ съ прочими солдатами въ казармахъ, перпя

III

пѣснопу и другія неудобства, но не останавливалъ любимыхъ своихъ упражненій, и когда товарищи его спали, онъ занимался чтеніемъ книгъ и опытами Спихотворства. Въ 1773 и слѣдующихъ годахъ онъ былъ употребленъ подъ начальствомъ Генералъ-Аншефа Бибикова въ разныхъ секретныхъ экспедиціяхъ противъ извѣснаго Пугачева, и въ особенності опличился пораженіемъ Киргизъ-Кайсаковъ и защитою луговыхъ Сарашовскихъ Колоній отъ ихъ нападенія. За сіи подвиги онъ былъ въ 1777 году пожалованъ въ Капитанъ-Поручики Бомбардирской роты и назначенъ въ Армію Полковникомъ; но потомъ переименованъ въ Коллежскіе Совѣшники, награжденъ шрема спами душъ въ Бѣлоруссіи, и съ тѣхъ поръ продолжалъ службу по гражданской части: въ 1777 Экзекупоромъ і Департаменту Правительствующаго Сенапа; въ 1780 Совѣшникомъ Экспедиціи о Государственнхъ доходахъ; въ 1784 Губернапоромъ Олонецкимъ; въ 1785—87 Тамбовскимъ; въ 1791 Спашсъ-Секретаремъ при Императрицѣ; съ 1793 года Сенапоромъ; въ 1794 Президентомъ Коммертъ-Коллегіи; въ

1799 Государственнымъ Казначеемъ. Въ 1800 онъ былъ произведенъ въ Действительные Тайные Совѣтники, въ 1802 сдѣланъ Министромъ Юстиціи, а въ 1803 по прошенію уволенъ отъ службы съ сохраненіемъ при немъ полного жалованья и споловыхъ денегъ. Сверхъ наслоящихъ его должностей онъ былъ по Высочайшей волѣ употребляемъ и для разныхъ порученій: въ 1799 и 1800 годахъ въ Бѣлорусіи, а въ 1802 въ Калугѣ, предъ возведеніемъ въ званіе Министра. Ордена Св. Александра Невскаго, Св. Владиміра 2 степени, Св. Анны 1 класса и Св. Іоанна Іерусалимскаго большаго креста свидѣтельствовали о вниманіи трехъ Монарховъ къ его гражданскимъ заслугамъ. Но самое блистательное поприще его было въ области Поэзіи. Сначала, недовѣрчивый къ себѣ, онъ никому не показывалъ своихъ стиховъ, и даже все написанное до 1770 года самъ сжегъ на карантинной заспавѣ во время свирѣпствовавшей тогда въ Москвѣ моровой язвы. Только съ 1777 года, или съ изданія имъ въ свѣтъ *Четалагайскихъ одъ*, начинается Авпорская слава его. Богъ и добродѣтель, Екатерина

и подвиги Героевъ Ея, и мирная сладость любви были предметами его пѣснопѣній: они являлись порознь въ разныхъ Журналахъ, привлекая всеобщее вниманіе и заслуживая лестное одобреніе Великой Монархини, умѣвшей цѣнить его Геній, но вмѣстѣ были напечатаны не прежде какъ въ 1798 году въ Москвѣ, по желанію Ив. Ив. Шувалова, кромѣ Анакреонтическихъ, вышедшихъ уже въ 1804, въ С. Пешербургѣ. Наконецъ въ 1808 увидѣли полное собраніе его сочиненій въ чепырехъ частяхъ: пятая издана въ 1816.

Остальное время дней своихъ Державинъ провелъ большею частью въ Новгородскомъ помѣстьѣ своемъ Званкѣ, на берегахъ Волхова, но жила и въ Пешербургѣ; ободрялъ молодыхъ Липерапоровъ на поприщѣ отечественной Словесности и дѣятельно участвовалъ въ бесѣдахъ тогдашняго, собиравшагося въ его домѣ Общества Любителей Русскаго Слова. Сверхъ того почти всѣ Академіи, Университеты и Ученыя Общества Россійскія считали его въ числѣ своихъ Дѣйствительныхъ или Почетныхъ Членовъ. Онъ скончался въ Званкѣ, 73 лѣтъ и 5 дней опѣ роду, съ

8 на 9 Юля 1816 года. Тлѣнные оспашки сего безсмершнаго мужа покояпся въ Хушынѣ монастырѣ, близъ Новагорода. Огромный гранипный камень и черная мраморная урна указываютъ прохожему его могилу. Благодарные сограждане предположили воздвигнуть ему памятникъ на мѣстѣ родины его, въ Казани.

Державинъ не оставилъ по себѣ потомства. Первымъ бракомъ сочепался онъ въ 1778 г. Апрѣля 10 съ Екашериною Яковлевною, урожденною Баспидоновою, копорая умерла 15 Юля 1794 года, 34 лѣтъ опъ роду, и погребена въ Невскомъ монастырѣ (*); впорая супруга, Дарья Алексѣевна, изъ фамиліи Дьяковыхъ, здравствуетъ и нынѣ.

Предспавляя Публикѣ новое изданіе сочиненій нашего знамениаго Поэта, считаемъ неизлишнимъ сказапъ, что оно напечатано съ экземпляра, исправленнаго при его жизни, и дополнено нѣкопоры-

(*) Всѣмъ извѣстна прекрасная надпись на гробѣ ея:

Гдѣ добродѣтель? гдѣ краса?

Кто мнѣ слѣды ея примѣнитъ?

Увы! Се дверь на небеса. . . .

Сокрылася — да солнце встрѣшитъ!

ми спихопвореніями, копорыя вышли въ свѣпъ по кончинѣ его. Мы раздѣлили оное на чепыре часпи, изъ коихъ *первая* заключаепъ въ себѣ спихопворенія духовныя и Философическія; *вторая* — посвященныя славѣ Опечеспва, его Царей и оружія, и разнымъ поржеспвеннымъ случаямъ; *третья* — писанныя въ родѣ Анакреона, также подражанія другимъ древнимъ Поэпамъ и піэсы анеологическія; наконецъ *четвертая* — драматическія произведенія.

Нѣкопорыя сочиненія и переводы Державина — попому ли, что писаны въ прозѣ, или по инымъ причинамъ — не были помѣщены въ прежнемъ полномъ собраніи: они не могли войпи въ соспавъ и нашего изданія.

Но важнѣйшее изъ всѣхъ его неизданныхъ сочиненій сунъ записки, оставленныя имъ въ поясненіе своихъ спихопвореній. Сіи записки храняпся у родспвенниковъ его и со временемъ также выйдупъ въ свѣпъ. (*)

Роскошный, разнообразный, своенрав-

(*) Получивъ нынѣ позволеніе издапъ оныя, мы намѣремы напечатапъ ихъ въ слѣдъ за симъ.

ный и въ пупяхъ своихъ неподражаемый
 Геній Державина пребуешъ кришки до-
 стойной его исполинскаго полета, и по-
 тому мы не дерзнули предложить объ-
 немъ собственное наше сужденіе; но о высо-
 комъ назначеніи лиры его скажемъ словами
 одного изъ лучшихъ нашихъ Писателей и
 тонкаго цѣнителя его твореній, Кн. Вя-
 земскаго: „все что человѣчество имѣетъ
 священнѣйшаго, что человѣкъ имѣетъ
 благороднѣйшаго, — доблестъ сердечная,
 соспраніе, праведное негодованіе и
 презрѣніе къ пороку, глубокія мысли
 о безсмертіи и Создатель, печаль-
 ныя чувства при видѣ слабости и
 спраній человѣчества, сердечныя вос-
 поминанія юности, родины, великихъ
 дѣяній предковъ и современниковъ, — всѣ
 сокровища души, ума и сердца обогати-
 ли воображеніе величайшаго изъ Поэ-
 товъ — Державина.“

М О Н А Р Х И Н Я !

Что смѣлая рука Поэзіи писала,
Какъ Бога, истинну Фелицу во плоти
И добродѣтели Твои изображала,
Дерзаю къ Твоему престолю принести,
Не по достоинству изящнѣйшаго слога,
Но по усердію къ Тебѣ души моей.
Какъ жертву чистую, возженную для Бога,
Прими съ небесною улыбкою Твоей,
Прими и освящи Твоимъ благоволеньемъ,
И Музѣ будь моей подпорой и щипомъ,
Какъ мнѣ была и естъ Ты опѣй клеветѣ спасеньемъ.
Да веселясь она и съ бодрѣвшимъ челомъ
Пойдетъ сквозь шму время и спанетъ средь пошомковъ,
Суда ихъ не спрашась, Твои хвалы вѣщаетъ;
И алчный червь когда, межъ гробовыхъ обломковъ,
Оставшій будетъ прахъ костей моихъ глотать:
Забудется во мнѣ послѣдній родъ Багрима,
Мой вросшій въ землю домъ никто не посягнетъ;
Но лира коль моя въ пыли гдѣ будетъ зрима,
И древнихъ струнъ ея гдѣ голосъ прозвучитъ,
Подъ именемъ Твоимъ громка она пребудетъ;
Ты славою, — Твоимъ я эхомъ буду жить.
Героевъ и Пѣвцовъ вселенна не забудетъ;
Въ могилѣ буду я, но буду говорить.

СОЧИНЕНІЯ ДЕРЖАВИНА.

I.

Б О Г Ъ.

О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеніи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ, въ прехъ лицахъ Божества!
Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто посичь не могъ,
Кто все Собою наполняешъ,
Объемлешъ, зиждешъ, сохраняешъ,
Кого мы называемъ: — Богъ!

Измѣришь океанъ глубокій,
Сочесъ пески, лучи планетъ
Хотя и могъ бы умъ высокій, —
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могушь духи просвѣщенны,
Опъ свѣта Твоего рожденны,

Изслѣдовашь судьбъ Твоихъ:
Лишь мысль къ Тебѣ взнесшись дерзаетъ,
Въ Твоемъ величьи исчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.

Хаоса бытиосъ довременну
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ,
А вѣность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ Себѣ Самомъ Ты основалъ.
Себя Собою соспавляя,
Собою изъ Себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ испекъ.
Создавый все единымъ словомъ,
Въ шворенъи проспираясь новомъ,
Ты былъ, Ты еси, Ты будешь въ вѣкъ!

Ты цѣль сущесствъ въ Себѣ вмѣщаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конецъ съ началомъ сопрягаешь,
И смертію живешь даришь.
Какъ искры сыплюшся, спремяшся,
Такъ солнца ошъ Тебя родяшся;
Какъ въ мразный, ясный день, зимой,
Пылинки инея сверкають,
Врашяшся, зыблюшся, сіяють,
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.

Свѣшилъ возженныхъ миллионы
Въ неизмѣримости шекуютъ;
Твои они шворяшъ законы,
Лучи живошворящи, мють.

Но огненны сіи лампы,
Иль рдяныхъ кристалей громады,
Иль волнъ злыхъ кипяцій сонмъ,
Или горящіе ээиры,
Иль вкупѣ всѣ свѣщающіе міры —
Передъ Тобой, какъ ночь предъ днемъ.

Какъ капля въ море опущенца,
Вся швердь передъ Тобой сія.

Но что мной зрима вселенна?

И что передъ Тобою я? —

Въ воздушномъ океанѣ ономъ,
Міры умножа миллиономъ
Спокрашъ другихъ міровъ — и то,
Когда дерзну сравнишь съ Тобою,
Лишь будетъ почкою одною:
А я передъ Тобой — ничто.

Ничто! — Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ;
Во мнѣ Себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ничто! — Но жизнь я ощущаю,
Несытымъ нѣкакимъ лещаю
Всегда пареньемъ въ вышны;
Тебя душа моя бытъ чаешъ,
Вникаешъ, мыслишь, разсуждаешъ:
Я есмь — конечно есь и Ты!

Ты есь — Природы чинъ въщаешь;
Гласишь мое мнѣ сердце то;

Меня мой разумъ увѣряешъ:
Ты есь! — и я ужъ не ничто!
Часпица цѣлой я вселенной,
Поспавленъ, мнишся мнѣ, въ почтенной
Срединѣ еспешва я шой,
Гдѣ кончилъ шварей Ты шѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ,
И цѣпь сущесшвъ связалъ всѣхъ мной.

Я связь міровъ, повсюду сущихъ,
Я крайня спешень вешесшва;
Я средошочіе живущихъ,
Черша начальна Божесшва;
Я шѣломъ въ прахъ исплѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю;
Я царь — я рабъ; — я червь — я Богъ!
Но, будучи я шполь чудесенъ,
Ошколъ происшелъ? — безвѣспенъ;
А самъ собой я бышь не могъ.

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудросши я шварь,
Испочникъ жизни, благъ Податель,
Душа души моей и Царь!
Твоей шю правдѣ нужно было,
Чшобъ смершну бездну преходило
Мое безсмершно бышіе;
Чшобъ духъ мой въ смершность облачился,
И чшобъ чрезъ смершь я возвращился,
Ощецъ! въ безсмершіе Твое.

Неизъяснимый, Непоспѣжный!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И пѣни начерпашь Твоей!
Но если славословишь должно,
То слабымъ смерпнымъ не возможно
Тебя ни чѣмъ инымъ почпишь,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышашься,
Въ безмѣрной разности шеряшся
И — благодарны слезы лишь.

II.

БЕЗСМЕРТІЕ ДУШИ.

Умолкни, чернь непросвѣщенна,
Слѣпыя свѣша мудрецы! —
Небесна истина, священна!
Твою мнѣ шайну шы прорцы.
Въщай: я буду ли жишь вѣчно?
Безсмертна ли душа моя?
Се слово мнѣ гремишь предвѣчно.
Живъ Богъ — жива душа твоя!

Жива душа моя! — и вѣчно
Она жишь будешъ безъ конца;
Сіянье длился безпресѣчно,
Текуще свѣша опъ Опца.

Опъ лучезарной единицы,
Въ комъ всѣхъ сущесвъ вращенъ кругъ,
Какія ни текутъ часпицы,
Всѣ живы, вѣчны: — вѣченъ духъ.

Духъ тонкій, мудрый, сильный, сущій
Въ единый мигъ и нѣмъ и здѣсь,
Быстрѣе молніи текущій
Всегда, вездѣ и вкупѣ весь,
Не осязаемый, не зримый,
Въ желаньи, въ памяти, въ умѣ
Непоспѣжимо содержимый,
Живущій внутрь меня и внѣ;

Духъ, чувствовашъ, внимашъ способный,
Все знашъ, судишъ и заключаешъ,
Какъ легкій прахъ, такъ міръ огромный
Вкругъ мѣришъ, вѣсишъ, исчисляшъ,
Ревущи отворачашъ перуны,
Черезъ бездны преплывашъ морей,
Сквозь своды воздуха лазурны
Свѣшъ черпашъ солнечныхъ лучей;

Могущій время скоротечносъ,
Прошедше съ будущимъ вязаешъ,
Воображаешъ блаженство, вѣчносъ,
И съ мершвыми совѣшъ держаешъ,
Плѣняшъся испинѣ красоюю,
Надѣяшъся безсмертнымъ быти. —
Сей духъ возможешъ ли косою
Престѣхся смерти и не жишъ?

Какъ можно, чшобы царь всемірный,
Господь спихій и вещесхва —
Сей духъ, сей умъ, сей огонь ээирный,
Сей истый образъ Божесхва —
Являлся съ славою шакою,
Чшобъ шолько мигъ въ семъ свѣшъ жишь,
Пошомъ покрылся бъ вѣчной шмою?
Нышъ, нышъ! сего не можешъ бышъ.

Не можешъ бышъ, чшобъ съ плотью шлѣнной,
Не чувсшвуя неплѣнныхъ силъ,
Противу смерти разъяренной
Въ сраженъе воинъ выходилъ;
Чшобъ власшью Царь не ослѣплялся,
Судья противъ даровъ споялъ,
И человекъ съ спрасшми сражался,
Когда бы духъ не укрѣплялъ.

Сей духъ въ Пророкахъ предвѣщаетъ,
Паришъ въ Цишахъ въ вышину,
Въ Вишіяхъ сонмы убѣждаетъ,
Съ народовъ гонишъ слѣпошу;
Сей духъ и въ узахъ не боишся
Тиранамъ правду говоришъ:
Чего безсмершному спрашишся?
Онъ будешъ и за гробомъ жишъ.

Премудросшъ вѣчная и сила,
Во знаменъе чудесъ своихъ,
Въ персшъ земну душу, духъ вложила,
И шакъ во мнѣ связала ихъ,

Что сдѣлались они причастны
Другъ друга свойства и естества:
Въ сей водворился міръ прекрасный
Безсмертный образъ Божества!

Безсмертенъ я! — и увѣряешь
Меня въ томъ даже самый сонъ:
Мои онъ чувства усыпляетъ,
Но дѣйствуетъ душа и въ немъ;
Оставя неподвижно тѣло,
Лежащее въ моемъ одрѣ,
Она свой путь свершаетъ смѣло,
Въ стихійной пролетая прѣ.

Сравнимъ ли и прошедши годы
Съ исчезнувшимъ, минувшимъ сномъ:
Не всѣ ли виды намъ Природы
Лишь бывшихъ мечтъ являлся сонъ?
Когда жъ оспоришь то не можно,
Чтобъ въ прошломъ время не жилъ я:
По смертномъ снѣ такъ непреложно
Жишь будешь и душа моя.

Какъ тѣма есть свѣта оплученье:
Такъ оплученье жизни — смерть.
Но коль лучей, во удаленьѣ,
Умершими не лзя почестъ,
Такъ и души, отошедшей тѣла:
Она жива, какъ живъ и свѣтъ;
Превыше тѣлеснаго предѣла
Въ своемъ Источникѣ живетъ.

Я здѣсь живу, — но въ цѣломъ мірѣ
Крылаша мысль моя парилъ;
Я здѣсь умру, — но и въ эфирѣ
Мой гласъ по смерти возгремилъ.
О! если бѣ Спихопворсшво знало
Брашь краску солнечныхъ лучей,
Какъ ночью бы луна, сіяло
Безсмертіе души моей.

Но если нѣтъ души безсмертной: —
Почто жъ живу въ семъ свѣтѣ я?
Чшо въ добродѣтели мнѣ щепной,
Когда умрешъ душа моя?
Мнѣ лучше, лучше бытъ злодѣемъ,
Попрашь законъ, низвергнушь власъ,
Когда по смерти мы имѣемъ,
И злой и добрый, равну часъ.

Ахъ, нѣтъ! — коль плоть, разрушась, шльнна
Мершвила бѣ нашъ и духъ съ собой,
Давно бы попряслась вселенна,
Земля покрылась кровью, мглой;
Упали бѣ проны, царства, грады,
И все погнбло бѣ золь въ борьбѣ;
Но духъ безсмертный ждесть награды
Ошъ правосудія себѣ.

Дѣла, и сами наши спрасши —
Безсмертья знаки нашихъ душъ:
Богапшвъ алкаемъ, славы, власпи;
Но всѣ ихъ получа, мы въ шу жъ

Минушу вновъ — и близъ могилы —
Не преспаемъ еще желашь;
Такъ мыслей проспираемъ крилы, —
Какъ будпо бѣ ввѣкъ не умирашъ.

Нашъ прахъ слезами оросишся,
Гробъ скоро мохомъ зароснешъ;
Но огонь опъ праха въ помъ родишся,
Надгробну надпись кто прочнешъ:
Блеснешъ, — и вновъ подъ небесами
Начнешъ свой фениксъ новый кругъ.
Все движешся, живешъ дѣлами,
Душа безсмершна, мысль и духъ.

Какъ сѣрный паръ прикосновеньемъ
Вмигъ возгараешся огня,
Подобно мысли сообщеньемъ
Возможно вдругъ возжечь меня;
Во слѣдъ же моему примѣру
Пойдешъ опважно и другой:
Такъ дѣль и мыслей атмосферу
Мы проспираемъ за собой!

И всяко сѣмя роду сродно
Какъ своему приносишъ плодъ:
Такъ всяка мысль себѣ подобно
Дѣянье за собой ведешъ.
Благіе въ мѣръ духи, злые,
Сушь вѣчны чада сихъ сѣменъ;
Опъ нихъ шѣ свѣшъ, а шму другіе
Въ себя пріемлюшъ, жизнь иль шлѣнь.

Бываю веселъ и спокоенъ,
Когда я сотворю добро;
Бываю скученъ и разспроенъ,
Когда содѣлаю я зло:
Ошкоть же разноснѣ чувствъ такая?
Ошкоть борьба и перевѣсъ?
Не то ль, что плоть есть персть земная,
А духъ — вліяніе небесъ?

Ошкоть и чувствъ по насыщенъ
Объемлешь душу пустоша?
Не ошъ того ль, что наслажденье
Для ней благъ здѣшнихъ — суеша;
Что есть для насъ другой міръ краше,
Есть вѣчныхъ радостей чертогъ?
Безсмертіе — спихія наша,
Покой и верхъ желаній — Богъ!

Болѣзнию изнуренна смертной
Зрю мужа праведна въ одрѣ,
Покрышаго ужъ пѣнью мершвой;
Но, при возблещущей зарѣ
Надъ нимъ прекрасной, вѣчной жизни,
Горѣ онъ взоръ возводишь вдругъ;
Спѣша въ объятіе опчизны,
Съ улыбкой выпускаешь духъ.

Какъ червь, оставя паутину
И въ бабочкѣ взявъ новый видъ,
Въ лазурну воздуха равнину
На крыльяхъ блещущихъ лепишь,

Въ прекрасномъ веселясь убраннымъ,
Съ цвѣтовъ садился на цвѣты:
Такъ и душа, небесъ въ пространствѣ,
Не будешь ли безсмертна ты?

О, нѣтъ! безсмертіе прямое —
Въ единомъ Богѣ вѣчно живъ,
Покой и счастье святое
Въ Его блаженномъ свѣтѣ чинишь.
О радость! о восторгъ любезный!
Сіяй надежда, лучъ лѣтъ,
Да на краю воскликну бездны:
Живъ Богъ — жива душа моя!

III.

ВЕЛИЧЕСТВО БОЖІЕ.

Благослови, душа моя,
Всесильнаго Творца и Бога!
Коль Онъ великъ! Коль мудрость многа
Въ швореньяхъ, Господи, Твоя!

Ты свѣтомъ, славой, красою,
Какъ будто ризой облачился;
И какъ шапромъ, Ты осѣнилъ
Небесъ лазурной высокою.

Ты звѣздну швердь изъ водъ сложилъ,
И по зарямъ ея спупаешь;
На крыльяхъ въпряныхъ лешаешь
Во сонмъ свѣпоносныхъ силъ.

Послами Ангеловъ шворишь,
Повелѣваешь Ты духами;
Послушными Себѣ слугами
Огню и бурямъ бышь велишь.

Поспавилъ землю на зыбяхъ:
Во вѣкъ шверда она собою;
Объяшы бездной, какъ пленою,
Споаяшъ въ ней воды на горахъ.

Среди хранилища сего
Онъ грозы Твоей бояшся;
Речешъ — ревушъ, бѣгушъ, спремятся
Ошъ гласа грома Твоего;

Какъ горы, всходяшъ къ облакамъ;
Какъ долы, внизъ клонясь, лежащя;
Какъ сшепи, разліясь, спруяшя
Къ показаннымъ Тобой мѣшамъ.

Предѣль Ты начерпалъ имъ Твой,
И изъ него онъ не выдушъ,
Не обрашяшя и не придущъ
Покрышъ лице земли волной;

Велишь внупръ горъ ключемъ имъ бишь;
Изъ дебрей рѣки проливаешь,
Звѣрямъ, онаграмъ посылаешь
Повсюду жажду утолишь.

А шамъ, по синевѣ небесъ
Віась, пернашья лешающъ,
Изъ облакъ гласы испускающъ
И свищущъ на въшвахъ древесъ.

Ты дождь съ превыспреннихъ спремишь;
Какъ перла, росы разсылаешь;
Туманомъ холмы осребряешь
И плодоносными шворишь;

Изъ нѣдръ земныхъ праву скопамъ
Произращаешь въ насыщенье;
На разное употребленье
Различный злакъ изводишь намъ:

На хлѣбъ — чшобъ укрѣпляшь сердца,
И на вино — чшобъ ободряешь,
И на елей — чшобъ услаждаешь
И умащаешь красу лица.

Твоя рука повсюду льещъ
Древамъ пишательные соки;
Ливанскихъ кедровъ садъ высокій,
Тобою насажденъ, цвѣшетъ.

Ты мелкихъ пшичекъ умудриль
Свои вишь сокровенно гнѣзды,
Эродій же свое подъ звѣзды
Чшобы на соснахъ возносилъ.

По высотамъ крупныхъ холмовъ
Ты прядашъ научилъ еленей;
А зайцамъ средь кустовъ и шѣней
Ты далъ защипу и покровъ.

И блѣдная луна Тобой
Своею чередой сіяешъ,
И лучезарно солнце знаешъ
Во благовремя западъ свой.

Какъ день Ты удалишь, и ночь
Покровъ свой разстилаешъ черный, —
Лѣсные звѣри и дубровны,
И скимнъ выходишь яръ и пощъ:

Выходяшъ, рыщущъ и рычашъ,
И опъ Тебя всѣ пищи просяшъ;
Чшо Ты даруешь имъ — уносяшъ,
И свой шѣмъ уполяюшъ гладъ.

Но лишь прострешъ свой солнце взглядъ,
Они собираюшся сподами,
И идушъ врозь между лѣсами,
И въ мрачныхъ логовищахъ сляпъ.

Поутру человекъ вспаешъ,
Идешъ на шрудъ, на земледѣлье,
И солнечное захожденье
Ему спокойствіе даешъ.

Но коль дѣла Твои, Творецъ!
Безчисленны и неизмѣрны!
Премудрости Твоей сушь бездны,
Полна земля Твоихъ чудесь!

Сіи моря, сей водный сонмъ,
Обширны хляби и бездонны,
Большихъ и малыхъ тварей полны
И чудъ, безчисленныхъ числомъ.

Тамъ кишъ, шамъ чолнъ спремяшъ свой бѣгъ,
И насмѣхаюшся надъ бездною;
И все сіе, о Царь вселенной!
Себѣ Ты создалъ для ушѣхъ.

Къ Тебѣ всѣхъ смертныхъ очи зрашъ,
И на Тебя всѣ уповаюшъ;
Къ Тебѣ всѣ руки проспираюшъ
И милоспей Твоихъ хошашъ.

Даруешь имъ — и собираешъ;
Разверзнешь длань — и разсыпашъ
Щедроту всѣмъ; Ты всѣхъ питаешъ,
И всѣ они Тобой живущъ.

Но если оповрапишь Свой зракъ —
Ихъ всюду ужасы смущающъ;
Опымешь душу — исчезающъ
И превращающся во прахъ.

А если духъ пошлешь Ты Свой —
Мгновенно вновь все сотворишся,
Лице земное обновишся,
Изъ шмы возстанешъ свѣшъ другой.

И будешъ слава средь небесъ
Твоя, Создашель! продолжашся;
Ты вѣчно будешъ утѣшашся
Твореніемъ Твоихъ чудесъ!

О Ты, прясешъ Чей землю взглядъ!
Коснешся ли горамъ — дымяшся;
Дохнешъ ли на моря — холмяшся;
Въ рукъ держащій швердь и адъ!

Тебя, Всесильный мой Творецъ!
Я вѣчно славословишъ спану,
И пѣшь Тебя я не прешану
По самый дней моихъ конецъ.

Моя бесѣда предъ Тобой
И пѣснь угодны да являшся;
Тобой я буду восхищашся,
Дышашъ и жившъ, о Боже мой!

Но грѣшныхъ племя и языкъ
Да испребишъ десница спорога! —
Хвали, душа моя, пы Бога:
Сколь Онъ премудръ, и сколь великъ!

IV.

ПОМОЩЬ БОЖІЯ.

Возвелъ я мысленные взоры
Въ небесны, лучезарны горы, —
И помощь мнѣ опшоль пришла.
Я помощь сильную приѣмлю
Опъ Сопворившаго всю землю
И въ небѣ звѣзды безъ числа.

Ноги моей въ поползновенье,
Ниже въ малѣйшее смященье,
Онъ не допусшишъ, и хранишъ.
Хранишъ меня, и не воздремлешъ,
И всѣмъ моимъ Онъ нуждамъ внемлешъ,
И свѣше на меня глядишъ.

Господь, Господь — мой Покровишель,
Помощникъ, Жезль и Подкрѣпитель,
И щипъ онъ на груди моей;
Ни солнце въ день не опаляешъ,

Ни лунный свѣтъ не ужасаетъ
Меня въ шмѣ блѣдностью своей.
Вездѣ со мною пребываешь,
Сопутствуешь, осперегаешь
Ошъ всякаго меня Онъ зла;
Блудешь мой входъ и исхожденъе;
Предупреждаешь искушенъе,
Чшобъ злоспъ вредишь мнѣ не могла.

V.

ХРИСТОСЪ.

Никто же прїидетъ ко Отцу, токмо мною.
Иоан. гл. 14., ст. 6.
О Сый (*), Кошораго перомъ,¹
Ни браннымъ зрѣнїемъ, ни слухомъ,²
Ниже вишїйспва языкомъ
Не можно описашъ, — а духомъ³
И вѣрой пламенной молишь!
Твоею благодастью плѣнный,
Какъ бы на Небо восхищенный,⁴
Тебя дерзаю я гласишь.⁵

(*) Всегда, вездѣ пребывающій.

Тебя! — Но кто же сущій Ты,
Что челоуѣкомъ чшимъ и Богомъ?
Лице — какъ солнца красоты! ⁶
Хишонъ — какъ снѣгъ во блескъ многомъ!
Изъ ребръ неплѣнныхъ — льется кровь! ⁷
Лучи — всю плоть просіявають!
Небесный взоръ, уста дышають
Сладчайшимъ благоуспѣемъ словъ!

Кто Ты, что къ намъ сходилъ съ небесъ,
И паки въ нихъ вознесся въ славъ, ⁸
Вовѣкъ живой и тамъ и здѣсь,
Несмысленныхъ Царствъ Своихъ въ державъ, ⁹
Въ округъ и срединъ сферъ;
Хлѣбъ жизни и живошь спруй вѣчныхъ; ¹⁰
Самъ Свяшь, безгрѣшенъ, а всѣхъ грѣшныхъ
Единая къ спасеню дверь? ¹¹

Кто Ты, Кого изъ древнихъ льшь
Сивиллы, Маги и Пророки ¹²
Приходъ предвозвѣстили въ свѣтъ;
Полкъ горнихъ силъ сквозь блескъ далекий ¹³
Дивился съ шепетомъ Кому,
Что Бога и Царя Небесна,
Безсмертна суца, бесплѣсна,
Сходяща видяшь смерти въ шму?

Кто Ты, въ Кошоромъ сквозь эфиръ ¹⁴
Съ горы ниспадшій зрѣлся камень;
Къмъ міра сокрушенъ кумиръ;
Тошъ льщій юноша, что пламень ¹⁵

Внутри печи въ росу претворилъ,
И прежде, чѣмъ на свѣшъ явился,
Во шмъ чудесъ предобразился,
И чаяньемъ языковъ былъ? ¹⁶

Кшо Ты, Кошораго звѣзда ¹⁷
Часъ возвѣспила въ міръ явленья,
Казала пушь, къ Кому ведя,
Царямъ, Волхвамъ для поклоненья;
Чей пронъ не въ злать средь порфирь,
Но въ вершъ (*), въ ясляхъ былъ возвышенъ; ¹⁸
Надъ Кѣмъ ликъ Ангеловъ былъ слышенъ:
Сошелъ во человѣки миръ!

Кшо Ты, вспяшь Іорданъ бѣжалъ ¹⁹
Кого омышъ съ спремленьемъ шумнымъ,
Въ пусынѣ свѣшъ осіявалъ;
Гласъ Агнцемъ проповѣдалъ чуднымъ, ²⁰
Могущимъ всѣхъ грѣхи подъяшь,
Таинственнымъ спраша всѣхъ слухомъ,
Чшо, не родясь водой и духомъ, ²¹
Небесъ не можно доспигашь?

Кшо Ты, чшо опверзалъ слухъ, взоръ,
Глухимъ, слѣпымъ — прикосновеньемъ; ²²
Крошилъ свирѣпость бурь и морь ²³
Единымъ персша мановеньемъ?
И не Тебѣ ль былъ сонмъ духовъ ²⁴
Послушнымъ, всякая спихія?

(*) Въ вершѣ.

И гласъ не Твой ли изъ земныя
Взывалъ упробы мершвецовъ? ²⁵

Не Ты ль, величественный Мужъ,
Во славѣ, въ блескѣ несказанномъ, ²⁶
Между живыхъ и мершвыхъ душъ ²⁷
На холмѣ зрѣлся лучезарномъ,
Какъ нѣкій дивный Власпелинъ
И днешня и грядуща міра?
Надъ Коимъ громъ гремѣлъ съ эмпіра:
»Се Мой возлюбленнѣйшій Сынъ!« ²⁸

Какъ! Неба Сынъ Ты? — ужасъ, мракъ
Мои всѣ пробѣгающъ косми!
Ты Богъ? — но Твой поруганъ зракъ
Ошъ человѣческія злосми!
Окровавленны красомы!
Съ злодѣями на древъ крестномъ ²⁹
Висишь въ помлени скорбномъ, смершномъ,
Блѣднъ, бездыханенъ, мершвъ! — Кшо жъ Ты?

Кшо Ты? — и какъ изобразишь
Твое величье и ничпожностъ,
Нешлѣнье съ шлѣнемъ согласишь,
Слишь съ невозможностью возможностъ?
Ты Богъ; — но Ты спрадалъ ошъ мукъ! ³⁰
Ты человѣкъ; — но чуждъ былъ месми! ³¹
Ты смершенъ; — но испнилъ скишпръ смерши! ³²
Ты въченъ; — но Твой издше духъ! ³³

О, тайнъ глубокихъ Океанъ!

Пучина дивъ прошивоборныхъ!
Зачѣмъ сходилъ Ты съ звѣздныхъ снранъ,
И жилъ въ селеніяхъ юдольныхъ?
Творецъ Ты — могъ все съ высопы;
Ты шварь; — почто же прешчала ³⁴
Вся швердь, какъ жизнь Твоя увяла?
Ошкрой, ошкрой Себя мнѣ Ты!

Ошкрой Себя, ошкрой — молюсь!
И се — гласъ слышу сердца въ дверяхъ:
»Доколь воплю, доколь шолкусь ³⁵
Воскреснушь въ хладныхъ маловѣрахъ?
О свѣша сынъ! о рабъ днесъ шмы!
Свлеки съ себя покровъ швой бренной,
И мыслью, Вѣрой воскрыленной,
Мой промыслъ о себѣ вонми:

»Премудрость, Сила и Любовь,
Богъ духъ, въ шрехъ свѣшахъ Свѣшъ ввѣкъ живый ³⁶
Единшвомъ пройчнымъ до вѣковъ,
Въ своемъ Совѣшъ положивый
Свою въ шмѣ славу проявишь,
Воззвашь изъ безднъ созданье ново,
Послалъ единородно Слово, ³⁷
И — словомъ шма вселенной бысшь. ³⁸

»Изобразилось еспешво,
Незримое всезримымъ спало,
И въ чловѣкѣ Божешво,
Какъ солнце въ морѣ, возсіало!
Все покорилося ему, ³⁹

Что благъ былъ, крошокъ, чистъ, незлобенъ
И, во зеркаль какъ, подобенъ
Творцу безсмертну своему. ⁴⁰

»Но поелику созданъ онъ ⁴¹
Съ свободною душой изъ персти,
То обаялъ мечтаній сонъ
Его и ухищренье лести: ⁴²
Онъ, въ красоту свою влюбясь,
Возмнилъ бытъ Богъ — и возгордился,
Опъ Единицы опклонился,
И опблескъ въ немъ Ея погасъ.

»Погасъ, палъ въ пму вселенной Царь,
Неплънье превратилось въ плънье; ⁴³
Ему совоздыхая, пварь ⁴⁴
До днесъ спрасшей своихъ въ бореньъ —
Въкъ будешь въ пръ — не упоишь
Доколь гнѣвъ Опъ, сей низкой долей, ⁴⁵
Что волей палъ, и пой же волей
Себя къ Нему не возвращишь, —

»И плоти не опвергнешъ такъ, ⁴⁶
Ничто чтобъ духъ не опягчало;
Но палъ какъ въ полъ глубокой мракъ,
Что силъ его воспашъ не спало, ⁴⁷
То шупъ Любовь, время въ исходъ, ⁴⁸
Сошла смиришь спрасшей злыхъ ревы:
Сый возсіялъ опъ чистой Дѣвы,
Какъ солнца лучъ опъ чистыхъ водъ!

»Имъ пробудилось Божество,
Уснувши чувствъ опъ обольщенья,
Духовно свѣша существо,
Какъ искра камня опъ біенья,
Вспрянуло, — и явился Богъ,
Въ плоти Его спраданьемъ Слова:
На свѣшъ Имъ Трисвяшый зрѣшъ снова
Адамъ сподобился возмогъ.

»Адамъ бы, падши, не возсхалъ,
Когда бъ въ Хриспъ не воскресился, —
Не воскресъ, не возсіалъ, —
Не возсіавъ, не возродился
Въ блаженство первородно вновь.
Се, какъ смиреніемъ, шerpнѣемъ,
Спраданьемъ, скорбью, умерщвленьемъ
Возводишъ всѣхъ къ Себѣ Любовь!

Такъ подлинно, безъ плоти духъ
Не могъ въ плѣнъ пастъ; безъ духа жъ силы
И плоть слаба духовъ вшечь въ кругъ
Къ землѣ съ прикованными крылы:
То, по Совѣшу Трисвяшу,
Скудель въ санъ Серафимскъ возсхавишь,
Безсмершьемъ смершнаго прославишь
Предославлялося Хриспу.

И Имъ со славой, съ шоржесвомъ
Явилась міру Божья сила:
Какъ западъ, насъ злашымъ лучомъ⁴⁹
Свяшая кровь Его покрыва,

И освѣшила благодашь,
Давъ обласъ въ чадъ Его вчиняшся, ⁵⁰
Младенцевъ смысломъ умудряшся ⁵¹
И разумъ Вѣрь покоряшъ.

Чшобы, надѣясь на Него,
Одну мы благосъ, милосердя
Могли искашъ себѣ шого
Наслѣдна, прежня озаренья,
Имъ кое шолько можно зръшъ;
Свяшымъ внушрь Духомъ очищаясь,
Живясь, свѣшлѣясь, возвышаясь,
Любовью къ Божесшву горѣшъ.

Се, чшо есть Сый, чшо есть Христосъ,
Чшо Бого-человѣкъ, чшо Слово:
Онъ Самый Топъ, Кошорый взнесъ
Духовно и шѣлесно въ ново
Тѣмъ бышье, чшо, спражда Самъ,
Всѣмъ подалъ ясныя примѣры, ⁵²
Какъ силой доблести и Вѣры
Входишъ возможно къ Небесамъ!

Такъ! Онъ Единъ, никшо другой
Слѣща привесъ не можешъ къ свѣшу
Пошерынному чувствъ спезей.
Лишь словомъ успъ Его согръшу,
Внушрь скрышся могушъ очеса. —
Поишъ спруей Онъ вѣчной жизни,
И сладосъ древнїя опчизны
На землю сводишъ Небеса.

Онъ — сшедша Истина съ Небесъ,
Онъ — добродѣтель воплощенна,
Ошерша шоки смертныхъ слезъ.
Въ лицѣ подобоспращна плѣна
Сходилъ Онъ къ смертну естествоу, ⁵³
Ошъ узъ грѣховныхъ міръ избавишь,
На прежней сшепени посшавишь
И уподобишь Божествоу.

Такъ! безъ Него никшо къ Ошцу ⁵⁴
Его приближиться не можешъ;
Безъ Сына дверь наградъ къ вѣнцу
Таинственную не пропоржешъ.
Живешъ въ Ошцѣ, Опецъ же въ Немъ; ⁵⁵
Безднѣ, Неба и земли посредникъ,
Ходашай, Вождь, всѣхъ благъ Наслѣдникъ ⁵⁶
И Подвигоположникъ — Онъ.

Предвѣчной Правдѣ, Трисвятой
Противно бѣ было безконечно,
Чшобъ смертный за проступокъ свой
Предъ Вѣчнымъ не былъ виненъ вѣчно.
Кшо жъ Бога удовлетворишь?
Лишь Сынъ Его, изъ милосердя
Взявъ на Себя всѣхъ пресшупленья, ⁵⁷
Возмогъ міръ миромъ примиришь. ⁵⁸

Се есшъ Христовыхъ цѣль заслугъ:
Да благосшъ сблизитъ съ правосудьемъ,
Да воцаришъ надъ шѣломъ духъ, —
И сихъ великихъ дѣлъ орудьемъ

Онъ пребылъ Самъ, чшо Самъ спрадалъ.
Онъ могъ призвашъ въ защишу громы;
Но, волею на казнь ведомый,
Своей Онъ смершью смершь попраля.

И чрезъ примѣръ явилъ сей Свой,
Чшо не мірскія наказанья
На лобномъ насъ мрачашъ хулой,⁵⁹
Равно и не коронъ сіянья
Богopodobными шворяшъ;
Но правда, Вѣра, добродѣшель
Вѣкъ провозвѣспникъ и свидѣшель
И блескъ неложный Свѣша чадъ.

Се тако Іисусъ всѣхъ спасъ,
И познанъ Человѣко-Богомъ,
Чшо шакъ ни чей покоишъ гласъ
И сладосшь въ насъ лишь въ бѣдспвѣ спрогомъ
Не силенъ, какъ Его единъ.
Бывъ выше всѣхъ, — училъ бышъ низшимъ,⁶⁰
Любишъ враговъ, и сердцемъ чистымъ⁶¹
Молилъ за нихъ лишь Божій Сынъ.

Онъ Царь, Законодашель Тощъ,
Чшо успъ Своихъ однимъ глаголомъ
Ко благу общу всѣхъ ведешъ,
Равняешъ хижину съ Пресполомъ:

«Просящему» — речешъ Онъ — «дай,⁶²
«Болящаго призри въ больницъ,
«Печальнаго ушѣшь въ шемницъ,
«Голодна, жадна напишай!»

Первосвященникъ Онъ, Пророкъ,⁶³
Кой вѣрующимъ въ Него любовью
Себя далъ вѣры ихъ въ залогъ,
Запечатлѣвъ завѣшъ Свой кровью;⁶⁴
И такъ его шѣмъ ушвердилъ,
Что имъ обѣщанный, небесный
Въ языкахъ огненныхъ чудесный⁶⁵
Излилъ Свой Духъ и научилъ:

Былики злобно не сломишь;⁶⁶
Но бышь всѣмъ крошкимъ, всѣмъ радушнымъ,
Лишь по себѣ другихъ судишь;⁶⁷
И не чрезъ рашъ Себѣ послушнымъ
Бышь міру, но чрезъ рыбъ-ловцовъ⁶⁸
Проспыхъ вельѣль, — и Синагоги,
Ареопагъ, имъ палъ предъ ноги:⁶⁹
Се силенъ какъ законъ Хрисповъ!

Хриспось — весь Благоспъ, весь Любовь,
Блескъ свойспвамъ даже Трисвященнымъ!
Весь кругъ бы безъ Него міровъ⁷⁰
Неполнымъ былъ, несовершеннымъ. —
Богъ Умъ — могъ все предначершашъ;
Богъ Мошь — все сздашъ; Любви жъ безъ Бога
Могли ль премудроспъ, сила спрога
Горъ къ себѣ сердца воззвашъ?

Такъ! Богъ и дивенъ и великъ
Намъ паче воплощеньемъ Сына.
Могъ плошь и духъ сздашъ Онъ въ мигъ;
Но связь сихъ крайностей едина

Всѣхъ удивительнѣй чудесь!
Адамъ пущь волею палъ злою;
Но взнесся плотью Онъ святою
Въ Христѣ, превыше всѣхъ небесъ.

Отецъ и Сынъ и Духъ Свяшій,
Незримый Свѣшъ Тріѹспасный;
Но въ плоти Сынъ пріѡвъ черпы,
Какъ человѣкъ подобоспасный,
Открылъ Себя и научилъ
Чшишь Бога истиной и духомъ.⁷¹
Кумировъ свергъ Своимъ Онъ слухомъ,
Какъ силу ада сокрушилъ.⁷²

Христось — насъ Искупитель всѣхъ⁷³
Отъ первороднаго паденья;
Онъ — свѣшъ, шмой необъемлемъ вѣкъ;⁷⁴
Но шмишся внутрь сердець невѣрѣя,⁷⁵
Свѣшся на лонѣ у Отца.⁷⁶
Христа нашедши, все находимъ,⁷⁷
Эдемъ свой за собою водимъ,
И храмъ Его — свѣшы сердца.⁷⁸

О Всесвяшій, Превѣчнѣй, Сый! —
Свѣшъ шихій Божескія славы!
Пролей Свой, Христѣ! красы
На духъ, на сердце и на нравы,
И жишь во мнѣ не преспавай;
А ежели и уклонюся
Съ очей Твоихъ, и зашемнюся, —
Въ слезахъ моихъ вновѣ возсіѣй!⁷⁹

Услышь меня, о Богъ любви!
Опещь щедрошъ и милосердья!
Не презрь преклоньшейся главы,
И сердца грѣшна дерзновенья ⁸⁰
Мнѣ моего не спавъ въ вину,
Чпо изъяснишь Тебя я шчился, —
У ногъ Твоихъ коль умилился
Ты, зря съ маспикою жену. ⁸¹

VI.

ПРАВЕДНЫЙ СУДІЯ.

Я милосъ воспую и судъ,
И возглашу хвалу я Богу;
Законы, поученье, шрудъ,
Премудросъ, добродѣшель спрогу
И непорочносъ возлюблю.

Въ моемъ я домъ буду жишь
Въ согласьи, въ правдѣ, въ преподобьи;
Какъ чадъ, рабовъ моихъ любишь,
И сердца моего въ незлобьи
Одни пороки испреблю.

И мысленнымъ очамъ моимъ
Не предложу я дѣлъ пресупныхъ;

Ничѣмъ не пріобщуся къ злымъ;
Возненавижу и распушныхъ,
И отвращуся отъ льстецовъ.

Отъ своихъ уклонюсь,
Не прильплюсь въ совѣтъ коварныхъ;
Отъ порицаній усхранюсь,
Навѣшовъ, наущеній пайныхъ,
И изгоню клеветниковъ.

За споль съ собою не пущу
Надменныхъ, злыхъ, неблагодарныхъ;
Моей прапезой угощу
Правдивыхъ, честныхъ, благонравныхъ;
Къ благимъ и добрымъ буду добръ.

И гдѣ со мною ни сойдуся —
Лжецы, мздоимцы, гордецы, —
Отвсюду мною изженуся
Въ дальнѣйшіе земны концы,
Иль казнь повергнешъ ихъ во гробъ.

VII.

ИСТИННОЕ СЧАСТЬЕ.

Блаженъ пошъ мужъ, кто ни въ совѣщъ,
Ни въ сонмъ губишелей не сядешъ,
Ни грѣшниковъ на пушъ не спанешъ,
Ни пойдешъ нечеспивымъ въ слѣдъ,

Но будешъ ношю и днемъ
Въ законъ Божьемъ поучашся,
И всею волею спарашся,
Чшобъ только поступаешъ по немъ.

Какъ при попокъ чистыхъ водъ
Въ долинь древо насажденно,
Цвѣтами всюду окруженно,
Дающее во время плодъ,

Копораго зеленый лиспъ
Не падаетъ и не желѣшетъ:
Подобно онъ во всемъ успѣшетъ,
Когда и что ни сошворишъ.

Но беззаконники не шакъ:
Они съ лица земли спрахнушся,
Развѣюшся и разнесушся,
Какъ въпромъ возмешенный прахъ.

Суда Всевидца не снесушь
И не воскреснушь нечеспивы,
И грѣшники въ совѣсть правдивый
Опнюдь явишься не дерзнушь.

Господь съ превыспреннихъ Своихъ
Всѣхъ нашихъ помышленій зришеть;
Онъ праведниковъ покровишеть,
Карашеть и губишеть злыхъ.

УШ.

ПОБѢДИТЕЛЮ.

Въ Всевышней помощи живущій,
Въ покровѣ Бога водворенъ,
Заслупникомъ Его зовущій,
Прибѣжищемъ своимъ, и въ Немъ
Надежду кшо свою кладешъ въ свой вѣкъ,
Великъ, великъ пошъ въ свѣтъ человѣкъ!

Господь его опъ сокровенныхъ,
Опъ хипрыхъ сохранишъ съшей;
Спасешъ его опъ дерзновенныхъ
И опъ зломышленныхъ людей;
Избавишъ опъ клеветъ, опъ лести злой,
Покроешъ пвердою Своей броней.

Хоть полкъ предъ нимъ враговъ предъидеть,
И окружишь ошвсюду шма, —
Оружіемъ его обыдешъ
Небесна истина сама.

На крылахъ черныхъ шучь пусть громъ лешись, —
Освѣшишь лишь его и осѣнишь.

Ошъ спрѣль, какъ градъ, съ высотъ шумящихъ,
Ошнюдь не ушпращишся онъ;
Ошъ вихрей, съ жупломъ прѣходящихъ,
И все огнемъ ядушихъ волнь
Не удалишся прочь, — и завсегда,
Какъ швердый Тавръ, душа его шверда.

Тамъ штысящи падушъ ошую,
Кровавая горись заря;
Тамъ миллионы одесную, —
Покрышы шрупами моря.
Къ нему же съ роковой косою смершь
Не смѣешь хищныхъ рукъ своихъ просшершь.

Но ты смощри и виждь, о смершный!
И Божьи разумѣй дѣла:
Враговъ швоихъ полки несмѣшны
Однимъ смершь взмахомъ посѣкла!
Невѣрныхъ сокрушилъ ты гордый рогъ;
Но симъ лишь чрезъ тебя казнилъ ихъ Богъ.

Казнилъ ихъ Богъ; — а ты средъ бою
Ошпался живъ! — И для чего?
Что возлюбилъ Его душою;

Что всю надежду на Него
Не усомнился ты предположить;
Тебя Онъ предъизбралъ Свой судъ свершить.

— Тебя, — и зло къ тебѣ не придетъ,
Ни рана къ плъху твоему;
На сердце здравіе почишь,
Веселье сердцу и уму
Пойдешь со плесками тебѣ во слѣдъ:
По поржесствамъ тебя познаешь свѣтъ.

Подъ надзираніе ты преданъ
Невидимыхъ, безплошныхъ силъ,
И легіонамъ заповѣданъ
Всѣхъ Ангеловъ, чѣмъ цѣль ты былъ:
Сафирныя свои они крыла
Расширя надъ тобою, блюдушъ отъ зла.

Блюдушъ тебя и сохраняюшъ
Они во всѣхъ пушяхъ твоихъ,
Повсюду вокругъ тебя лепаюшъ,
И носяшъ на рукахъ своихъ,
И въпру на тебя прешашъ порхнушъ,
Въ пыли твоихъ о камень ногъ прешкнушъ.

На аспидовъ, на василисковъ,
На шигровъ, на эхиднъ, на львовъ,
Вдали рыкающихъ, и близко
На пресмыкающихъ гадовъ,
Шипящихъ вокругъ тебя ужей и змѣй,
Ты спушишь и попрешь ногой твоей.

Надеждъ швоихъ и всѣхъ желаній
Ты никому не объявилъ ;
На небо воздѣвая длани ,
Ты вшайнѣ Бога лишь молилъ ;
Его превѣчное шы имя звалъ ,
Его изъ успѣ швоихъ не выпускалъ .

Господь опѣ звѣздъ тебя слышалъ ,
Твою мольбу проразумѣлъ ;
Изъ пренебесной бездны вышелъ ,
Невидимую длань просперъ .
Опѣ солнца какъ бѣжитъ ночь, шма и мгла :
Такъ опѣ тебя печаль, брань, смерть ушла .

Какъ въ зеркаль, въ шебѣ оставилъ
Сіянье Онѣ Своихъ лучей ;
Побѣдами шебя прославилъ ,
Число швоихъ пробавилъ дней ;
Спасеніе людямъ Своимъ явилъ ,
Величіе Свое въ шебѣ опкрылъ .

Но кшо шы, Вождь, кѣмъ спѣны пали ,
Кѣмъ швердъ Очаковска взяша ?
Чья вѣра, чьи успа вzywали
Намѣ Бога въ помощь и Хриспа ?
Чей духъ, чья грудь несла Монаршій ликъ ? —
Попемкинѣ шы ! — Съ шобой, знашь, Богъ великъ !

IX.
**УПОВАЮЩЕМУ НА СВОЮ
СИЛУ.**

Хвалите Господа и пойте :
Коль сладко воспѣвать Его !
Ему единому вы спойте
Органы сердца своего.

Къмъ спѣны града вознесенны ,
Не соберешъ ли шумъ гражданъ ?
Къмъ скорби духа исцѣленны ,
Плоскихъ не исцѣлишъ ли ранъ ?

Создавый солнца, круги звѣзды ,
И имъ нареکشій имена ,
Великъ Господь! великъ! и бездны
Его премудрости нѣтъ дна !

Онъ крошкихъ въ милость принимаетъ ,
И праведнымъ даетъ покровъ ;
Надменныхъ власъ уничтожаетъ ,
И грѣшныхъ низвергаетъ въ ровъ.

Начните жъ Бога вы , начните ,
О горды, познавать, умы !
И въ похвалу Ему спѣшите
Устроите гусли и псалмы.

Онъ, небо мракомъ облакая,
Гоповишъ въ шучахъ дождь браздамъ;
Росою горы проникая,
Изводишъ злакъ на службу намъ;

Даешъ звѣрямъ и пшцамъ пищу,
И насѣкомымъ и червямъ:
Такъ рублище даруешъ нищу,
Какъ діадиму и Царямъ.

Не конскихъ крѣпкихъ мышцъ жelaешъ,
Не къ мужескву благоволишъ;
Но на Него кпо уповаешъ,
Онъ любящихъ Его хранишъ.

Х.

СЧАСТЛИВОЕ СЕМЕЙСТВО.

Блаженъ, кпо Господа боишся
И по пушамъ Его идешъ!
Своимъ доспапкомъ насладишся
И въ благоденствѣ поживешъ.

Въ дому его нѣшъ ссоръ, развраша;
Но миръ, покой и шишина:
Какъ маслина плодомъ богаша,
Красой и нравами жена.

Какъ розы, кисти винограда
Румянцемъ веселятъ своимъ,
Его благословенны чада
Такъ милы вокругъ прापезы съ нимъ.

Такъ счастливъ, шакъ благополученъ
И шакъ блаженъ шопъ человекъ,
Кшо съ чесшью, правдой неразлученъ,
И въ Божьемъ спрахъ вель свой вѣкъ.

Благословишся шопъ Сіона,
Благая снидущъ вся шому,
Кшо слезъ виновникомъ и спона
Въ сей жизни не былъ никому;

Кшо не вредишь и не обидишь,
И зломъ не воздаешъ за зло:
Сыны сыновъ своихъ увидишь
И въ жизни всякое добро.

Миръ въ жизни сей, и миръ въ дни оны,
Въ обишли избранныхъ душъ,
Тебѣ, чувшвишельный, незлобный,
Благочеспивый, добрый мужъ!

Въ дому ето шакъ шопъ, шакъ шопъ

Но миръ, шопъ и шопъ, шопъ

Шакъ шопъ шопъ шопъ шопъ

Шопъ шопъ шопъ шопъ

XI.

УСПОКОЕННОЕ НЕВѢРІЕ.

Когда то правда, человекъ,
Что цѣль печалей весь швой вѣкъ:
Почто жь намъ вѣкомъ долгимъ льстишься?
На то ль, чпобъ плакашь и крушишься,
И, мѣря жизнь свою поской,
Не знаешь опрады никакой?

Кончашъ день золь днемъ золь другихъ,
Спрашишься радостей своихъ,
На счастья блескъ не полагаешься,
И каждый мигъ того боишься:
Вошь грусть, вошь скорбь, вошь смерть при-
дешь!
Начала всѣ конецъ съчешь.

Младенецъ лишь рождается въ свѣтъ,
«Увы! увы!» онъ вопіетъ;
Ужь чувствуешь свое онъ горе;
Низверженъ въ преволненно море,
Волной несется чрезъ волну,
Песчинка въ вѣчну глубину.

Се нашей жизни образецъ!
Се нашихъ всѣхъ суетъ вѣнецъ!
Что жизнь? — Жизнь смерти тѣнью сѣмя.

Чшо жишь? — Жишь мигъ лепяща время, —
Едва почувсвовашъ, познашь,
Познашь ничтожество, — спрадашь;

Спрадашь, — и скорбно чувство мукъ
Умъшь еще сносишь безъ сукъ.

На шо ли создалъ Ты опъ вѣка,
О Боже! брenna чeлoвѣка?

Творецъ! Но на Тебя ль ропшашъ?

Такъ чшо жь оспалося? — Спрадашь.

Такая жизнь — не жизнь, но ядъ:

Змѣя въ груди, геенна, адъ,

Живаго жрешъ меня до гроба.

Ахъ! если самая ша жь злоба

По смерши мспишъ намъ и въ гробахъ:

Кого жь Творцемъ назвашъ? кшо благъ?

Лишь Парки жизни нишь прервушъ,

Ужь въ вспрѣчу Фуріи бѣгушъ:

Опсель изъемлешъ скоропечность;

А шамъ, а шамъ разверсша вѣчность!

Дрожу! — Ліешся въ жилахъ хладъ.

О вѣчность, вѣчна мука, адъ!

Но чшо? — Зрю молніи кругомъ!

Въ свирѣпой бурѣ слышу громъ!

Перунъ перуны прерываешъ,

Звучнѣй всѣхъ громовъ гласъ взываешъ:

»Богъ благъ, опецъ Онъ пвари всей;

»Ты зомъ, — и адъ въ душѣ швоей!« —

Божественный сей, крѣпкій гласъ,
Кичливый духъ во мнѣ пошрясь;
Воспрепешала совѣсть черна,
Исчезла мысль неимовѣрна,
Прошли опчаянья мечшы:
Всесильный! помоги мнѣ Ты!

Уйми спраспей моихъ Ты шумъ,
И бурный обуздай мой умъ:
Чего поняшь онъ не возможеть,
Да благоспѣ въ помѣ Твоя поможеть,
Чшобъ я средь золь покоенъ былъ,
Терпя бѣды, Тебя любилъ!

Поборствуй руку лобызашь,
Котора подняша карашь;
Средь юности моей неспѣлой,
Средь зрѣлой жизни, престарѣлой,
Средь ярыхъ волнъ, мірскихъ суешъ,
Дай силъ сносить мнѣ иго бѣдъ!

Чшобъ меньше скорби ощущашь,
Собою больше обладашь,
Пошли, пошли, Творецъ вселенной,
Своей Ты швари бѣдной, бренной
Небесну помощь съ высоты:
Ты щедръ, щедрѣе источникъ Ты!

Надъ безднами горящихъ шѣлъ,
Которыхъ лучъ не долешѣлъ
До насъ еще съ начала міра —

Опколь, среди зыбей ээира,
Всѣхъ звѣздъ, всѣхъ лунъ, всѣхъ солнцевъ видъ,
Какъ злачный червь, во шмѣ блеспишь —

Тамъ внемлешь насѣкомымъ Богъ.
Доспигъ мой вопль въ Его черпогъ.
Я зрю: избрана прежде вѣка
Грядешь покоишь человѣка;
Надежды вѣшвъ въ рукъ у ней: —
Ты Вѣра? — Миръ душъ моей!

Ты мысли дерзкія плънишь,
Сердцамъ незлобіе даришь,
Терпѣньемъ души укрѣпляешь,
На подвигъ немошь ободряешь,
Ты крошкимъ свѣшъ и красоша,
Ты гордымъ мракъ и суеша!

Приспойно цѣль имъшь уму,
Куда паря лепѣшь ему.
Пусшь все подвержено сомнѣнью;
Но безъ Творца какъ бышь шворенью?
Его пы, Вѣра, учишь знашь,
Любишь, молишь, — не поспигашь.

Непоспижимый сей Творецъ
Да будешь мой покровъ, опецъ!
Онъ взоромъ волны укрощаешь,
Онъ всей Природой мнѣ выщаешь:
»Испышываешь судьбы забудъ,
»Надѣйся, вѣрь — и счастливъ будъ.»

О вы, чшо мысли оспрошой,
Развраща славилесь мечшой!
Послѣдую сему примѣру,
Прійдише, обѣимите Вѣру:
Она одна спокоитъ васъ,
Утѣшитъ въ самый смертный часъ.

ХІІ.

ИСТИНА.

Испочникъ всѣхъ началъ! зерно
Понятій, мыслей, чувствъ высокихъ!
Среда и корень тайнъ глубокихъ,
Ошкоть и кѣмъ все создано!
Числъ содержательница счета
Сосференнаго въ швердь сію,
О Истина! о голосъ свѣта!
Тебя, безсмертная, пою.

Тебя! — Когда и червь, занявъ
Лучи ошъ солнца, въ пѣмъ блискаешъ;
Ко свѣту очи обращаешъ
Безъ словъ младенецъ, лепешавъ: —
То я ль души моей паренемъ
Не вознесуся въ Твой чертогъ?
Я ль не воскликну съ дерзновеньемъ:
Есть вѣчна истина, — есть Богъ!

Есть Богъ! — я чувствую Его
Какъ въ существѣ моемъ духовномъ,
Такъ въ чудномъ мірѣ семъ, огромномъ,
Бышь не возмогшемъ безъ Него. —
Есть Богъ! — я сердцемъ осязаю
Его присущствіе во мнѣ: —
Онъ въ Истинѣ, я увѣряю:
Онъ Совѣсть — вѣнцъ, Онъ Правда — вѣнцъ.

Такъ! Истина, слѣясь изъ прехъ
Существъ, единства скрыша лономъ
Средь плъ и душъ и въ Духъ ономъ,
Кто создалъ все, Кто держишь всѣхъ.
Ея подобье въ солнцѣ зрѣшь:
Лицемъ и свѣтомъ и тепломъ
Живя всю тварь, оно не умираетъ:
Ключъ жизни всѣхъ, ихъ образъ въ немъ.

Сильнѣе Истина всѣхъ силъ;
Рождена Ею добродѣтель. —
Черезъ духъ Свой зрѣшь Ее Содошъ о!
Въ безмѣрности чудесъ открытъ;
Ея никто не обьмаешь,
Окромъ Бога Самого:
Полкъ щещно Ангеловъ взлещаетъ
Прозрѣшь кивотъ судебъ Его.

О Истина! прилучный свѣтъ
Сый: — бывый, сущій и грядущій!
Прости, что прахъ, едва ползущій,
Смѣлъ о Тебѣ вѣщать свой бредъ;

Но Ты, — коль солнцевъ всѣхъ лампада,
Міровъ начала и конецъ,
Опъ корней звѣздъ до корней ада
Объемлешь все, — всего Творецъ!

Творецъ всего, — и влилъ мнѣ духъ,
Ты въ волю мудрой и въ желаньяхъ,
И неба и земли въ познаньяхъ
Парящій совершенства въ кругъ.

Такъ можно ль бышь мнѣ въ помъ виновнымъ,
Чпо въ выпренность Твою лечу?
Блаженствомъ я Твоимъ верховнымъ, —
Тобой — насыпишься хочу.

Тобой! — Ты перло думъ моихъ,
Ошца наслѣдье, соша слаще.
Ахъ! скрыпнѣй, далѣй чѣмъ, шѣмъ вяще
Я алчу зрѣшь красоту Твоихъ,
Младенцамъ лишь однимъ не шайныхъ.
Внемли жь! — и мигъ хощь удоспой—
Мелькнушь сквозь шучь Тебя вкругъ зарныхъ,
И опѣни мнѣ обликъ Твой.

Нѣшъ! буйство! какъ дерзну взирашь
На Бога — облеченный въ бренья?
Томишься здѣсь, — шамъ наслажденья
Ждашь — смертныхъ участь, и вздыхаешь.
О шакъ! и то уже высоко,
Непоспижимаго любишь!
Небесной истиною око
Умѣшь земное пламенишь!

Сліянный въ узелъ блескъ денницъ! —
Божественная лучезарность!
Пространствъ совокупленная дальность!
Всѣхъ единица единицъ!
О правоту воли неколебимыхъ!
О мѣра, всѣхъ, число всего! —
О красота красотъ всезримыхъ!
О сердце сердца моего!

Думъ правило, умовъ законъ!
Свѣтило всѣхъ народовъ, вѣковъ!
Что бѣ было съ родомъ челоуковъ,
Когда бы совѣсти не знали
Всѣхъ неумышлаго Судьи,
Давно бѣ звѣрями люди спали. —
Законы свящы мнѣ Твои.

Пускай продерзскій мрака сынъ
Кощунствуетъ въ своей гордынѣ,
Что правда — слабостъ въ власпелинѣ;
Что руль правленій — умъ одинъ;
Что зломомъ шверды царства, грады;
Но, ахъ! сихъ правилъ щещенъ блескъ:
Имперіи рушащя безъ правды.
Се внемлемъ мы престолю прескъ!

О, Истина, душевна жизнь!
Престоль въ сердцахъ Небесна Царства!
Когда духъ лжи, неправдѣ, коварства,
Не внявъ разсудка укоризнѣ,
Къ добру препящствъ мнѣ вержетъ камень:

Ты, гласомъ Божескимъ Твоимъ,
Взжигай въ душѣ моей Твой пламень,
И будь свѣшильникомъ моимъ!

Ты жезлъ мой будь и вождь всегда,
Да шокмо за Тобой спремлюся,
Твоимъ сіяньемъ предвожуся,
Не совращаясь никогда
Съ нущей, Тобой мнѣ освѣщенныхъ;
Любя Тебя, да всѣхъ люблю;
Но опъ совѣшовъ, мнѣ внушенныхъ
Тобой, нигдѣ не опспущю.

Да буду провозвѣсникъ, другъ,
Поборникъ Твой, вездѣ щипъ правды;
Всѣ міра прелеспи, награды
Да не испляшъ во мнѣ Твой духъ;
Да оправдаю я невинность;
Да соблюду присягу, чесъ;
Да зла не скрою ковъ, безчинность,
И обличу предъ всѣми лесъ.

Да буду соподвижникъ швердъ
Всѣхъ добродѣтелей съ Тобою,
Ходя заповѣдей спезею
По правосудью милосердъ;
Да сущихъ посѣщу въ шемницахъ,
Пишь жаждущимъ, ѣшь гладнымъ дамъ,
Бальзамъ спрадающимъ въ больницы
И опче лоно сиротамъ.

Да отвращу мой взоръ ошъ шѣхъ,
Кпо Твоего не любишь свѣша,
Корысть и самолюбье мѣша
Единая чья дѣйствій всѣхъ;
Да ошъ безвѣрныхъ удалюся,
Нейду съ лукавыми въ совѣтъ,
И въ сонмъ льстецовъ, — а прилѣплюся
Къ друзьямъ Твоимъ, Твой чшущимъ свѣтъ.

И Ты, о Истина! мой Богъ!
Моей и вѣры упованье!
За все мое Тебя желанье,
За мой къ Тебѣ въ любви воспоргъ,
Когда сей плоти совлекуся,
Хошь былъ бы чистъ, какъ блескъ огня,
Но какъ къ Тебѣ на Судъ явлюся,
Не отвратися ошъ меня!

ХІІІ.

ВЛАСТИТЕЛЯМЪ и СУДІЯМЪ.

Возспаль Всевышній Богъ, да судишь
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.
»Доколь,« рекъ: »доколь вамъ будешьъ
Щадишь неправедныхъ и злыхъ?

»Вашъ долгъ естъ: сохраняшь законы,
На лица сильныхъ не зриашъ,

Безъ помощи, безъ обороны
Сиротъ и вдовъ не оставляшь.

»Вашъ долгъ спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подашь покровъ;
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
Испоргнушь бѣдныхъ изъ оковъ.»

Не внемлютъ! — видятъ и не знаютъ!
Покрышы мздою очеса;
Злодѣйсквы землю попрысають,
Неправда зыблетъ небеса.

Цари! — я мнилъ: вы боги власны,
Никто надъ вами не судья;
Но вы, какъ я, подобно стражны,
И такъ же смерсны, какъ и я.

И вы подобно такъ падете,
Какъ съ древъ увядшій листь падеть!
И вы подобно такъ умрете,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умретъ!

Воскресни, Боже! Боже правыхъ!
И ихъ моленію внемли:
Приди, суди, карай лукавыхъ,
И будь единъ Царемъ земли! —

Ходящій въ оковы, въ оковы, въ оковы,
Склонился ко мнѣ —
И какъ мой востанувшій и встанувшій,
Прекрестилъ сердце мое, и встанувшій и встанувшій.

XIV.

НАДЕЖДА НА БОГА.

Богъ намъ прибъжище и сила,
Помощникъ въ скорбѣхъ, средь враговъ!
Хотя бѣ вселенная грозила —
И горы, двигшись съ береговъ,
Въ сердца морскія прелагались,
Не убоюсь — Защитникъ Онъ!

Пущь громъ гремишь, бурюешь бури,
И до небесъ восходишь поншь,
Сверкаюшь молнии средь лазури,
И рдѣешь черный горизонтъ;
Но водъ кипящихъ успрямленье
Увеселишь лишь Божій градъ.

Богъ посреди — священны спъны
Не двигнушя Его никъмъ:
Со ушромъ придущь перемъны;
Смяшущя вражески шмы шемъ;
Уклоняшя преспопы, царспвы,
Дасъ Вышній гласъ — вздрогнешъ земля!

Господь помощникъ мой, спасишь, —
Придите, зришь чудеса! —
Засшупникъ, жезлъ и защишишь,
Моя и слава и краса.

Онъ хочетъ, и — враждебны сонмы,
Оцъпеньюшъ вокругъ меня.

По Сѣ концевъ земныхъ сохнухся брани,
Лукъ сокрушихся, копѣ;
Блаженныхъ, мирныхъ дней дѣяній
Исполняхъ наше житіе;
Мечи желѣзны переплавишъ
Въ плуги, серпы и косы Онъ, —

И упразднихся злоба ада.
Да разумѣеши челоуѣкъ,
Чшо Небо шѣмъ покровъ, опрада,
Кшо въ правдѣ свой проводиши вѣкъ.
Такъ! Богъ, Господь мой — мнѣ засшупникъ,
И на Него надѣюсь я!

XV. НА ТЩЕТУ ЗЕМНОЙ СЛАВЫ.

Услышите всѣ, живущи въ мірѣ,
Убогихъ и богатыхъ сонмъ,
Ходящи въ рубищѣ, въ порфирѣ,
Склонитесь ко мнѣ челомъ!
Языкъ мой истину вѣщаетъ,
Премудрость сердце говоришъ;

Что свыше Духъ Святой внушаетъ,
Моя по лира днесъ звучитъ.

Не убоюсь во дни я злые,
Коль сильный гнать меня начнешъ,
Опершись на столпы злые,
Богатствъ пашой меня попрешъ;
Въ день люшъ — братъ брату не спасенье,
Не замѣнишь души душой:
У смерти щещно искупленье:
Цѣны нѣтъ жизни никакой.

Пускай же Князи процвѣтають,
Не чая гибели своей;
Но коль и мудры умирають
И погребаются землей
Равно съ безумцами вседневно:
За гробомъ долженъ всякъ своимъ
Свой санъ, сокровище безцѣнно,
Осваивъ по себѣ другимъ.

Ахъ! щещно смерсны мнѣ въ надмень,
Что вѣкъ ихъ зданья не падушъ;
Что шипль и славы расширение
Помомки въ надписяхъ почнушъ.
Увы! вся власъ и чесъ земная
Минуешъ съ нами, будно пѣнь:
Заммишъ лишь солнце шма ночная,
Гдѣ звукъ? гдѣ блескъ? гдѣ свѣтлый день?

Гдѣ скипшрѣ, — коль только добродѣшнѣ
Не освѣщала жизни пущѣ,
И хвалѣ щеславѣ лишѣ содѣшнѣ,
По насѣ кошорыя поющѣ?
Ахѣ! глупому равны мы спаду,
Косой чшо гонимѣ къ гробу смершѣ:
Вѣ ней праведникѣ одинѣ вѣ награду
Удобенѣ ушро жизни зрѣшѣ.

Не вѣчно бездна духѣ обымешѣ,
Но онѣ ее переживешѣ.
Господѣ мою какѣ душу примешѣ
И облечешѣ безсмершѣя вѣ свѣшѣ.
Воззришѣ она на долгоденшво
Тогда, безѣ зависпи, шого,
Кшо чешѣ, богашшво, благоденшво
Умножилѣ дому своего.

По смерши не возьмешѣ съ собою
Никшо вещей своихѣ драгихѣ:
Блаженный жизнью здѣсь свяшюю,
Блажисѣя межѣ духовѣ благихѣ;
А если здѣсь не освяшишѣся
И вѣ злобѣ вѣкъ свой проведешѣ:
Между благими не вселишѣся;
Его не облисшашѣ свѣшѣ.

Ошѣ нашей воли шо зависимѣ,
Чшобѣ здѣсь и шамѣ блаженнымѣ бышѣ,
Себя унизишѣ, иль возвысимѣ,
Погребшѣ во шмѣ, иль освѣшишѣ.

На вышней степенѣ мы власни
Свою перьяемъ высоту :
Въ порочныя упавшій спрасни
Подобенъ чловѣкъ скошу.

XVI.

ЖЕЛАНІЕ ВЪ ГОРНЯЯ.

О коль возлюбленно селенье
Твое мнѣ, Боже, Боже силъ!
Душа въ воспоргъ, въ умиленъ,
На пламенномъ паренъи крилъ
Къ Тебѣ моя лешишь, спремишь,
И жаждеть Твой узръшь чершогъ;
А плоть и сердце веселишь,
Чшо царшвуешь мой въ Небѣ Богъ!
Какъ голубъ храмину находишь,
И ласпочка гнѣздо себѣ,
И въ немъ дышей своихъ выводишь:
Такъ я найду покой въ Тебѣ.

Блаженъ въ Дому Твоемъ живущій
И восхваляющій Тебя,
Защипникомъ Тебя имущій
Въ невинномъ сердцѣ у себя!
Долину можешь онъ унылу

Въ луга и воды превратишь,
Ненасъе въ ведро, — духомъ въ силу
Пришедъ, въ Сіонъ опочишь.

Услышь, услышь мое моленъе,
О Боже силъ, міровъ Господь!
Внуши сердечное прошенъе,
И призри на меня съ высошь.

Въ Твоемъ мнѣ Домъ день милѣе,
Чѣмъ пысячи въ дому другихъ;
У прага Храма веселѣе,
Чѣмъ у вельможъ на пирѣ злыхъ.
Единъ даешь всѣ благи смертнымъ,
Великолѣпье, славу, Ты!
Не оставляешь непримѣннымъ
Ты и меня въ моемъ пуши.

Такъ Ты, Копорый управляешь
Подсолнечной изъ вѣка въ вѣкъ!
Блаженъ, блаженъ, коль упоаешь
На Бога шокмо челоуѣкъ!

XVII.

УТѢШЕНІЕ ДОБРЫМЪ.

Не ревнуй ошнюдь лукавымъ,
Беззаконнымъ не завидъ:
Скоро смершь серпомъ кровавымъ
Ихъ прїидешъ поразишь:

Упадушъ — и въ мигъ увянушъ,
Какъ подкошенны цвѣты.

Положись во всемъ на Бога;
Землю населя, шрудись;
Добръ будь, не желая многа,
Въ честьъ Господню насладись:
Онъ подасшъ тебѣ, чшдъ сердце
Пожелаетъ лишь швое.

Вышнему во всемъ довѣрься,
Будь во всемъ Ему ошкрышъ,
Крѣпко на Него надѣйся, —
Въ пользу все швою свершишъ:
Вознесешъ, какъ солнце, правду,
И невинность, яко день.

Посвящясь Творцу, мужайся,
Будь въ Его законъ швердъ;
Счасшьемъ злыхъ не ослѣпляйся,
Гордымъ не ходи во слѣдъ;
Не ходи, не раболѣпшвуй,
Смершныхъ Богомъ не швори.

Не печалься, не сердися,
Не злословъ и злыхъ глупцовъ;
Паче въ доблестяхъ крѣпися,
Умудрайся средь шрудовъ.
Ты увидишь: зло поникнешъ,
Добродѣтель возлещишъ.

Подожди мигъ, и не будешь
Самый вредъ шебъ во вредъ;
Будно въперъ, пенель сдунешь,
Такъ исчезнешъ злобы слѣдъ:

Крошость же наслѣдишь землю,
И сладчайшій вкусишь миръ.

Яры взоры грѣшникъ мещешь,
И надъ праведникомъ бдишь;
Зубомъ на него скрежещешь,
Вшай вездѣ его слѣдишь:

Но Господь врагу смѣется,
Близкій видя рокъ его.

Мечъ злодѣи извлекають,
Лукъ напягивають свой:
Низложишь они алкають
Правыхъ сердцемъ и душой;

Но ихъ луки сокрушаются;
Обрашися мечъ имъ въ грудь.

Лучше малое смяжанье,
Нажиное все прудомъ,
Чѣмъ сокровищей собранье,
Скоро скопленно съ грѣхомъ:

Въ праведныхъ рукахъ все споро;
Грѣшниковъ скудѣешь длань.

Добрыхъ Богъ благословляетъ:
Твердо въ вѣкъ наслѣдство ихъ;
Въ люшы глада дни питаешь

Опъ щедрошъ Онъ ихъ Своихъ :
Мышари жъ , какъ овны , жирны ;
Но изсохнешъ весь ихъ шукъ ,

Грѣшникъ , взявъ , не возвращаетъ ;
Праведникъ всегда даетъ ;
Сѣмена ль кому ссужаетъ ,
То земля приноситъ плодъ :
На кого жъ положишь кляшву ,
Плодъ шѣхъ вѣрно погубленъ .

Богомъ человекъ крѣпится ,
Коль на добромъ онъ пуши ;
Хошъ падешъ , не сокрушишься :
Всшанешъ наки , чшобъ ишши :
Вышняго рука поддержишь ,
Во всѣхъ случаяхъ его .

Былъ я младъ — и соспарься :
Добрыхъ въ крайности не зрѣлъ ,
Чшобъ въ забвеньи родъ ихъ зрѣлся ,
Чшобы хлѣба не имѣлъ :
Сами всѣхъ они снабжаютъ ,
И въ довольствѣ чада ихъ .

Уклонись опъ злодѣяній ,
Дѣлай благо , — Богъ съ тобой ;
Онъ судья — и воздаянъ
Держишь всѣ Своей рукой :
Сѣмя даже зла погибнетъ ;
Добродѣтель расцвѣнетъ .

Льешъ всегда благочесливый
Токи мудроси изъ успъ;
Мужъ чловѣколюбивый
Изрекаешъ правый судъ:
Въ сердцѣ чистомъ Богъ правилъ;
Тверды истины спопы.

Ищешъ, ищешъ беззаконный,
Чшобъ невинность погубишь;
Нѣшъ, онъ мнишь, ей обороны,
А не видишь: Богъ ей щипъ.
На судъ ль ей бышь случился,
Будешъ правою она.

Пошерпи жъ еще не много,
Пошерпи, храня законъ;
Какъ приидешъ время спрого,
И на злобу грянешъ громъ:
Вознесешся — и получишь
Доспояніе швое.

Видѣлъ, видѣлъ нечесливыхъ,
Вознесенныхъ, яко кедръ;
Но по нѣкихъ дняхъ бурливыхъ,
Я ихъ мѣша не обрѣлъ;
Вопрошалъ ходящихъ мимо,
И никшо не опвѣчалъ.

Вѣдай! чесность и невинность
Увѣчающа въицемъ;
Злосъ, нечесъ, горделивосъ

Кончашся своимъ концемъ :

Богъ помощникъ людямъ добрымъ ,

Воздаятель Онъ и злымъ .

XVIII.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ТВОРЧЕСКАГО БЫТІЯ.

(Изъ Псалма 18.)

Небеса въщаюшъ Божью славу ;

Рукъ Его шворенье швердь ;

День за днемъ печешъ его усшаву ,

Ноши ношъ приносишъ вѣспъ .

Не сущъ рѣчи шъ , иль гласы лиры ,

Не доходишъ всѣмъ чей звонъ ;

Но во всѣ звучишъ глаголъ ихъ міры ,

Въ безднахъ раздаешся шонъ .

Се чершогъ горитъ въ зыбяхъ ээира ;

Солнце блещетъ какъ женихъ ,

Какъ герой грядетъ къ побѣдамъ міра ,

Мещетъ огнь очей своихъ ;

Съ одного края небесъ лишь сходишъ ,

Ужъ срѣщается въ другомъ :

Нѣтъ вершеповъ, онъ куда не вводишь,
Теплошы своимъ лучемъ.

Всѣмъ законъ Природы зримый, ясный,
Можешь смершнымъ доказашъ:
Безъ Творца споль спройный міръ, прекрасный
Сей не можешь пребывашъ.

XIX.

УПОВАНИЕ НА ЗАЩИТУ БОЖІЮ.

Будь милосшивъ ко мнѣ, мой Богъ!
Коль врагъ меня пожрашъ зіешъ.
Всякъ день мнѣ бѣдсхва замышляешъ,
Всякъ день блюдешъ моихъ слѣдъ ногъ,
И злобно на меня враждуешъ.

Объемлешъ спрахъ, — надежда Ты:
Тобой живу, Тобой хвалюся,
Ты щипъ, броня — и не боюся.
Мнѣ все, кромъ Тебя, мечшы, —

И чпо мнѣ человекъ возможешъ?

Пусшь мысляшъ вредъ мнѣ всякой день,
Твердяшъ слова мои съ гнушеньемъ,
Толпяшся, ловяшъ съ ухищреньемъ,
Мой слѣдъ спрегушъ и шѣнь;
Ихъ щещень шрудъ, — Тобой спасуся.

Твой , Боже ! перспѣ ихъ сломилъ рогъ ;
Меня Ты скроешь милосердьемъ,
Слезъ сжалишься моихъ печенъемъ.

Тогда , никто какъ не помогу ,
Ты не забылъ Твоихъ обѣщанъ.

Убѣгнешь врагъ, услышавъ то ,
Что я Тобою защищаюсь ,
Что на Тебя я полагаюсь,
Одинъ Тобой хвалюсь , — и что
Тогда злодѣйства мнѣ людскія ?

Такъ, славлю я Тебя, Господь !
Лишь ты опъ золь меня избавилъ,
Сперъ слезный шокъ, подъялъ, возспавилъ
И продлилъ мой еще живоу . —
Тебѣ ль не благоугождаю ?

XX.

РАДОСТЬ О ПРАВОСУДИИ.

Хвала! Всевышнему Владыкѣ!
Великоспѣ Онъ явилъ Свою :
Вельможъ меня пославилъ въ ликъ ,
Да чудеса Его пою.

Пришли, пришли тѣ дни свящые,
Да правый судъ я покажу ,

Колеблемы столпы земные
Закономъ Божьимъ утвержу.

Скажу я грѣшнымъ : »не грѣшите ;«
Надменнымъ — »не вздымайте рогъ ;
Въ безуміи не клеветайте,
Несправедливъ чшо будио Богъ.

»Отъ Запада и отъ Востока,
Отъ горъ, пусыней и морей,
Нынь челоѡка безъ порока,
Безъ слабоспей и безъ спраспей.

»Но Богъ есть Судія единый,
Владыка и Правитель всѣхъ ;
Онъ сихъ возводишь на вершины,
А понижаешь долу тѣхъ.

»Вина багряна чаша цѣльна,
Изъ коей сладки перлы буютъ,
Въ Его рукъ всѣмъ распворенна;
Но дрожжи грѣшники пюютъ.»

Отъ арфы радость да прольется
Въ хваленіе Тебѣ, мой Богъ !
Неправыхъ выи да согнешся,
А правыхъ вознесется рогъ !

Часть I.

XXI.

БРАТСКОЕ СОГЛАСІЕ.

Коль красно зрѣлище, пріятно, и нѣтъ
Гдѣ вкупѣ брѣнія живешь!
Благоуханье ароматно
Какъ на браду съ главы печешь,
Браду почщенну Аарона,
Спруяся на ометы ризъ;
Или Синая и Эрмона
Когда верхи, преклоньшись внизъ,
Багрянымъ серебромъ сверкающъ,
И каплетъ на цвѣты роса:
Такъ въ вѣкъ на домъ ихъ низливающъ
Благословенье Небеса.

XXII.

МОЛИТВА.

О Боже! душъ Творецъ безсмертныхъ
И всѣхъ — гдѣ существуешь кшо!
О единица числъ несмѣнныхъ,
Безъ коей всѣ они ничто!
О средоточіе! согласье!
Все содержащая любовь!

Испочникъ жизни , блага , счастья ,
И малыхъ и большихъ міровъ !

Коль Ты лишь духомъ наполняешь
Своимъ цѣвницы пшари всей ,
Органомъ симъ увеселяешь
Себя средь вѣчности Твоей ,

И вокругъ ошъ миріадовъ звѣздныхъ ,
Піющихъ свѣшъ съ Твоихъ очесъ ,
Самъ черплешь блескъ лучей любезныхъ ,
И льешь ихъ въ океанъ небесъ ;

И мнѣ , по плоти праху плънину ,
Когда на шощъ одинъ конецъ ,
Ты вдунулъ душу шоль священну ,
Чшобы въ гармонію , Творецъ !

И я вошелъ Твою свяшую :
О ! ниспошли жъ мнѣ сполько силъ ,
Чшобъ развращенну волю злую
Твоей я волѣ покорилъ ,

И шакъ бы сдѣлалъ душу чисту ,
Какъ водный ключъ — сквозь блашъ гнилыхъ ,
Какъ запахъ розъ — сквозь дебрь дымиспу ,
Какъ лучъ небесъ — сквозь безднъ ночныхъ
Прошекши , шѣми же бывающъ ,
Чшо были въ сущесшвъ своемъ ,
Или свѣшлѣй еще сіяющъ ,
Чѣмъ злош , жженное огнемъ .

Подаждъ , чшобъ все мое желанье ,
Вся мысль моя единъ былъ Ты ,

И истинъ бы Твоихъ алканье
Пожрало міра суешы;
Чшобъ правды, совѣсти, закона,
Которы мнѣ Ты въ грудь вліялъ,
Изъ подлоспи, хошя бѣ у прона,
Я ни на что не промѣнялъ;

Чшобъ, знавъ мое происхожденье,
Моихъ доспоинствъ я не шмилъ,
Твоей лишь волю въ угожденье
Въ лицѣ Царя Твой образъ чшилъ;
Чшобы, шрудясь я безвозмездно,
Творилъ самимъ врагамъ добро,
И какъ Тебѣ добро любезно,
Такъ ненавидѣлъ бы я зло;

Несчастливыхъ, утѣсненныхъ слезу
Чшобы спѣшилъ я опирашь,
Сердца, подобныя желѣзу,
Моей горячностью смягчаешь;
Чшобъ не былъ я ни гордъ, ни злобенъ,
На лонѣ нѣгѣ не воздремалъ;
Но былъ душой Тебѣ подобенъ,
И всю ее съ Тобой сливалъ.

О сладка мысль и дерзновенна —
Желаешь съ Творцемъ сліяну бытъ!
Когда придетъ неизреченна
Мнѣ радость та, чшобъ въ Богъ жить?
Когда съ Тобой соединюся?
Любви моей, желаній край!

Гдѣ предѣ лицомъ Твоимъ явлюся,
Тамъ мрачный адъ мнѣ будетъ рай.

XXIII.

У Т Р О.

Огниспый Сиріусъ сверкающія стрѣлы
Металъ еще съ небесъ въ подлунные предѣлы;
Лежала на холмахъ вокругъ ночь и тишина,
Вселенная была безмолвія полна;
А только въ шпрое свисѣ, лѣсовъ листво шепшала;
Шумъ бьющихъ въ камни волнъ, со скалъ пошоп-
ковъ ревъ,
И изрѣдка вдали рычащій левъ,
Молчанье прерывали.
Клеантъ, проснувшійся въ пещерѣ, вспалъ
И свѣта дожидался;
Но говоръ птицъ едва помалу слышанъ спалъ,
Вкругъ по берегамъ раздался,
И вскрикнулъ соловей;
Тумана, свѣта съѣхъ по небу распросперлась,
Сокрылся Сиріусъ за ней,
И ночь бѣгущая чужь зрѣлась.
Мудрецъ восшелъ на вышній холмъ,
И тамъ, съдымъ склоняся челомъ,
Возсѣлъ на мшистый пенъ подъ дубомъ многолѣш-
нымъ,
И внизъ изъ-подъ вѣшвей пустилъ свой взоръ

На море , на лѣса , на сини цѣпи горъ ,
И зрѣлъ съ воспоргомъ благолѣпнымъ
Опъ сна на возстающій міръ.
Какое зрѣлище ! какой прекрасный пиръ
Ошкрылся всей ему Природы !
Онъ видѣлъ землю вдругъ , и небеса , и воды ,
И блескъ планетъ ,
Тонущій тихо въ юный , рдяный свѣтъ.
Онъ зрѣлъ : какъ солнцу пущь заря угошворяла ,
Лиловыя ковры съ улыбкой распилала ,
Враша Восшока опперла ,
Крымашыхъ коней запрягла ,
И звѣздъ Царя , сего вѣнчаилаго возницю ,
Румяною рукой взвела на колесницу ;
Какъ хоромъ ушренныхъ часовъ окружена ,
Подвигнулась въ свой пущь она ,
И восшумѣла въ слѣдъ съ колесъ ея волна ;
Багряны вожжи напряглись
По конскимъ блещущимъ хребтамъ :
Лешашъ , вверхъ пышущъ огонь , свѣтъ мещущъ по
спирамъ ,
И мглы подъ ними улеглись ;
Тумановъ рѣки разлились ,
Изъ коихъ зыблющихъ съдинъ ,
Челомъ сверкая золошымъ ,
Возспали горы изъ долинъ ,
И воскурился сверхъ ихъ шонкій дымъ.
Онъ зрѣлъ : какъ свѣша богъ съ морями лишь
сравнялся ,
То алый лучъ по нихъ восколебался ;
Посыпались со скалъ

Рубины, яхонты, кришаль,
И бисеры перловы
Зажглись на въшвахъ;
Багряны шѣни, бирюзовы,
Слилися съ златомъ въ облакахъ;
И все — сіяніе покрыло!
Онъ видѣлъ: какъ сіе божественно свѣпило
На высоту небесъ взнесло свое чело,
И пропащей лице лучами расцвѣло:
Открылося морей огнисто прозяженъе:
Тамъ съ холма внизъ глядишь, навѣсясь, темный
Ркедръ;
Тамъ съ шумомъ вержешъ кипы на воздухъ рѣкъ
спремленъе;
Тамъ чолнъ на парусахъ бѣжишь средь водныхъ
нѣдръ;
Тамъ вышлывъ изъ пучины,
Играющъ, рѣзвящися дельфины,
И рыбъ спада сверкающъ чешуей,
И блещущъ чуды чрева бѣлизной;
А шамъ среди лѣсовъ гора переспунаешъ,
Подъемлешъ хоботъ слонъ, и съ дровъ плоды
снимаешъ;
Здѣсь вмѣстѣ два холма срослись
И на верблюды поднялись;
Тамъ конь, пуспя по въпру гриву,
Бѣжишь и мнешъ волнисту ниву;
Здѣсь кроликъ подъ кустомъ лежишь,
Глазами красными блещишь;
Тамъ серны, прядая съ холма на холмъ спрѣлами,
Стоящъ на крушизнахъ, висящъ подъ облаками;

Тупъ взоры пламенны вверху успремля къ нимъ,
На лапахъ жилистыхъ сидишь зубастый скимнъ;
Здѣсь пестрый, алчный шигрь, въ мѣсь крадешся
И ищешь; гдѣ залегъ олень роговъшвисный;
Тамъ къ плещущимъ ключамъ въ зеленый, мягкій

Спредишься въ жаждѣ пипъ единорогъ;

А здѣсь по воздуху вищаешь.

Пернастыхъ, насѣкомыхъ рой,

Лѣса, поля, моря и холмы населяешь

Чудесной пестрошюй :

Ты въ злащѣ, шъ въ серебрѣ, шъ въ розахъ, шъ въ

багрянцахъ,

Ты въ свѣтлыхъ заревахъ, шъ въ желтыхъ, си-

зыхъ глянцахъ,

Гуляешь по цвѣтамъ вдоль рѣкъ и вокругъ озеръ ;

Надъ ними въ вышю ширяешь Орелъ !

А шамъ съ пологихъ горъ, селъ кровы, башенъ спицы,

Лучами опраязь, мелькають на водахъ ;

Тупъ слышанъ рога зовъ, шамъ эхо опъ цѣвницы,

Блеянье, ржанье, ревъ и топотъ на лугахъ ;

А здѣсь сквозь ппичій хоръ и шумъ опъ водопада

Несущся громы въ слухъ съ великолѣпна града,

И изъясляютъ зодчихъ шрудъ ;

Тамъ поселяне плугъ влекутъ ;

Здѣсь съши рыболовъ кидаетъ,

Наудъ блещетъ серебро ;

Тамъ огонь съ оружья войскъ сверкаетъ.

И все то благо, все добро !

Клеантъ , на все сіе взирая ,
Былъ внѣ себя Природы опъ чудесь ;
Верховный умъ Творца воображая ,
Излилъ попоки сладкихъ слезъ . —

»Все дѣло рукъ Твоихъ !« вскричалъ вои умиленъ ,
И арфу въ восхищенъ

Пріявъ , благоговѣнья полнъ ,

Въ Фригическій наспроя шонъ ,

Умолкъ . — Но лишь съ небесъ , сквозь дуба сводъ

Проникнувъ , на него палъ свѣтъ багряный , —

Брада сребрисная , чело

Зардѣвшися , какъ солнце , расцвѣло :

Ударилъ по струнамъ и — опъ холма съ вершинъ

Какъ искръ струи въ доль быспро покапились ;

Которы

Далеко звуки разгласились :

Одинъ

Воспѣлъ онъ Богу гимнъ .

—

И вса Природа содрогнѣла

Кой , просвѣщая ,

И къ счастью неслъ ои

Такъ , какъ

Бягущъ онъ

Свое лишь

А бл

»О Ты , всесый , многоимянный ,

Но шонъ же и вездѣ единъ !

Премудрый , вѣчный , несозданный ,

Благій Творецъ и Власшелинъ !

Чшо солнце подъ Собою прономъ ,

XXIV.

ГИМНЪ БОГУ.

»О Ты , всесый , многоимянный ,
Но шонъ же и вездѣ единъ !
Премудрый , вѣчный , несозданный ,
Благій Творецъ и Власшелинъ !
Чшо солнце подъ Собою прономъ ,

Въ подножье звѣзды положилъ,
Единымъ правишь все закономъ
Своихъ неизмѣримыхъ силъ!

«Коль не возбранно шварямъ смершнымъ,
Къ Тебѣ взывать: Тебя пою!
Все, что ни вижу окомъ браннымъ,
Все чпишъ Тебя въ вину свою.
Я самъ, я самъ Твое шворенье,
Подобье слабое, Твой сынъ,
Души моей вседневно пѣнье,
Тебѣ сей посвящаю гимнъ.

«Сводъ неба, надъ моею главою
Что съ сонмомъ многихъ звѣздъ виситъ,
Вращаясь вкругъ земли, собою
Твое велѣніе шворишь;
Въ молчаньи движась, исполняешь
Земля вся маніе Твое,
И вся Природа совершаетъ
Тобой печеніе свое.

«Перунъ, посолъ Твоихъ законовъ,
Въ Твоей всеильной длани спишь:
Взгорясь безсмершной жизнью громовъ,
Спрашивъ всю шварь, прясешь, мершвишь;
Но Ты жь духъ жизни посылаешь,
И всѣ онъ существа живишь;
Все имъ содержишь, оживляешь;
Твоя же власъ Природы щипъ.

»Что въ небѣ, морѣ, сушѣ зришся,
Твое что бездна обняла,
Все зиждется и все рождается—
Лишь опъ Тебя, — окромъ зла:
Оно одно, изъ душъ порочныхъ
Возникнувъ, возмущаетъ свѣтъ;
Но мышцей силъ Твоихъ всемогущихъ,
Въ порядокъ паки все идешь.

»Борьбу стихій и разногласье
Въ согласіе приводишь Ты;
Творишь изъ распрѣ покой и счастье,
Изъ зла и блага красоты.
Міры Тобою пребывающъ,
Въ Тебѣ союзъ ихъ свѣта, шмы,
Который лишь разспроевающъ
Одни порочные умы.

»О бѣдные! найми мнѣ счастье,
Закона общаго не чпущъ,
Кой, просвѣшивъ, привелъ въ согласье
И къ счастью всѣмъ опверзъ бы пущъ.
Такъ, шакъ, они его не знаютъ,
Бѣгущъ опъ правды, красоты;
Свое лишь благо почишающъ,
А благо обще за мечшы.

»Спѣшащъ, лешащъ ко громкой славѣ,
Къ богашспвамъ, власпи и чинамъ,
Къ великолѣпію, забавѣ,
Всѣхъ низкихъ слабостей къ счасшамъ,

Копоры льспяшъ ихъ, обаваюшъ
И въ сѣпъ обманами влекушъ ;
Но лишъ уловяшъ , — исчезаюшъ ,
Оспавя въ слѣдъ имъ скорбъ и спудъ.

«Но Ты, о Боже! благъ Содѣтель!
Богъ молній, грома, свѣща, тмы!
Вдохни въ ихъ душу добродѣтель;
Блесни и разжени ихъ мглы;
Бозвысь ихъ умъ къ уму неплѣнну,
Къ шому ихъ разуму взнеси,
Копорымъ правишь Ты вселенну
И на земли и въ небеси ,

«Почпилъ Ты коимъ чловѣка,
Чшобъ разумѣль Твои дѣла,
И чрезъ него опъ вѣкъ до вѣка
Гремѣла бы Твоя хвала :
Такъ должно, праведно, прекрасно,
Творенію Творца хвалишь;
Въ воскликновеніяхъ всечасно
Его Свяшое Имя чшишь.

«Никшо, никшо изъ всѣхъ живущихъ
Среди земли, среди небесъ,
Не обрѣшешъ изъ шварей сущихъ
Сшоль удивительныхъ чудесъ,
Великихъ, славныхъ, непоспижныхъ,
Каковъ великій разумъ шощъ,
Чшо въ маніяхъ своихъ обширныхъ
Природѣ всей законъ даешъ.»

Онъ пѣлъ — и къ гласу спою священну
Главу, казалось, вознесенну
Вкругъ холмы, горы и лѣса,
И сами вышні небеса
Съ благоговѣніемъ склонили;
Всѣ штилися ему внимають;
Присутствіе Господне чтили:
Его могъ праведникъ призывають.

XXV.

МОЛИТВА

**ПО ВЫСОЧАЙШЕМЪ ОТСУТСТВИИ ВЪ АРМІЮ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.**

(1807 года Марта 16 дня.)

Господи! возсылають
Къ Тебѣ свои мольбы, —
Взоръ, длани просширають —
Смиранные рабы:
Взгляни сквозь спрашны бездны
Съ вышю Твоихъ свящыхъ.
На вздохи, шоки слезны,
На огнь оимьямовъ ихъ.
Взгляни и виждь — Россія,
Тмой душъ, какъ звѣздъ, горя,
Средь шверди голубыя,
Гласишь: спаси Царя!

Храни Его на брани,
Покой въ пуши, паси;
Твои незримы длани
Вездѣ надъ нимъ носи;
Будь швердый щипъ опъ злобы! —
Ты зришь, сколь врагъ Его
Геройскихъ душъ свелъ въ гробы
Средь звѣрства своего:
Тамъ мать лишилась сына;
Тамъ бранъ палъ смерши въ долъ;
Чешы здѣсь половина —
И Ты, Творецъ! доколь? . . .

Доколь шоки крови

Велишь намъ, грѣшнымъ, лишь?
Богъ благоспи, любви,
Жестокъ не можешь бышь:
Пресшани же опъ гнѣва,
Ревъ бури умири;
Хлябь алчную Эрева
Перунами запри;
Ударь! — и съ крыль Зефира
Снесешся шихій день:
Благоуханну мира
Дасъ Александръ намъ сынъ.

XXVI.

ВВЕДЕНІЕ

СОЛОМОНА ВЪ СУДИЛИЩЕ.

Восшелъ Давидъ въ сѣнь правды ,
А съ нимъ и Соломонъ , —
Гдѣ казнь на злыхъ , блaгимъ награды ,
Законы вѣзанны свящымъ жезломъ
Въ скрижалъ сапфирну , вкругъ злашую ,
Хранимы въ родъ и родъ , — восшелъ и сѣлъ на
пронъ !

Велѣлъ съ собой возсѣсть и сыну одесную ;
Спарѣйшины предъ нимъ , склонившися челомъ ,
По манію его возсѣли ,
Въ молчаньи , на своихъ мѣстахъ .
Невидимо на высокахъ

Псалпири струны загремѣли :

»Боже! дай Царю Твой судъ

»И Цареву сыну правду ,

»Да народу подадутъ

»И защишу и награду ;

»Да на горы миръ сойдешъ ,

»Правосудіе въ долины ;

»Бѣдныхъ да спасешъ отъ бѣдъ ,

»Плачущихъ отъ злой судьбины ;

»Да смиришь клеветниковъ ,
»И , какъ солнце ввѣкъ сіяешь ,
»И луна межъ облаковъ ,
»Такъ блистать на пронѣ спанешь ;

»Такъ сойдеши онъ въ низкій домъ
»Съ высочайшаго престола ,
»Какъ снисходишь дождь на холмъ
»И роса на сушу дола ;

»Истина во всѣхъ сердцахъ ,
»Правда въ людяхъ населишся ,
»И въ его блаженныхъ дняхъ
»Счастіе возобновишся ;

»Падши , пыль полижешь ногъ
»Орды передъ нимъ Азійски ,
»И безцѣнности залогъ
»Принесутъ Цари Фарсійски ;

»Да помоляшся уму
»Въ немъ подсолнечной владыки ,
»Порабошають ему ,
»Подчинившись , языки ,

»И покажутъ , что онъ былъ
»Щитъ отъ сильныхъ всѣмъ безсильнымъ ,
»Вдовъ и сирыхъ прокормилъ
»Токомъ благости обильнымъ ,

«Подданныхъ жалѣль лишь кровь ,
«Ограждалъ опѣ лихвъ , неправды ,
«И къ себѣ ихъ чшилъ любовь
«Выше всякія награды ;

«Долги будущъ дни ему ,
«Злапо попечешъ рѣкою ;
«Дань легко дадушъ тому ,
«Кто любимъ опѣ всѣхъ душою ;

«Нивы на вершинахъ горъ ,
«Садъ Ливанскій расплодится ;
«Градъ , поля восхитяшъ взоръ ,
«Въ нихъ блаженство водворится ;

«Пальма , лавръ увьюшъ чело ,
«Славою украсяшъ вѣчной ,
«Чтобы имя процвѣло
«Похвалою чистосердечной.»

Какъ лучъ, на верхъ Ерусалима
Снеслася благодашь , — Израиль зрѣль.
«Да будешъ ввѣкъ ,» въ воспоргъ пѣль :
«Еговы длань благословима ,
«Пріосѣняющая насъ !» —
За симъ умолкъ псалшири гласъ.

XXVII.

СЪТОВАНИЕ.

Услышь, Творецъ, моленье
И вопль моей души;
Сердечно сокрушенье,
Вздыханія внуши,
И слезъ моихъ опъ шока
Не отврати лица.

Но въ день, въ который спражду,
Зову Тебя, спеня,
Твоихъ щедрошъ какъ жажду,
Воззри Ты на меня,
И съ вышины небесной
Скорый меня услышь.

Ты видишь, исчезающъ
Всѣ дни мои — какъ дымъ;
Всѣ силы умирающъ;
Какъ злакъ подъ зноемъ злымъ
Падешъ, блѣднѣешъ, вянешъ, —
Изныло сердце шакъ;

Сожженна грудь слезами;
Хлѣбъ, соль, забвенъ покой;
Плошь ссохлася съ косшями, —
Какъ ошовъ образъ мой,

И гласъ опть въздыханій
Въ успахъ моихъ исчезъ.

Какъ пища, въ мгль унывна,
Оспавленна на здѣ, (*)

Иль схохленна, пуспынна
Сѣдяща на гнѣздѣ
Въ нощи, въ лѣсу, въ шрущобѣ,
Лію спенаньемъ гуль.

Друзья днесъ уклонились,
Враги меня шѣсняшъ,
И шѣ, чшо мной хвалились,
Клянущъ меня, браняшъ
За то, чшо пища — пепель,
А слезы мнѣ — пишье!

И все сіе опть гнѣва,
Увы! Твоихъ очесъ,
Чшо Ты, Создапель Неба,
На высопу вознесъ,
И внизъ меня низвергнуль, —
Увяль, поблекъ мой цвѣпъ.

Воззри же на смиренну
Молишву Ты мою,
И жерпву воскуренну
Не уничпожь сію:
Да въ роды возвѣспишся
Твое спасенье мнѣ!

(*) На кровль.

XXVIII.

УМИЛЕНІЕ.

Не Богу ль повинися
Во всемъ душа моя?
Не опъ Него ль спруишся
Спасеніе ея?
Такъ! Онъ одинъ Хранишель,
Защипникъ, Покровишель,
Броня моя и шлемъ:
Не двигнуса я въ Немъ.

Доколъ человѣки
Подобныхъ имъ гнешушъ,
Кровавыя луюшъ рѣки,
Зоряшъ жилища, жгушъ,
И спѣны хопъ сопренны,
Ихъ кущи разрушенны,
Но въ сердцѣ звѣрску желчь
Несупъ, огонь и мечъ,

И цѣну совѣщаюшъ,
Меня какъ свергнушъ, чѣмъ;
Всѣ жаждушъ, всѣ алкаюшъ
Знашъ о вредъ моемъ;
Благословяшъ устами,
Губяшъ, клянупъ сердцами,
Измѣны строя ковъ;
Но Богъ мой Спасъ, Покровъ!

Такъ , Онъ Заспунникъ , Слава ,
Краса моя , вѣнецъ ,
Надежда и избава ,
Владыка и Опецъ. —

О , смертные ! внимайше :
Предъ Нимъ лишь преклоняйше
И духъ вашъ и главы ;
Но суешны сущъ вы !

Вы любите хищеньи ,
Надѣшесь на ложь ,
Живете въ подкрѣпленьи
Неправедныхъ Вельможъ ;
Ко роскоши , къ богашеству ,
Корысти , свяшопашеству
Лешашъ духъ , умъ , сердца. —
Увы ! — иль нѣтъ Творца ?

Нѣтъ , естъ ! Его держава ,
Въ вселенной всей , и судъ
Всѣмъ , милость и управа
Его въ шопъ вѣкъ дадушъ
Намъ по дѣяньямъ долю. —
Блаженъ , Твою кшо волю
Соблюсть въ сей жизни могъ ,
О мой Творецъ и Богъ !

XXIX.

ПРОПОВѢДЬ.

Благо проповѣдашь Бога
И всегда вѣщаешь о Немъ,
Что премудрость, сила многа,
Истина и благость всѣмъ
Зришься во вселенной чудной!
Ночью славенъ Онъ и днемъ, —
И Ему опъ арфы сладкоспрунной
Мой да раздается громъ!

Возвеличилъ меня сильно
Во швореньяхъ Онъ Своихъ.
Въ крапкѣй вѣкъ мой изобильно
Наслаждая я благихъ,
Веселюся въ вечеръ лунной
Чудныхъ дѣлъ Его умомъ, —
И Ему опъ арфы сладкоспрунной
Мой да раздается громъ!

Мужъ безумный благъ не знаетъ,
Дивъ не разумѣешь сихъ,
И, права какъ, увядаетъ
Въ мрачныхъ помыслахъ своихъ;
Но я вѣрю въ Промыслъ чудный:
Былъ моимъ Онъ ввѣкъ щипомъ, —
И Ему опъ арфы сладкоспрунной
Мой да раздается громъ!

Всѣ враги мои погибнушъ,

Господи! Твои враги.

Злы дѣла ихъ въ ровъ низринушъ,

Вознесуся же благи.

Въ спаросши масшишой, мудрой,

Правда возблесшишъ челомъ, —

И Тебѣ опѣ арфы сладкоспрунной

Мой да раздаешся громъ!

Я взгляну презрѣннымъ окомъ

На прошивниковъ моихъ.

Какъ въ лукавствіи глубокомъ,

Во глумленьи скажущъ ихъ:

«Фениксъ, праведникъ подспудной,

«Кедръ изъ праха взросшій холмъ,» —

И Тебѣ опѣ арфы сладкоспрунной

Мой да раздаешся громъ!

Насажденны въ дому Бога

Доблесши изъ шли взойдушъ:

Чеспность, мудрость, вѣра спрога,

Въ царствѣ Росскомъ процвѣтушъ,

И промчися гласъ повсюдной:

Правъ Богъ! — нѣтъ неправды въ Немъ! —

И Тебѣ опѣ арфы сладкоспрунной

Мой да раздаешся громъ!

XXX.

БЛАГОДАРНОСТЬ.

Исповѣмся я душою ,
Сердцемъ всѣмъ Тебѣ моимъ :
Средь поющихъ Ангелъ спрою
Цишрой благодарный гимнъ
Возбрячу , что Ты глаголу ,
Господи ! внялъ усшъ моихъ .

Храму Твоему Святому
Въ умиленьи поклонюсь ;
Богу крошкому , благому !
Слезъ рѣками проліюсь ,
Что вознесъ меня опъ долу
На чреду высошъ Своихъ .

Богъ и впредь меня услышишь ,
Какъ Его я призову ;
Умъ и сердце мнѣ возвысишь ,
Крѣпосшь дасшь подобну льву ,
И своей мнѣ силой душу
Расширишь , наполнишь грудь .

И услышатъ , и познаютъ
Власпи и Цари земны ,
Что шѣ ввѣкъ не погибаютъ ,

Кто Творцемъ охранены. —
Я всѣ ужасы разрушу;
Правды, славы въ путь пойду.

Издальче Богъ надменныхъ,
Угнеташь бѣдъ ярмомъ,
А съ высотъ на униженныхъ
Призираешь благъ лучомъ;
Тѣхъ низводишь, сихъ возводишь, —
Маниемъ весь правишь свѣшъ.

О Всесильный! если скорбью
Я и впредь сражусь, спеша,
Оживляй Твоей любовью,
Провождай въ слезахъ меня,
И, какъ громъ на злыхъ снисходишь,
Духъ Тебя мой да поешъ.

XXXI.

ВОЦАРЕНІЕ ПРАВДЫ.

Господь воцарился!
Земля веселись!
Мракъ шучь разсупися!
Холмъ въ свѣшъ облекись!
Правда и судъ ушвердились
Вкругъ шрона Его.

Предъ Нимъ огонь предъидешиъ;
Враговъ попалишиъ ,
Вселенную двигнешъ ;
Громъ мракъ освѣшишиъ ;
Горы , какъ воскъ , въ мигъ распаюшъ
Предъ Божьимъ лицомъ.

И небо всѣмъ правду
Его возвѣсшишиъ ;
Народъ въ немъ оспраду ,
Чесъ , славу узришиъ ;
Тѣ же , что чтили кумировъ ,
Поникнушъ съ стыдомъ.

Услыша съ весельемъ
Взыграешъ Сіонъ ;
Сонмъ дѣвъ съ восхищеньемъ
Воскликнешъ о Немъ ,
И возгласишиъ , что правдивы
Господни судьбы!

Творецъ , — что всѣхъ высшій ,
Надъ всѣми естъ Богъ ,
Кой , взоромъ проникши ,
Унизилъ злыхъ рогъ , —
Души храня преподобныхъ
Лучемъ осіялъ.

Ликуйте жъ о Богъ ,
О добрые ! днесъ ;
Хвалиште въ воспоргъ

Царя вы небесь!
Имя, и свяшось, и славу
Воспойте Его.

XXXII.

НА ПРЕОДОЛѢНІЕ ВРАГА.

(Х О Р Ъ .)

Воскликни Господу, вселенна!
Его Свяшое Имя пой!
И ты, о лира восхищенна!
Въ хвалу Ему швой гласъ наспрой:
Рцы Богу, коль дѣла Его предивны:
Съ высокой палъ нашъ врагъ спремнины!
Весь міръ Творцу поешъ хвалебный ликъ:
Великъ! великъ! великъ!
Приди и обозри, о смершный!
Непоспижимы чудеса:
На чемъ спояшъ сполны несмѣшны,
Держащи землю, небеса;
Зри, обращалъ какъ Богъ поншъ въ сушу,
Какъ хлябъ разверзъ, просперъ въ ней пушь,
И шамъ провелъ живую душу,
И въпръ не могъ никакъ гдѣ дуть!

(Х о р ъ .)

Воскликни Господу , вселенна !
Его Святое Имя пой !
И ты , о лира восхищенна !
Въ хвалу Ему твой гласъ наспрой :
Рцы Богу , коль дѣла Его предивны :
Съ высокой палъ нашъ врагъ спремнины !
Весь міръ Творцу гласишь хвалебный ликъ :
Великъ ! великъ ! великъ !

Его всевидящее око
Сквозь безднъ всѣхъ звѣздъ на міръ сей зришь ,
Чшо низко въ немъ и чшо высоко ;
Надъ вражеской гордыней бдишь ,
И насъ ведешь къ блаженной жизни,
Споны склоняя на добро ;
Черезъ брань , бѣды и укоризны
Такъ чиспишь насъ , какъ огонь сребро .

(Х о р ъ .)

Воскликни Господу , вселенна !
Его Святое Имя пой !
И ты , о лира восхищенна !
Въ хвалу Ему Твой гласъ наспрой :
Рцы Богу , коль дѣла Его предивны .
Съ высокой палъ нашъ врагъ спремнины !
Весь міръ Творцу гласишь хвалебный ликъ :
Великъ ! великъ ! великъ !

Хоша вводилъ Онъ насъ въ напасши ,
И посылалъ на насъ войны ;
Но то Его былъ оцъши власши ,
Чшобъ наши наказашъ вины . —

Благословише жъ всѣ языки
Днесъ Бога нашего , и вы ,
Зря чудеса Его велики ,
Хвалише , преклоня главы.

(Х о р ъ .)

Воскликни Господу , вселенна !
Его Святое Имя пой !
И ты , о лира восхищенна !
Въ хвалу Ему твоя гласъ наспрой :
Рцы Богу , коль дѣла Его предивны :
Съ высокой палъ нашъ врагъ спремнины !
Весь міръ Творцу гласишь хвалебный ликъ :
Великъ ! великъ ! великъ !

Придише въ храмъ нашъ и внимайше
Душъ славословія прубу ;
Но не на жершвы вы взирайше ,
На искренню Творцу мольбу ;
И ежели языкъ неправду ;
Какую нашъ въ сей часъ изрекъ ,
Да удалишь ошъ насъ пощаду
И милосшъ Онъ Свою на вѣкъ.

(Х о р ъ .)

Воскликни Господу , вселенна !
Его Святое Имя пой !
И ты , о лира восхищенна !
Въ хвалу Ему твоя гласъ наспрой :
Рцы Богу , коль дѣла Его предивны :
Съ высокой палъ нашъ врагъ спремнины !

Весь міръ Творцу гласишъ хвалебный ликъ :

Великъ ! великъ ! великъ !

XXXIII.

СОСТРАДАНИЕ.

Блаженъ , на нища и убога

Кто зришъ и въ люмый , скорбный день ,

Опъ зноя , жажды , глада спрога

Спасешъ , — и кушъ своихъ подъ пѣнь

Его привесшъ не постыдишся :

Онъ Господомъ вознаградишся.

Господь Самъ съ неба назидаетъ

Его въ сей жизни и хранишъ ;

Блаженствомъ всякимъ угобжаешъ ,

Жашвъ изобиліемъ даришъ

И, избавляя бѣдъ и скуки ,

Не предаешъ во вражьи руки.

Всегда ему помогаешъ ,

Въ болѣзни даже , на одрѣ ,

Когда вокругъ ложа ужъ сверкаешъ

Его серпъ смерти — и въ зарѣ

Онъ вѣчноши, бышь въ мгль ужъ мнился,
Но вдругъ воспрянувшимъ здравъ зрился. —

Такъ мнилъ, надѣясь я на Бога,
И соспрадашелень всѣмъ былъ;
На лица сира зрѣлъ, убога,
И Богъ спокрапъ мнѣ заплашилъ:
Когда мнѣ врагъ коваль напасши —
Сіялъ я паче въ славѣ, въ счасъи.

XXXIV.

ПОКАЯНІЕ.

Помилуй мя, о Боже! по велицѣй

Мнѣ милосши Твоей;

По множеству щедротъ, Твоей десницей

Сгладь грѣхъ съ души моей;

А паче тайныхъ беззаконій

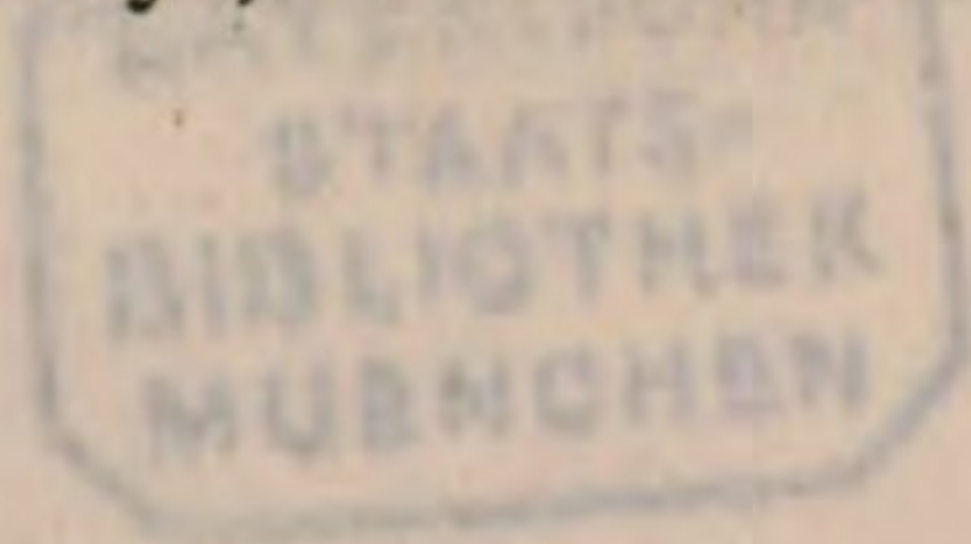
Очись: — ихъ знаю я.

Я знаю ихъ, — и зрю всѣхъ предъ собою

Моихъ пороковъ нму:

Се сокрушенной каюся душою

Тебѣ лишь одному;

Тебѣ , что бышь дерзнулъ лукавымъ
И укрывалъ мой грѣхъ.

Но лѣзя ль кому передъ Тобой въ чемъ скрыться ,
Коль все зришь , слышишь Ты ?
Какъ можно на судъ въ чемъ оправдишься
Предъ Тѣмъ , Кто и мечшы
Душъ нашихъ и сердецъ всѣхъ знаешь ?
Онъ , вѣрно , побѣдишь.

Такъ ! знаешь , что я зачатъ въ беззаконьи , —
Въ грѣхахъ родила мать ;
Что внушрь меня коварство , а внѣ козни
Неправдой правду шмьшь , —
Ту правду , искру шу премудру ,
Что Онъ во мнѣ возжегъ.

Ахъ ! окропи жь меня Ты звѣздъ уссопомъ
Водъ благоспи Твоей
Омой , Творецъ ! мнѣ грудь Ты слезъ пошопомъ ,
Внявъ вздохъ души моей :
Да сердцемъ уясняся чистымъ ,
Бѣлъ буду я , какъ снѣгъ.

Дажь слуху моему веселье , радость ,
Чтобы въ моихъ коспяхъ
Смиранныхъ ша вовѣкъ лилася сладость ,
Пьюшь кою въ небесахъ .
Такъ , Боже ! отврати взоръ грозный
Отъ слабостей моихъ .

Созиждь въ моей утробѣ сердце чисто ;
Духъ правый обнови ,
Который бы, какъ солнце въ мглѣ лучисто ,
Сіялъ въ моей крови ;
И лика Твоего Свяшаго
Съ меня не отврати.

Пошли мнѣ Твоего жаръ въ грудь спасенья,
И духомъ такъ Своимъ
Владычнимъ ушверди путь для ученья
Заповѣдямъ Твоимъ ,
Чтобы къ Тебѣ и нечестивыхъ
Я обратишь всѣхъ могъ .

Уста мои, о Творче! мнѣ отвѣсти
На похвалу Твою ,
Да холмы слышатъ , рѣки и безднѣ брези ,

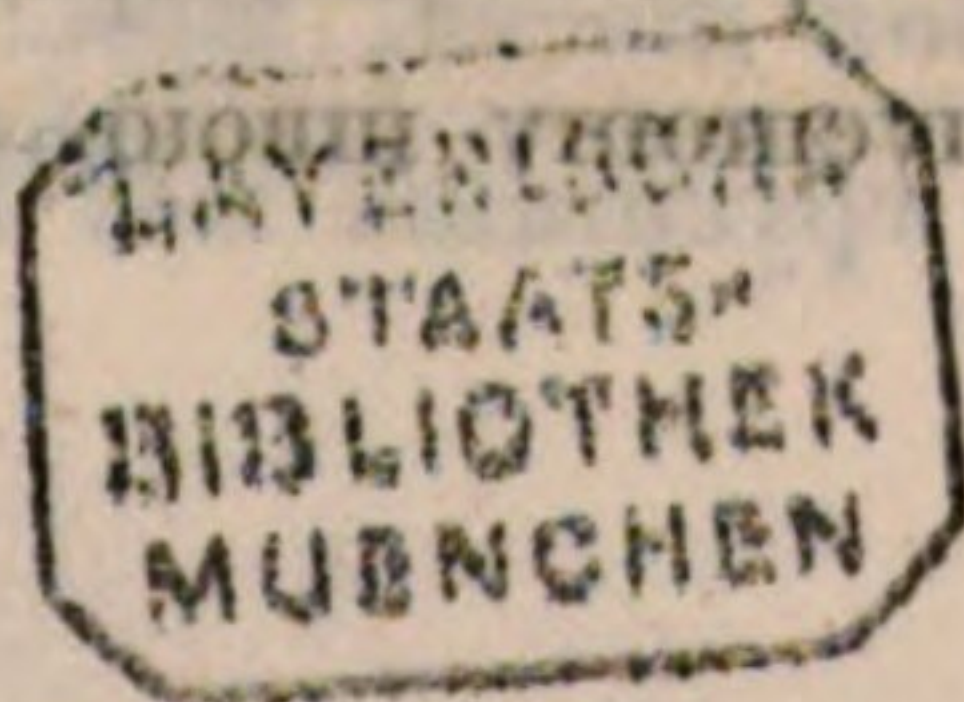
Что я Тебя пою ,
И никому не посвящаю
Я пѣсень, какъ Тебѣ .

Ахъ ! жершвы бѣ восхопѣлъ колы Ты какія
Принесъ бы я давно ;

Но не приемишь ты мольбы инья ,
Вдыханье какъ одно :

Храмъ Богу — сердце сокрушенно ,
Смиранный духъ — олшарь .

Часть I.

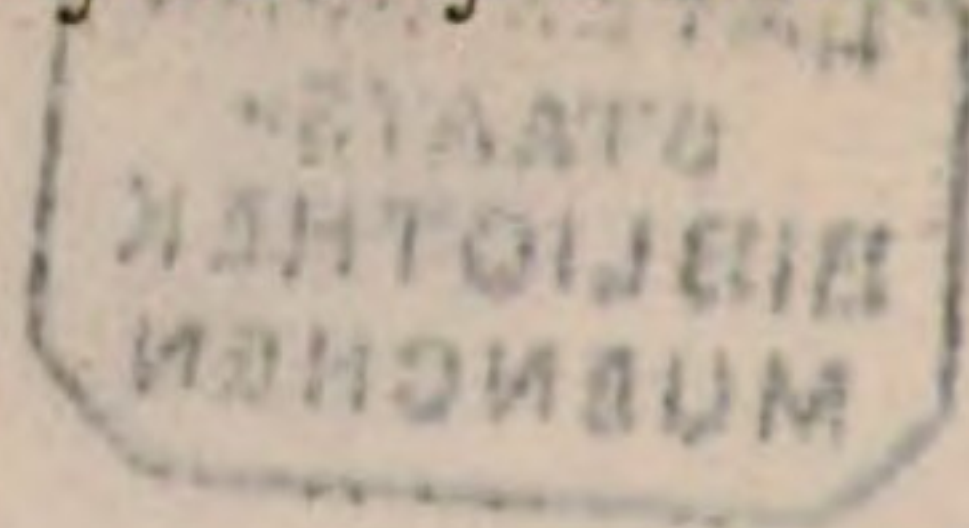
XXXV.

ТОСКА ДУШИ.

»Что такъ смущаешься, волнуешь,
Безсмертная душа моя?
Опколъ пламенны желанья?
Опколъ тоска и грусть твоя?
Се холмы синіе мерцаньемъ,
Дугъ запахомъ — спокойствуюшь;
Но, ахъ! ничто не уполяетъ
Унынья томна твоего!

»Иль дѣль, иль подвиговъ вновь жаждешь,
Чтобъ имя прозвучать свое?
Возстань, опреоясь, дѣйствуй,
Обширно поприще твое!
Иль жжешь алчба ничтожна злапа?
Проси! — не вѣдай я того,
Безсмертная, сему кумиру
Чтобъ била ты когда челомъ.

»Уже ли эщо пошъ избранный, —
Снѣдаешься, крушишься кѣмъ,
Чѣмъ ночью спящіе въ снѣ грезятъ
И грезятъ спящіа чѣмъ днемъ?
Нѣтъ! слабо праха воспаленье
Наполнишь пустошу твою. —

Но что жь? скажи скорѣй мнѣ средство,
Внутри чѣмъ жажду утолишь?» —

Такъ вскрикнувъ я, повергся долу:

Заглохнулъ спонъ болошна дна;
Замолкло лѣса бушеванье;
Запахла пише пишина.
Лежалъ простершъ я, чуть дыхая,
Въ цвѣтахъ на берегу ручья,
Надъ коимъ мѣсяцъ серпозлашый
Блispалъ, блѣднѣлъ, темнѣлъ, — исчезъ.

Ночная шма темнѣе спала;
Вкругъ въ гибкомъ камышѣ, въ кустахъ
Чуть слышимо погодъ шептанье
Въ меня вливало нѣкій страхъ.
Во слухъ мой доходили звуки
Такъ нѣжны, сладки, какъ свирѣль.
Опколъ они ко мнѣ неслися?
Но въ сердцѣ шакъ въщали мнѣ:

«Не драгоцѣнностей алканье,
Не слава, не хвала людей
И не предметъ, шобой избранный,
Волнуюшъ во груди швоей;
Но Топъ — Прочь опъ очей повязка!
Запона и опъ слуха прочь!
Воззри, о робкій, маловѣрный,
Вокругъ себя и въ небеса.

»Не зришь ли чернордяный пламень,
Зеленыхъ сумракъ средь лѣсовъ?
Не обоняешь ли цвѣшущихъ
Ты благовоніе цвѣшовъ?
Не внялъ ли краспелина преска,
И радостна въ правъ, во мху
И въ воздухъ жужжанья, шума
Большихъ и малыхъ жизней толпъ?

»О мрачный и оглохлый смертный!
Не образованы ль рукой
Они одной, изъ той же глины,
Изъ коей и сославъ весь пшвой?
Не облаченъ ли плащаницей
Непроницаемой ты вкругъ?
Сотри скорый плену опъ взора,
И съ слуха перепонку сбрось.

»Топъ, сердцемъ Кто не познаваемъ
Твоимъ, но пламенно искомъ,
Вблизи тебя, не подалеку,
И можешь быть легко найденъ,
Его душой кто прямо ищешь.
Онъ носишься вкругъ тебя
Въ зряхъ и раннихъ и вечернихъ,
И на моряхъ и на земли.

»Такъ! Имъ ты, Имъ щедро подарнымъ,
Вся воспламененна Имъ однимъ;
По Немъ твоя шоска, помленье:
Зовешь Его, груспишь ты Имъ;

Твой къ поку своему духъ рвешся,
Сспраданья небрежа земны
И наслажденья презирая,
Свое блаженство въ Немъ лишь чшишь.

IVXXX
»Онъ жаждъ швоихъ всѣхъ упоенье,
Онъ чуденъ именемъ Своимъ:
Любовь и свѣтъ Его есть сущность;
Его когда? всегда есть съ Нимъ;
Его гдѣ? — здѣсь и повсемѣстно;
Его подобіе есть ты;
Его опсвѣтъ въ тебѣ блискается:
Гордись, мой братъ, величьемъ симъ.» —

Такъ рекъ. — Завѣса и повязка
Съ меня ниспали. Я прозрѣлъ,
И видѣлъ вокругъ себя сіянье:
Трепещущи, чужь съ мѣста сшелъ,
И въ ужасъ не смѣлъ быть дерзкимъ:
Еще разъ на Него взглянуть;
Но только гласъ Его я слышалъ
Въ вечернемъ вѣющъ вѣсперкѣ.

Склопя колѣна, въ слѣдъ молился
Ему, и радостенъ я былъ;
Пылалъ воспоргомъ несказаннымъ;
Дрожалъ, не познавалъ себя:
Вся мѣла кровь... — опомнясь, вскрикнулъ:
»Нашелъ, о чудный! я Тебя;

Нашель, — не выпущу изъ сердца.
Благослови меня съ вышины!

XXXVI.

ИДОЛОПОКЛОНСТВО.

Азъ есмь Господь Богъ твой, да не забуду тебѣ
Божи иже...

Творцу я поклоняюсь міра:
Въ лицѣ Его служу Царю;
Нигдѣ, ни въ комъ себѣ кумира
И не шворилъ и не шворю.
Почто жъ мнѣ, идолы безчестны,
Шумихой, мишурой прелестны,
Вкругъ ползашъ вашихъ олшарей? —
Почто? коль въ хижинѣ безвѣстной
Доволенъ, подъ Рукой Небесной,
Я долею моею.

Бога шествъ, чиновъ, спяжашель власи,
Льстецъ, ищущій могущимъ бышь,
Пусть лучшей достигаетъ часи,
Сшоишь въ водѣ и — хочешь пишь;
Но пастырь добрый, вѣрный спаду,
Не перелазитъ чрезъ ограду,

За посохомъ неидеши безъ зва,
И пасырспва не, вымоляеши;
А взявъ овецъ, ихъ, соблюдаеши
Опъ расхищенья льва;

Кладешъ за нихъ въ часъ люный душу,
Не бѣгавъ, какъ наемникъ, прочь,
Но зная, что Топы, Кпо море, сушу
И небо создалъ, — день и ночь
Такъ дланью бдиши надъ нимъ Своею,
Какъ предначерпанной спезею,
Кашиши и міра колесо:
То полнъ сихъ чувствъ, и не крушишься,
А подъ какимъ зубцомъ случишься —

Смиренно сносиши все,

И чшеши шертьня въ добродѣшель,
Что смертнымъ нужно всѣмъ оно;
Что чрезъ него лишь насъ Содѣшель
Вчиняеши звѣздъ Своихъ въ звѣно;
Что перснъ Его за правду Царсшва
Возносиши, низиши за коварсшва
До предназначенна конца;
Царямъ — Вельможъ здѣсь въ возвышенье,
А шамъ даеши во униженье
Ихъ власи и вѣнца.

Такъ Вышній таинсшва сердечны
И мысль всѣхъ видиши съ горнихъ мѣшъ,
Мракъ ада проникаеши вѣчный
И солнечныхъ пучины гнѣздъ.

Въ Его — снѣжинка въ морѣ пѣнномъ,
И искра въ пламени возженномъ,
И черна мравья пушь во шмѣ,
И въ небѣ слѣдъ орла паряща,
И пуча спрѣль съ луковъ лешаща —

Различены въ умѣ.

Различены; — но нѣтъ изъясненья,
Міръ въ общей колесѣ печешъ; —
Хоть въ томъ звѣнѣ, хоть въ томъ — участъ
Несчастьемъ томъ, сей счастьемъ чешъ.
Къ чему жь гордыней надымашься,
Когда случился возвышашься?
Мы можемъ завтра внизъ упасъ,
Но ползъ почто и бѣдствъ въ юдолъ?
Учишься лучше въ низкой долъ:

Тщешна кумировъ власъ.

Ахъ, нѣтъ! Кумиры сильны въ мірѣ;
Издrevле имъ поклонникъ свѣтъ:
Здѣсь роскошь усыпляетъ въ пирѣ,
Тамъ красота ядъ въ сердце льетъ;
Здѣсь злобо ослѣпляетъ блескомъ,
Тамъ слава оглушаетъ шрескомъ, —
Все, все сочли за Бога мы!
Безчисленны сущъ наши спраси;
Крамоольники мы Вышней власи.

О, Россъ! бѣги сей шмы!

XXXVII.

НА БЕЗБОЖНИКОВЪ.

Царствуешь, вижу, всюду разврашъ :

Къ правдѣ сокрышы путь и дорога ;

Глупые, злые въ сердцѣ ихъ мняшъ :

»Гдѣ добродѣтель? — вѣрно нѣшъ Бога ;

Случай все, случай шворишъ !» —

Нѣшъ, нѣшъ, злодѣи ! ешъ Богъ и зришъ

Вашу съ высотъ глупость и дерзость ;

Видишъ сквозь самый мрачный зенишъ

Гнусны дѣянья, совѣстей мерзость ;

Грозно вамъ въ громъ гремишъ :

»Я ли забвеннымъ вами могъ бышъ ,

Всюду блистая въ дивныхъ швореньяхъ ?

Въ солнцѣ ль Меня не хочете чпишъ ?

Звѣздъ въ милліонахъ, въ шваряхъ, въ распеньяхъ ?

Вамъ ли Меня позабышъ ?

»Вы позабыли : зришъ ли шѣхъ свѣшъ ,

Хлѣбъ Мой вкушая , кшо бѣ помнилъ Меня ?

Спраха бояшся, спраха гдѣ нѣшъ ;

Тщешной надеждой духъ свой маня ,

Тлѣнное вѣчнымъ всякъ чпишъ.» —

Сгибнушъ и кости съ шѣломъ душъ пѣхъ,
Кои безбожно рабствуюшъ міру.
Духъ мой! кумировъ презри ты всѣхъ:
Звучну пріемлю Царскую лиру,
Бога единого пой!

XXXVIII.

НАДЕЖДА.

КЪ ѲЕДОРУ ПЕТРОВИЧУ ЛЬВОВУ,

у коего первая супруга была Надежда.

Лучь, ошъ Свѣша опдѣленный
Льющаго всѣмъ солнцамъ свѣшъ,
Прежде въ духъ мой впечатлѣнный,
Чѣмъ онъ прахомъ спалъ одѣшъ,
Безпрестанно въ выспрь парящій
И съ собой меня манящій
Къ Океану своему!
Хоть прешипъ земли одежда,
Но несешь меня къ нему
Ты желаній на крылахъ,
О безсмертная Надежда,
Объщательница благъ!

Глупые мечшаюшъ смертны
О какихъ-то дняхъ злыхъ:

Суешы ихъ неисчислимы;
Ищешь цѣлей всякъ своихъ.
Я премѣны вижу свѣта;
Зрю зимы, весны дни, лѣта
И осеннихъ дней возвращъ;
Спарьюшъ, юньюшъ роды.
Зрю всему свой кругъ, свой рядъ;
Но довольнымъ не хочу
Быть печеньемъ симъ природы,
Все чего-то вновь ищу.

Вѣкъ меня Надежда льстима
Упѣшала дѣпски дни,
Храбрось мужескву дарила,
Умашала сѣдины,
И предъ близкой днесь могилой,
Укрѣпя своею силой,
Сышлешь предо мной цвѣты:
Вѣчноспи на прагъ споя,
Жизнь люблю и суешы;
Славы мною спяжашъ вѣнецъ;
Безпокоюсь средъ покоя,
И еще ль я не глупецъ?

Такъ кажусь пущь я безумнымъ,
Пущь Надежда бредъ глупцовъ;
Но какъ моремъ жизни шумнымъ
Уповаю средъ валовъ,
Чѣмъ-то духъ мой все бодрится;
Должно, должно мнѣ родиться
Къ лучшему чему ни ешь.

Ахъ! коль чувство что внушаешь,
Умъ даешь и сердце въспъ, —
Испины по знакъ для насъ;
Духъ никакъ ни облыгаешь.
Гласъ Надежды — Божій гласъ.

Гласъ Надежды — сердца сладость,
Восхищеніе ума,
О добръ грядущемъ радость.
Хоть невидима сама,
Но вездѣ со мною ходишь,
Время весело проводишь
И въ забавахъ и въ бѣдахъ. —
На нее зря, улыбаешься
Буду въ смертныхъ я часахъ, —
И какъ хладъ польешь въ крови,
Буду ризъ ея держась
До объявія Любви.

Такъ Надежды пресѣкаешь
Лишь одна Любовь полешь,
Какъ во солнцѣ упоаешь
Лучезарномъ искры свѣпъ.
Съ Богомъ какъ соединимся,
Въ свѣпъ вѣчномъ погрузимся
Пламенемъ любви своей,
Смертная спадешь одежда:
Мы въ блиспаніи лучей
Жизнью будемъ жишь духовъ. —

Вѣрь, жива швоя Надежда,
Ты ее увидишь, Львовъ!

XXXIX.

ДОБРОДѢТЕЛЬ.

Орудье благости и силъ,
Господня дщерь, Его подобье,
Въ кошорой мудро совмѣспилъ
Онъ швердосшь, крошосшь, умъ, незлобье
И къ благу общему любовь,
О доблестъ смершныхъ, Добродѣтель?
О соль земли! — хотъ сонмъ духовъ
Развращу нравспвенну радъшель
И смѣешъ звашъ шебя мечшой;
Но Богъ (я мню) пы воплощенный.

Такъ! пы намѣспница Творца,
Его зиждипельница воли;
Въ Его селеньяхъ безъ конца,
И въ сей боренія юдоли,
Добра и зла пы вождь единъ,
Къ высокой шой чредъ ведущій,
Къ кошорой избранъ Свѣша сынъ —
О Ангель въ чловѣкъ сущій!

О человекъ лицомъ, душой
На небеса взирашь рожденный!

Ты, доблесь, мужества примѣрь,
Ты цѣломудрія зеркало,
Незыблема подпора вѣрь,
Несокрушимо спранъ забрало;
Ты въ узахъ, въ бѣдсхвахъ присный другъ,
Клеврешъ въ шрудахъ, товарищъ въ бѣднѣи;
Вождамъ и паспырямъ ты духъ
Даешь, ихъ пасшвъ и царшвъ въ храненѣи,
Плодь рашаямъ, шаланшамъ блескъ,
Вѣнецъ — всѣхъ нуждъ превозможеньямъ.

Ты, Добродѣшель, образецъ
Благодѣяній всѣхъ возможныхъ,
Гармонія благихъ сердець,
Источникъ сладостей неложныхъ,
Ты если царшвуешь съ Царемъ, —
Съ судомъ онъ милость сочешаешь,
Зло облишавъ своимъ лицомъ,
Ошъ сильныхъ слабыхъ защищаешь;
Покровъ Наукъ и Музъ ты плескъ,
Машъ сирыхъ, врачъ изнеможеньямъ.

Кто разъ узрѣлъ твои черты,
Твоей плѣнился красою,
Вкусилъ священныхъ усь сошы,
И весь слился съ тобой душою,
Тому другихъ красоть ужъ нѣтъ:
Прахъ — безъ тебя ему богатство.

Корона — въ терніяхъ цвѣшетъ;
Но гдѣ узришь тебя — препяшество
И смерть ему уже ничто:
Лешишь тобою насладишься.

Тогда ему и злой пиранья
И всѣ его прещенья, муки,
Какъ будно знакъ къ побѣдѣ данъ;
Всѣ ужасы, шоржесивъ какъ звуки,
Манящъ на лобно мѣсто печь:

На пиръ, на бракъ, какъ бы съ невѣстой,
Съ улыбкою идешь подь мечъ.
Такъ Михайль шель въ гробъ (*) опверзшой,
Чша Ханску яроснь ни во чпо,
Чшобъ идоламъ не поклониться.

Тогда, какъ спрашны мы побой,
Какихъ свойствъ милосердыя чужды?—
Смягчаемся сиропъ слезой,
Не сносимъ хладно нищихъ нужды,
Воспитывашъ дѣшей рачимъ,
Болѣзнь и староснь облегчаемъ,
Цвѣшъ цѣломудрія хранимъ,
Умъ слѣпо Вѣрою плѣняемъ.
Скорый Царь бѣдноснь поспышитъ,
Любя тебя, — чѣмъ домъ богатый.

Тогда въ судилищахъ и судъ

(*) Великій Князь Михайль не поклонился идоламъ Башыя, и пострадалъ.

Даюшъ Бояре безприспашно;
Опечесшво, Царя блюдушъ —
И правду говоряшъ безспашно.
Тогда, о сладосшный восшоргъ!
Царицы — вѣрныхъ женъ примѣры:

Вершишъ свой Евпраксія рокъ! (*)
Лилеей спавъ Царевна Вѣры,
Сама дѣвъ сонму предсѣдишъ (**),
И въ души льешъ ихъ нравы свяшы!

Но лѣзя мѣ исчислишъ лѣпошы
Твой, о доблешъ всеблаженна!
Ты все вчиняешъ (въ) красошы,
Чшо пронешъ длань швоя священна;
Ты добишъ чувсшва, мысли, шрудъ;
Какъ соль шворишъ вкусшый всѣ ясшва;
Тобой геройсшвомъ храбросшъ чшущъ,
Щедрошою — уронъ богашсшва;
Прощенъемъ шы караешъ месшъ;
Ты ненавидима — а любишъ.

И, Добродѣшель, посему
Доброшой Богу шы подобна,
Чшо доброхошсшвуя всему,
Ты благородсшвомъ превосходна;
Твой правда шрудъ; швой польза плодъ;
Ты не себѣ, но всѣмъ радѣешъ;
Ко всѣмъ добра шы — для доброшъ;

(*) Евпраксія, Великая Княгиня Рязанская, чшобъ не доспашъ-
ся въ руки влюбленнаго въ нее Башыя, бросилась съ башни.

(**) Дочь Ярославъ.

Просишь награды — не умѣешь;
Всему предпочитаешь — честь,
И о дѣлахъ своихъ не прубишь.

Величія и славы цвѣшь
Небесъ, о безпорочна Дѣва!
Тобой споишь сей только свѣшь
Среди спрасней кипящихъ рева.
Коль не было бъ въ немъ чадъ швоихъ,
Орловъ, сквозь бурь лешаешь рожденныхъ,
И голубицъ, опъ чреслъ свяпыхъ
Твоихъ на свѣшь произведенныхъ,
Чшобъ зло крошишь и побѣждашь, —
Міръ палъ давно бы въ преисподню.

Цвѣши жъ сильнѣй, Едемскій кринъ!
Средь дебрь шерновыхъ здѣшня міра,
Да благовоніемъ швоимъ
Моя всѣхъ услаждаетъ лира;
Или во мнѣ швоихъ доброшь
Лицемъ благоволитъ явишься:
Тогда и солнца опъ красотъ
Не усомнюся опврашишься,
Твою чшобъ только пальму взяшь
И къ лону принесши Господню.

XL.

С Л А В А.

День дни опрыгася глаголь,
И ночь ночи возвысася разумь.

Еще ль, Цари! вамъ имя громко
Бышь мнился славою прямой?
Еще ль, мудрецъ! ее шы только
Чпешь дыма блещущей струей;
Признайшесь, — ваша мысль неправа;
Увѣрьшесь Испины въ словахъ:
Безсмертная, прямая Слава
Есть цѣль цвѣтущихъ вѣчно благъ.

Чшо жь хвалишься во злобѣ, сильный,
Внушрь беззаконіемъ и внѣ?
Коль шы чрезъ слезы крокодильны,
Чрезъ шоки крови на войнѣ,
Чрезъ вѣроломства, буншы, яды,
Чрезъ святошашну неба чешь,
Повергъ прешолы, храмы, грады
И могъ Царей всѣхъ выше съсѣ.

Положимъ край швоихъ желаній:
Въ водахъ, въ земляхъ, внушрь дикихъ мѣсѣ
Распроспрая завоеваньи,
Коснушся даже самыхъ звѣздъ. —

Се громъ и рѣкъ уже не спало;
Какъ вихрь, промчался на крылахъ,
И все передъ побою пало;
Но что же славы въ томъ? — Ты прахъ!

Увы! — и каждую мину
Пишаючи въ себѣ змию,
Коль разжигаетъ жажду любу
И жрешь самъ внутренность свою:
Почто явишь въ себѣ Тантала
И ловишь мнимой Славы тѣнь?
На то ль, чѣмъ о тебѣ сказала
Словъ нѣсколько Аѳинска чернь?

Безумецъ! знай, когда въ надменъ
Ты Богъ мечтаешь бышь въ себѣ,
Лишь шиграмъ ты идешь въ сравненъ
И въ сердцѣ томъ, кто льспишь тебѣ.
На погребенны пепломъ грады,
На кровь, на слезы зря людей,
Какихъ ждешь жертвъ, похвалъ, пощады
Отъ нашихъ и грядущихъ дней?

Видь: тайно, мрачно днесъ вздыханье
Въ слѣдъ ходишь всюду за побой;
А завтра кляшвы, восклицанье,
На гробъ твой громъ повергнушь свой. —
Кто жъ замыслы исполнишь спрашны,
Чѣмъ міръ поработишь мнилъ весь?
Гдѣ блескъ? гдѣ звукъ? гдѣ пышны брашны?
Ты былъ — и нѣтъ: твой слухъ исчезъ!

Се громка Слава сильныхъ міра!
Се образецъ геройскихъ дѣлъ!
Во слѣдъ кроваваго ихъ пира
Чшо видимъ мы? — не груды ль шьль?
Не коспи ль на поляхъ смердящи?
Не запусънье ль — нуждъ всѣхъ машь? —
Ахъ! можно ли споль злы губящи
Правдиво Славою назвашь?

Но и хранящій спроги нравы,
Угрюмый доблестію мужъ,
Не опрѣвай совсѣмъ чувствъ Славы
И ты опъ любочесныхъ душъ.
Всѣмъ смершнымъ славолюбье сродно,
Различенъ пушь лишь и предметъ:
И въ бочкѣ Циникъ благородно
Велѣль Царю не шмишь свой свѣшь.

Тому мила чрезъ шо извѣснось,
Тошъ мнишь инымъ бышь имянишь;
Но пользъ шворцу чрезъ кропосъ, чеснось,
Звучнѣй всѣхъ плескъ принадлежишь.
Ощецъ семействъ, законодашель,
Забрало опъ шашей, коварствъ,
Сохи, серпа изобрѣшашель, —
Бича славнѣй по правдѣ царствъ.

Возьмемъ же, въ прошивоположнось
Тирану, добраго Царя,
Всю истощившаго возмжнось,
Блаженство подданныхъ швора.

Не зримъ ли Генія въ немъ Неба
Блещяща радуги лучомъ,
Въ шомъ — мрачна демона Эреба?
Тошъ сыплешъ свѣшъ, — сей вержешъ громъ.

Гнусна убійць народовъ слава.
Я шихой дорожу молвой:
Той — месши нѣдришся оправа,
Сей — засѣваешся покой.
Подрывъ и вражью съ шрескомъ граду
Не радуешъ души моей;
Сшихъ добрыхъ душъ одинъ въ награду
Жмешъ сладки слезы изъ очей.

Какой воспоргъ души блаженной!
Какая слава, вѣчна чесшь,
Какъ храмъ, для бѣдныхъ учрежденной,
Придешъ, гдѣ воспишанье, зрѣшь,
И въ скорбяхъ сущихъ врачеванье!
Тушъ Царь — опецъ, Царица — машъ.
Умъ можешъ скишпровъ шамъ спяжанье,
Здѣсь будешъ сердце одобряшь.

Но если больше обоженна
Гдѣ Слава долженснвуешъ бышь,
То въ образъ щипа священна,
Кшо лавромъ могъ себя покрышь,
Во оборонъ лишь опчизны
Вѣнчаешъ Славою война. —
Могилы въ жершвенники призны
Преобращаешъ намъ она.

Такъ, доблестъ шокмо превосходна
Должна по правдѣ славной бытъ;
Благошворишеля народна
Долгъ сердцемъ и усшами чшипъ.
Се солнце Творческой державы
Вьщаешъ силу безднѣ сквозь шму:
»Богъ благъ, — одинъ Онъ Царь естъ славы,
И вся поклонишся Ему.«

XLI.

Я В Л Е Н І Е.

Лежалъ я на шравномъ коврѣ, зеленомъ,
На берегу шумящаго ручья,
Подъ шъиносвѣсисшымъ, лаплишнымъ кленомъ;
Ошъ зноя не пеклася грудь моя,
И мня о сихъ, о шѣхъ дѣлахъ ошчизны,
Я въ сладосшномъ уныніи дремалъ,
Припомня все, что прешерпѣлъ въ сей жизни,
Хошя и правъ бывалъ.

И се, съ спраны изъ роши вылешаешъ
Жена мнѣ юна солнечной красы!
Какъ снѣгъ, шончица бѣла обвиваешъ
Ея орѣхокурчапы власы;
Съ очей ея блестяща опливалась

Ээира чистаго лазурна даль;
Среди ланишь лилейныхъ расширялась
Заря, сквозясь въ кристаль;

Вкругъ успъ ея видна была червленихъ
Усмѣшка, ласка искренней любви;
Блисшали капли росъ съ рѣсницъ чупъ смежныхъ;
Въ очахъ щедроша, тихій нравъ въ крови,
Показывали мнѣ ее въ печали. —
Я зрѣлъ, иль мнилъ такъ бытъ въ мечтаньи ей.
Но кшо блаженнѣе, кого видали,
Какъ я мечшой былъ сей?

Возспалъ, — и къ ней объясъя просшираю;
Она же опъ меня уходишь прочь!
Я блѣдность на лицъ ея вспрѣчаю;
Она померкла шакъ какъ лунна ночь;
Но съ чувспвомъ на меня взглянувъ усердно,
Взоръ важный и глубокомудрый свой
Съ десницею взведя на небо звѣздно,
Исчезла предо мной!

«Гряди въ свой пушь,» я рекъ: «небесъ явленье!
Гряди, — довольно я позналъ шебя,
И ясно все швое мнѣ мановенье!
Я понялъ, какъ впередъ веспи себя:
Не споишь хвалъ, любви, но паче слезно
Само-блещаще на землѣ жишье;
Но шамъ, но шамъ съ шобой цвѣшешъ любезно
Ошечешво мое!»

XLII.

ПРЕДВѢСТІЕ.

О вечерающе свѣшило!
Любезный, но багровый лучь!
Что, солнце, тихо такъ, уныло
Ты сходишь въ лоно темныхъ шучь,
И мгlistымъ, попускилымъ злапомъ
Наводишь мракъ на свѣшлый день,
Печальнѣйшимъ швоимъ закашомъ
Всѣмъ разшилаешь гроба шень?

Вкругъ осѣньюща природа
Даетъ унылы мысли мнѣ;
Холодная съ кладбищъ погода
Разносишь хладъ по всей спранѣ;
Поля злашыя опушѣли;
Вдалъ шицы шянушя спруей;
Древа пожелкли, покраснѣли,
И предвѣщаюшъ рокъ всѣ злой.

Такъ, жребій всѣхъ гражданъ вселенной
Есть шопъ, чшобъ цвѣшъ и опцвѣшашъ,
И кровью шигръ ненасыщенной
Не можешъ въ вѣкъ не умирашъ.
Родимся мы, расшемъ и зрѣемъ;
Идемъ, идемъ, — куда, не знавъ;

Сьдѣемъ, спарѣемъ, дряхлѣемъ
И падаемъ въ ровъ или спремглавъ.

Такъ! шакъ! Кшо въспѣ, чшо дубъ корниспый
Еще сей долго проспоишь?
Перунъ ли на него огниспый
Падешъ, иль вихрь его сразишь?
Пустъ всей земли онъ шрепешанье
Принесъ, не нагибавъ чела;
Но рока злова скрежешанье
Придешъ — и будешъ онъ земля.

Ахъ, шакъ! — и розы молодыя,
Лилей, чшо предъ мной цвѣшущъ,
Ошъ зноя ли, иль спужи злыя,
Но свянущъ скоро, опадущъ;
Румянецъ, бѣлизна сопрешся
И разнесущся ихъ лиспы;
Пріятносшь, красота минешся. —
Увы! въ семъ свѣшъ все мечшы.

Повѣренна моихъ печалей
И общница моихъ ошрадъ!
Коль спали младоспи мы далѣй
И смерспи намъ серпы грозяшъ:
То крѣче дружбой мы спряжемся,
И шакъ скрѣпимъ свои сердца,
Чшо рушься мѣръ, — не ужаснемся,
Дождавшисъ нашихъ дней конца.

Конецъ респалища блиспаешъ

Сей жизни пальмою для шѣхъ,
Кого смиренье провождаетъ
Въ блаженну вѣчностъ для ушѣхъ.
Рука мы объ руку съ побою,
Хрисповой Вѣры подъ щипомъ,
Въ блестящихъ ризахъ бѣлизною
Въ невѣспникъ Ангеловъ войдемъ.

XLIII.

П Р О Б Л Е С К Ъ .

Хранишеля меня ты Ангела крылами,
О мысль безсмертія! пріостъняй,
Да въ нсмъ, какъ въ зеркалъ, души очами
Я будущихъ блаженствъ увижу рай;
Подобно пущникъ какъ сверхъ водъ, сквозь лѣсъ,
въ мракъ ноши,
Зришь проблескъ ошъ луны.

Коль не былъ гордъ и подлъ, и лишь изъ самолюбія
Пронырствомъ не пролѣзъ вельможъ я въ сонмъ,
Но съ малыхъ должностей всегда орудье
Былъ Бога и Царя, ихъ чшя законъ:
Се зрю, се зрю себя сѣдящимъ выше неба
Между Князей духовъ!

Когда грушилъ, вздыхалъ и проливалъ слезъ рѣки,

Чшо нравовъ простота и Вѣры лучъ
Въ вселенной погасаль, и человѣки
Творились злѣй звѣрей средь бранныхъ шучь:
Упѣшеннымъ себя въ Едемскихъ вижу кущахъ
Средь праошцевъ моихъ!

Коль сердцемъ кропockъ, шихъ, благолюбивъ душею,
Не шягосшенъ рабамъ, и добръ я былъ,
Доволенъ опческихъ полей землею,
И жапвой чуждой духъ мой не мушилъ:
Наслѣдіемъ себя взираю награжденна
Небеснаго Ошца!

Когда не Царскія желалъ, искалъ награды,
И мзды чьей за шруды, за подвигъ мой,
Но домогался лишь вездѣ единой правды,
Счишая жребій всѣхъ за жребій свой:
Насыщеннымъ себя я вижу правосудьемъ
Ошъ Испины свяшой!

Коль милоспивымъ всѣмъ былъ, щедрымъ, мило-
сердымъ
И бѣднымъ завсегда желалъ помочь;
Спыдился къ спраждущимъ глухимъ бышь, швер-
дымъ;
Сирошъ и вдовъ не гналъ ошъ дома прочь:
О диво! въ грозный день, въ судъ спрашнѣй, не-
умышнѣй,
Помилованнымъ зрюсь!

Когда былъ сердцемъ чистъ, чуждъ козней и ко-
варства,

Не ставилъ никому на ловъ съшей;

Но, искренной душой презря препяшства,

Невинныхъ въ вредъ себѣ спасалъ людей:

О восхищеніе! зрю Бога лучезарна

Къ себѣ лицомъ къ лицу!

Не изъ корысти колъ себѣ хвалы и славы,

Но изъ желанія лишь всѣмъ добра

Смиреньемъ укрощавъ враждебны нравы,

Судилъ, мирилъ, на сильныхъ мощь не зря:

О несказанна честь! — за мирошворство Божьимъ

Я сыномъ нареченъ!

Коль обносимымъ былъ и оклевешанъ лжами

За то, что истину и правду чпилъ;

Что Божьими блюдомъ, хранимъ судьбами

И ими весь мой вѣкъ поддержанъ былъ:

Весельемъ Ангельскимъ, небеснымъ наслаждаюсь

Въ бесѣдѣ я Святыхъ!

О радость! о воспоргъ! полико бышь блаженнымъ,

Что удостоишься взирашь Творца,

И свѣтомъ окружась Его священнымъ,

Въ чертогъ опочишь всѣхъ благъ Ошца,

Между своихъ друзей, родныхъ, поднесь что милы

Такъ сердцу моему!

О

Тогда-то шамъ, о шамъ! не здѣшне земно плѣнье,

Не приходящи сны мірскихъ поржествъ,

Но съ ликомъ душъ во вѣкъ Творцу хваленъе
На арфѣ возглаголю въ кругу Божесствъ,
И небо и земля, моря и преисподня
Послушають меня!

Давидъ, Іоасафъ тогда свои псалмиры
Мнѣ съ радостью дадутъ, — да въ нихъ бря-
цавъ,

Во гармоничные созвучны лиры
Сольюся Ангеловъ, самъ Ангелъ спавъ;
Въ безсмертномъ превишашъ я буду озаренъи,
Какъ ясный Божій лучъ!

Не оставляй же въ вѣкъ, не оставляй любезна,
О мысль безсмертія! меня всегда;
Будь спражъ средь поприща сего мяшежна,
И не кидай меня ты никогда;
Но шѣшь меня, покой пріятнымъ воображеньемъ
Ты будущихъ блаженствъ.

Хотя болѣзнь когда, хоть смершь мнѣ приразишь,
Не преспавай елей свой въ грудь мнѣ лишь,
И по послѣдній вздохъ въ умъ швердишься,
Что въ гробъ иду не умирашь, но жишь;
Тѣхъ вѣчныхъ благъ вкушашъ, что въ небѣ при-
готовилъ
Богъ любящимъ Его.

XLIV.

НА ОСВЯЩЕНІЕ

КАМЕННООСТРОВСКАГО

ИНВАЛИДНАГО ДОМА.

Воскликни, вдохновенна Богомъ,
Воскликни громку пѣснь, псалмырь,
И я святымъ пвоимъ воспоргомъ
Да приведу въ воспоргъ весь міръ,

И ревность разожжетъ духовна
Благочеспивыя сердца;
Какъ дымъ съ кадила благовонна,
Молишва взыдетъ предъ Творца.

Передъ Творца! — и Ты съ святыя,
О Творче! выши въ сей храмъ
Воззри: се Павелъ и Марія
Тебѣ приносятъ еиміамъ!

Въ угодну жерпву не кассію,
Не смирну, не ливанъ прими,
Но щедришь и хранишь Россію —
Объшь ихъ чиспыхъ душъ вонми.

Вонми, и виждь: се показали
Они сердець Ихъ благоспъ намъ;

Покой служившимъ воямъ дали
И сей Тебъ опверзли храмъ.

Колико вздоховъ, капель слезныхъ
Я вижу съ радоспныхъ очей,
Продли Ты Имъ споль дней любезныхъ
Средь добродѣтели лучей!

Да Павлово одно воззрѣнье,
Какъ огонь изъ тучъ, враговъ сразишь;
Языковъ многихъ покоренье
Вселенной буря возвѣспишь;

А крошкою душой Марія,
Улыбкой нѣжною Своей,
Наложись цѣпи золошья
На шмы подвласпныхъ Ей людей,

И процвѣшешь, какъ вѣшвъ Эдема
Въ минувшій годъ, Она плодомъ;
Еще носипеля дасъ шлема,
И дщерьми Свой украсишь Домъ.

Рука Твоя на нихъ почишь;
Сойдешъ Твоя къ нимъ благодашь;
Предъ ними счастье предъидешъ,
И будешъ слава ихъ вѣнчашъ.

Посѣянны Петромъ съ начала
Блишпашельны Россіи дни,

Екатерина что собирала,
Положашъ въ житницу они;

Положашъ, сохраняшъ, прибавяшъ
Ихъ свѣшлые плоды собой;
Попомспву въ образецъ оставяшъ
И Ихъ и Твой законъ свяшой.

А Ты, изъ свѣшлости подзвѣздной,
Ошъ Нихъ Твой взоръ не отвращай;
Храни во вѣкъ Ихъ Домъ любезной;
Россію милуй и спасай!

XLV.

НА ОСВЯЩЕНІЕ ХРАМА

КАЗАНСКІЯ БОГОРОДИЦЫ,

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Ужъ не Ѡавора ль (*) я на рамъ
По ребрамъ свѣшлыхъ шучь хожу?
Иль Соломона въ дивномъ храмъ
Вкругъ изумленный взоръ вожу
По злапу, по мусій, порфирамъ,
И къ звонкимъ Сіоншъ (**) псалширямъ

(*) Гора. — (**) Синайскія, или духовныя Музы.

Клоню вперенны ушеса?
Воспоргъ всѣ наполняешъ чувсшва:
Богашсшво, красошу искуссшва,
Ошверсшы вижу небеса!

Ни бурь, ни морь, ни громовъ рева
Не внемлешъ, благовѣя, міръ.
Чшо се? — Свяшыхъ въ Свяшая Дѣва
Восходишъ, въ слѣдъ спруя ээирь!
Глава увѣчанна звѣздами,
Луна блиспаешъ подъ ногами;
Какъ солнце, ясенъ взглядъ и шихъ;
Одѣша неба омофоромъ,
Предспала предъ Всевидца взоромъ,
И — слышу, свыше Дѣвы, ликъ:

»О вѣчный, Трисвятый

И непосшижнѣйшій Сый!
Вселенну наполняй
И обипай въ храмахъ
Тобой живыхъ сердець!
Воззри на оны сонмы,
На чистый ѳиміамъ,
Тебѣ опъ нихъ курымый,
И на Царя, колѣна
Преклонша предъ Тобой,
Кошорый храмъ сей создалъ
Въ земну обипель мнѣ;
И будь благопріятель
Народу и Ему,

Какъ въ миръ, такъ и въ брани,
Чтобъ угождалъ Тебѣ.

И се, въ подобьи голубинъ,
Свѣтъ милый, радостный очамъ,
По синей низмешалъ равнинъ,
Какъ алыхъ зарь опливъ, на храмъ!
Не Духъ ли ты Святый съ горъ звѣздныхъ
Нисшелъ на домъ молитвы вѣрныхъ
Для проявленія чудесъ?
О, знаменіе непоспихно!
Россія будешь неподвижно
Подъ кровомъ цвѣствъ благихъ Небесъ?

Такъ, если силой теплой вѣры
Мы и невидимое зримъ:
Мой духъ сквозь недоспихны сферы,
Какъ огнекрылый Серафимъ,
Паришь въ обитель душъ блаженныхъ,
И въ чувствахъ тонкихъ, безмяшежныхъ,
Молитвы слышишь ихъ за насъ.
Передъ судьбъ святымъ ковчегомъ
Давидъ по струнамъ персцовъ бѣгомъ
Отъ гуслей льетъ сладчайшій гласъ:

»О Боже! что есть тварь,
Какъ бранный человекъ?
Дни въ суетѣ проводишь,
И, цвѣшь какъ, увядаешь:
Но помнишь Ты его,
И только оплечаешь

Опъ Ангелъ мало шѣмъ,
Что мракъ земной онъ долженъ
Пройши-спезею шернѣя,
И въ Твой одѣшься свѣтъ. —
Пошли жъ на шо Ты силы
Народу и Царю,
Кой въ храмъ прибѣгаетъ
Семъ съ вѣрою къ Тебѣ:
Да благоспѣю носишь
Твой образъ на земли?»

XLVI.

НА ДОМОВУЮ ЦЕРКОВЬ

КНЯЗЯ А. Н. ГОЛИЩЫНА.

Суешь мірскихъ во удаленьи,
Во сумракъ и тишинѣ,
Лишь солнца ярка въ озареньи
Молебный храмъ открылся мнѣ.
Ликъ Ангельскій доходишь слуху;
Небесну манну въ пищу духу
Мнѣ каплетъ съ вышины Сіонъ.
Что се! — не свѣшла ль стѣна Оавора,
Иль храмина шѣхъ лицъ собора,
На челахъ чьихъ сіялъ огонь?
Иль первой Христіанъ шо церкви

Укровъ благочестивыхъ душъ,
Гдѣ съ псалмами свершалъ вшай жертвы
Носившій въ сердце Бога мужъ? —
Ущелья, мраки подземельны
Ему казались рощи сельны,
И окрестъ бури — шишиной.
Голицынъ! Вѣтра движетъ холмы,
Спасаетъ, отвращаетъ громы
Ошъ царствъ единою слезой.

Блаженъ, кто можетъ въ ней
Свои утѣхи находить,
Быть здашелемъ церквей
И души жизнию поить,
Сводя на землю небеса!
Се блескъ! се слава! се краса!

XLVII.

ЦѢЛЕНІЕ САУЛА.

Саулъ, Сіона Царь, сынъ Кисовъ, волю Бога,
Взгордясъ, презрѣлъ: шѣмъ власъ Его унижилъ.

Господь, средь гнѣва яра, строга,
Блестящее лице съ Саула отвращилъ,

И рекъ: »Поди, злой духъ, круши его!«
Глаголомъ симъ воспрепешали бездны;

Сквозь пропасти подземны,
Со огненна одра, покоя своего,
Возспала злая месь, и идешь на Саула.
Пукъ люшыхъ спрьль на ней за плечьми среди
шула,
Вися, гремишь, какъ громъ вдали, — и передъ ней
Ошверзлись ржавыя со скрипомъ ада двери,
Изъ коихъ зависли и злобы блѣдны дщери:
Боязнь, и грусь, и скорбь, и скука, и шоска,
Змѣисныхъ ключья власъ вкругъ ней, какъ облака,
Пустивъ на въпръ, лешашъ въ призракахъ чер-
нымъ роемъ:
Тъ съ скрежешомъ зубовъ, шъ съ хохомъ, шъ
съ воємъ,
Какъ враны, волки какъ на шрупъ съ лѣсовъ,
— спеней
Спадами гладными на казнь бѣгущъ Цареву.

Средь крику ихъ и реву
Унынье дикое, безмолвно, шяжело,
Гуспой подобно мгль — на грудь, на очи, на чело,
На духъ пресшупника, на сердце налегло,
Огнемъ всю внутренность, шоской смершельно
жгло,
И ночь и день его, шерзая, угнешало,
Мечтами ужасало.
Почувшшвовалъ, почувъ
Еговы гнѣвъ Саулъ.

Веселья опъ него повсюду удалились,
И ушучняющій спорхнулъ опъ въждей сонъ;
По ссохшимся щекамъ попоки слезъ капились —

И былъ какъ пѣнь, какъ основъ онъ.
Въ размученномъ такомъ, превожномъ соспоянн
Друзья вокругъ его во плачь, во спенанн
Выщающъ, что пастухъ, по имени Давидъ,
Болѣзни тяжкія бряцаньемъ спрунъ цѣлишъ;
Что арфы громкіе и пихозвучны шоны
Волшебствомъ нѣкакимъ обворожаютъ слухъ,
Покаяшъ, веселяшъ, лелѣющъ, нѣжатъ духъ
И прогоняющъ грусть, задумчивость и споны,
И, словомъ, мочной что гармонн сладка власн
Удобна исцѣляшъ болѣзнь и всяку спрасн.

Поспѣшно повелѣлъ заващ сына Іессея.

Пѣвецъ пришелъ и хоръ съ нимъ предъ него,
И — зря, что на одрѣ Царь, взоромъ пламенья,
Лежишъ и день клянешъ рожденья своего, —
Съ созвучностію спрунъ, касаясь чущъ ушесъ,
Двугласну пихо пѣснь вознесъ:

«О Боже! поспѣши
Сердечный вняшъ мой гласъ:
Скорбь Царску упиши,
Ошри попоки съ глазъ,
И просвѣши Твое лице
На блещущемъ его вѣнцѣ.

«Виждь, стрѣлы, Судія,
Твои его разяшъ;
Какъ люшая змія,
Люшъ во сердце ядъ.
О Боже! поспѣши,
Скорбь Царску упиши.» —

Внимаешь пѣснь Монархъ; но сила звуковъ, словъ
Такъ опъ него скользитъ, какъ лучъ опъ холма
Льдяна;
Снѣдаешь грусть его, мысль черная, печальна.
Пѣвецъ по зришь — и, взявъ другихъ спрой го-
лосовъ,
Поешь ужъ хоромъ всѣмъ, но сонно, полупонно,
Смяшеную шаршара, душъ смященной сходно:

»На пустыхъ висошахъ, на зыбяхъ Божій духъ
Искони до вѣковъ въ тихой тмѣ возносился,
Какъ орелъ надъ яйцомъ, надъ зародышемъ вокругъ
Тварей всѣхъ теплошой, шакъ крылами гнѣздилися.
Огнь, земля и вода, и весь воздухъ въ борьбѣ
Межъ собой, внутрь и внѣ, непрестанно сражались,
И лишь жизнь тѣмъ они всѣмъ являли въ себѣ,
Чпо шамъ спукъ, а шамъ прескъ, а шамъ блескъ
прорывались;
Громъ на громъ въ вышинѣ, гулъ на гулъ въ глубинѣ,
Какъ кашясь, какъ врапясь, даль и близъ оглушали;
Бездны безднѣ, хляби хлябъ, колебавъ въ шипинѣ
Безъ устройствъ естество, ужасъ, мракъ пред-
схавляли.« —

Подъ томной пѣснью сей Царя шягчайшій сонъ
Давилъ, чпо больше мершвъ, чѣмъ живъ казался онъ.
Былъ сходенъ хаосу, въ сонъ вѣчный погруженну,
Въ себѣ самомъ смященну.

Но гласъ взгремѣлъ:
Сшихіевъ бездны раздѣлились;
Огнь съ воздухомъ на висошу взлешѣлъ,

Земля съ водою внизъ спустились:
Бысть свѣтъ! Чертежъ, въ умѣ Творца предвѣчно изложенный,
Напечатався всей природы на роскахъ,
На скрытыхъ сѣменахъ.
Всѣхъ думъ Его ошвѣтъ,
Ошъ слова образъ взявъ, спалъ видъ одушевленный,
И въ родъ всяка шварь своемъ,
Къ чему назначенна, явилась точно шѣмъ.
Какъ искра, ошъ кремня и изъ спали вспрынувъ,
Такъ солнце излилось изъ мрака, возблеснувъ.
«Прекрасное Свѣтило
Грядешъ среди небесъ!
Величїе открыло
Тмы Божескихъ чудесъ.
Въ слѣды его смотря,
Румянилась заря;
Въ безмолвномъ ушра мракъ
Сїяешъ Орїонъ,
Но звѣздъ Царя при зракъ
Блѣднѣшъ, меркнешъ онъ.
На Сѣверѣ въ полнощи льешъ
Свой Аркшусъ яркій свѣтъ.
«И ты, о милая лампада,
Луна!» шакъ воспѣвалъ пасхухъ:
«Средь звѣздъ въ дали блестяща спада
Свой тихо совершаешъ кругъ.
Сумрачны шучи удивились
Задумчивой красѣ швоей,

Когда края ихъ посребрились
Отъ свѣшлости своихъ лучей,
И ты царицей ночи спала —
Оспоривая день, блистала.

»Такъ шмы планешь, въ молчаньи, пушь
Проходяшь свой благоговѣно
Спряжяще неопложный прудъ
Къ мѣстѣ всеобщей, спройно, вѣрно.
О коль сей дивенъ тихогромъ (*)
И льешь гармонію какую!
Какъ свѣшлыхъ Серафимовъ сонмъ
Крылами пѣснь на немъ свящую,
Порхавъ, по сферамъ издающъ;
Созвучно всѣ Творца поющъ.
Воскликни хоръ, воскликни вдругъ,
И ты Творца, съ шмой звѣздъ согласно,
Пой съ Серафимы велегласно;
И ты, Его шворенье рукъ,
Веселой, шрепешной душой
Хвалу Его любовью пой!» —

Въ безчувствіи глухомъ лежащаго Владыку
Проникнулъ сладкій шумъ сего священна лику.
Оцѣпенѣлый взоръ вкругъ дико водишь онъ,
И чудесамъ небесъ дивишься, мыслей полнъ.

Но ново пѣніе возспало,
И вновь Царя слухъ обуяло:
Онъ слышишь, Океанъ, возспавъ, съ чель звѣздъ
пошекъ,

(*) Фортепіано.

Шумяще, въ свой предѣлъ, во глубины безмѣрны;
Возникли горъ хребты мгновенно изъ средь бездны,
И межъ себя пупи отверзли бѣгу рѣкъ;
А шамъ, нагнувшись, скалы крупы, кремнисы
Низвергнули съ себя журчащій, чистый ключъ,
Кошорый, какъ жемчугъ пересыпаясь чистый,
Кашишь по муравъ пошокъ свой въ поншь зыбучь.

»Виждь, песпрѣшь спадомъ холмъ:

Агнцы по лугамъ рѣзвяшся;
Тонкимъ скрышы облачкомъ,
Пѣсни жавронковъ гласяшся;
А какъ солнца лучъ багряный
Загорихся средь ручья,
Опадающя рощи дальны
Свиспомъ громкимъ соловья.
Съ неба Ангели нисходяшъ,
Пѣсни Ангельски поя,
И блаженство ихъ низводяшъ
Въ шѣни злчныя Рая.
Миръ ликуешъ и спокойство,
Подъ смоковницей сидя,
Цвѣшь вдругъ, запахъ и довольство
Къ ихъ желаніямъ ведя.
Непорочность и веселья
Рука объ руку идушъ;
Тамъ не знаюшъ лицемѣрья,
А всѣ въ радости живушъ.
Будь, чеша благословенна!
Вѣкъ невинностью сопряженна;
Ублажайся счастьемъ вновь,

Чистая сердцець любовь! —

Хоръ смолкъ. Монархъ челомъ своимъ съ одра скло-
нился,

И, благовѣнья полнъ, во помыслахъ молился.

Толикихъ множествъ Создашело чудесь.

Но злобы духъ въ немъ вновь воскресъ,
И чернымъ жегъ огнемъ его съ сугубой силой
Царь бьещъ себя во грудь съ душой унылой:

Почто веселье и покой,

Рекъ, въ хижинахъ живушъ, а домъ забыли мой!

«Быстрые гласы, пекише:

Духа печальна будише,

Коль не почувствуешь самъ,

Грѣхъ что его ешь пиранъ.» —

Сшени и жалуйся, о арфа! скорбнымъ пономъ,
Сшени и наполний весь свѣтъ его урономъ.

Несешся, слышу, вопль, и сшонъ, и плачь, и вой!

Какое зрѣлище я вижу предъ собой!

Увы! напрасны сушь швои ужъ слезъ попоки,

Пресупная чета? шы пала въ грѣхъ жестокий.

Съ невинностью швоей веселость прошекла,

Смерть косу на тебя, яряся, занесла,

И Херувима мечъ огнемъ вокругъ сверкаетъ;

Опчаянье въ очахъ вездъ тебя пужаетъ:

Возненавиженна сама собою спавъ,

Куда сокроешься, себя собой шерзавъ?

Несчастливая чета, оставленная Богомъ!

Въ лѣсахъ ли будешь жить, съ звѣрьми подъ листь-
евъ кровомъ? —

Но ты жалка, швое плачевно состоянье!
Подвиглись небеса, всѣ Ангели въ рыданье;
Долъ плачешъ, плачешъ холмъ, гуль вкругъ швер-
дишъ: увы!

О, коль несчастливы, сердца порочны, вы!

«Быспрые гласы, шекище:

Души преспуны разише,

Правдъ не познаюшъ коль сихъ,

Чшо грѣхъ мучишель есть ихъ.» —

Кичливу грудь Царя и спрахъ и спыдъ буншуюшъ,
Въ надменномъ гнѣвъ лицъ и злоспъ изобразуюшъ:
Кровавы, выпуклы глаза его свирѣпо зряшъ.

Но юноша хошъ шо и примѣчаешъ,

Безъ робоспи играешъ —

Ланишы правдою горяшъ —

И смошришъ шакъ на злоспъ ширана онъ спокойно,

Какъ добродѣтели смошрѣшъ на злобу сродно.

Подъ взоромъ блещущимъ въ слѣдъ скачущимъ пер-
спамъ

По арфѣ огонь бѣжишъ, сверкая по спрунамъ,

И, возбуждаючи высоки, спрашны поны,

Грѣхъ въ бѣдспвѣи поешъ, и казнь его и споны:

«Громы въ громы ударяюшъ;

Гуль за гулами ревешъ;

Смершъ и ужасы лешаюшъ;

Молнія вселенну жжешъ;

Бездны разверзаюшъ зѣвы;

— Богъ преспуниковъ казнишъ.

Князь и Царь, рабы Царевы,

Кшо опъ Бога убъжишъ?

Родъ Іаковль! веси, грады,

Брось и кущи ты свои:

Ты умрешъ — и нѣтъ пощады

За злодѣйствія твои.

Ты умрешъ — и я ужь внемлю

Шумъ вокругъ небесныхъ сирѣль;

Трупы смрачны кроюшъ землю

И Солима пусшъ предѣль. —

Внемли! се крикъ и вопль изъ бездны выникаешъ;

Се слабо до ушей доходишъ онъ моихъ;

Се тише опчасу, все тише, — исчезаетъ;

Погибли навсегда хулители Господни,

Землей поглощены, низверглись въ преисподни,

Пропалъ ихъ слѣдъ —

И слуху нѣтъ.

Но, ахъ! возмогушъ ли мои плачевны сируны

Тѣ живо описать и молнии и перуны,

Какіе Праведный опредѣлилъ Судья

Въ казнь вѣчную злодѣямъ. — Увы! ужь вижу я:

«Грядешъ, грядешъ свирѣпо мщенье

Вкругъ въ бурю, въ мракъ облечено.

Низвергнуло скалы прясенье;

Поншъ, небо въ кровь превращено;

Міръ дрогнешъ, вѣешъ знамя гнѣва.

Возспанъ, хлябъ водъ, возспанъ —

Гласъ рекъ — и изъ твоихъ безднъ чрева

Попопомъ съ неба шумнымъ грянь,

И погреби въ волнахъ вселенну,
Нечесшьемъ, злобой оскверненну:
Пусть знаешь свѣшъ мой правый судъ,
Изъ сна грѣховъ себя возбудишь.
Возстань! да воды не придущъ
Въ свой паки одръ почишь покойно,
Но да спремяшся всюду грозно,
Поколь заклеповъ не прорвущъ,
Сквозъ горъ камнистыхъ не пройдушь,
И сушей Океанъ не будешь.

«Съ гласу Господня
Въ мигъ преисподня
И звѣзда хлябъ водъ
На землю печешъ.
Море волнами,
Небо дождями
Шумишь и ревешъ,
Миръ попишь и жрешъ.»
Богъ правъ, и судъ Его есть правда,
И праха сынъ всегда зръшь слабъ ея лучи.
Ненависъ съ зависью покрыва ярыхъ волнъ
Громада;
Тамъ сасполобіе, шамъ роскошь, мракъ пыочи,
Съ разврапомъ, съ лѣноспью погрязи безднъ въ
спремленьи,
И щещно о своемъ мняшь смершныя спасеньи.

«Скаль прорванъ сводъ;
Вспаль къ небу поишь;

Нынь больше въ споръ
Съ берегами волнь;
На морь море
Кидаешъ чолнь
По всей вселенной
Опущенной.

»Но гласы, пламенья,
Возвысьшися пѣвцовъ!
Воскликни, хоръ, живье,
Спокойныхъ пасуховъ,
Чтобъ огненныя спрьлы
Спрунь ихъ и пѣсней вдругъ
Пронзали онѣмълы
Цареву грудь и духъ,
И онъ бы, правды самъ спавъ зришель,
Позналъ, что грѣхъ его мучишель.»

Межь шѣмъ, какъ пѣль, Давидъ шакъ пѣснь, вос-
шорга полнь,
И сильный арфы гласъ чершожны двигалъ спѣны;
Саулъ въ опчаяны, пуская дикій спонъ,
Зубами скрежешалъ, шерзалъ власы смященны
И рдѣлъ въ жару какъ уголь, и мерзъ въ хладу какъ
ледь;
По блѣдному лицу кашился градомъ попъ,
И съ пѣною изъ успъ клубилася желчь черна.
Въ несповспѣвъ его, схвативъ рука кинжалъ,
Взнесла на грудь свою; но бывъ оспановленна
Ошъ сущихъ близъ его, вдругъ оспрый сей мешалъ
Повергла на Давида. — Давидъ ошпоронился,

И дѣйствующій зря
Спрахъ Божій на Царя,
И что спасенъ былъ самъ, воспоргомъ оживился,
И спалъ пріятно съ спрунъ, какъ въперокъ, ды-
пашь,
По малу духъ Царя къ спокойству пріучашь;
Но щещнымъ зря и то, что скорбь хощя шѣ-
лесну
И рану облегчиль возможно намъ извѣстну;
Но слабы всѣ бальзамы супъ
Цѣлишь и ушояшь душевную въ насъ грусть,
Сердечны скрыты раны,
Терзающія тайны, —
»Приди жь, раскаянье,« онъ рекъ: »скорѣй съ не-
бесъ,
О ты, что тусклый взоръ возводишь къ мило-
сердыю
И полно чувствъ живыхъ судебъ колеблешь твердыю!
Приди, къ святынѣ вождь, въ лицѣ печали, слезъ,
И милость приведи Творца со умиленьемъ,
Чтобъ сердце Царское предъ нимъ съ благоговѣньемъ
Содѣлалось шобой способнымъ къ чувству благъ,
И ошъ него бѣ ушли уныніе и спрахъ.
Раскаянье приходишь:
Внемли его, Монархъ!
Оно покой приводитъ
И сладость во слезахъ;
Печаль имъ радостью бываетъ,
Коль все желанье обихаетъ
И мысль швоя на небесахъ:
Оно къ блаженству первый шагъ.

И се раскаянье уже прогнало яросшь.
Царь сморишь на кинжалъ, являя прелесть,
Любовь, нежность въ доверьи жалость,
И тихій на пѣвцовъ кидаетъ съ вздохомъ взглядъ.
Звницы, пламенно вращаясь, не горятъ,
Въ кошорыхъ передъ симъ опчаянность грозила:
Небесная печаль грусть ада зашумела.

«О! какъ милость есть любезна!
Всѣхъ она славный доброшь!
Плачетъ Царь — и спруйка слезна
По ланишь его льетъ.
Ее Ангелъ принимаетъ,
Не пущя упасъ во шму,
Милосердыю посвящаетъ:
Жертвъ пріятный всѣхъ ему.»

Еще, еще, — но, ахъ! болѣзнь приходишь снова:
Біенье сердца, грусть видна въ очахъ Царя сурова.
Возвысьте, паспыри, вашъ выпрениѣ гласъ,
Покудова недугъ въ немъ въ корнѣ не погасъ,
Поколь обильный шокъ съ очей не успремился,
И мукъ съ души его яремъ не низложился.

«Всемогущій! пріими
Вздохъ раскаянья Царева;
Искушенія изми,
И надежду среди гнѣва
Брось ему Твоимъ лучемъ,
Чшобъ онъ, сердца сокрушенье

Слезъ изливъ Тебъ дождемъ,
Зрѣль въ Тебъ свое цѣленье.
Спустишь теперь въ юдолю съ холмовъ, парящій
хоръ
И къ пѣню вышнему не напрягайшесь струны:
Тріумфъ явили свой гармоніи перуны;
Монархъ ихъ чувствуетъ, его свѣплѣетъ взоръ,
Ланишы блѣдныя румянятся зарею, —
Блаженъ! ужъ онъ него бѣжишь унынье прочь;
Не мучишься уже онъ совѣстью своею.
Раскаянной душъ спѣшишь Самъ Богъ помочь,
И черна скорбь къ нему ужъ вспяшь не возвра-
пишься.

Пѣснь ваша, паспыри, ему да усладишься,
И арфы тихія пріятный сердцу звукъ
Надеждою Небесъ его да пѣшаютъ духъ:
Забавы сельскія, невинность и свобода!
Да обольстишь его вашъ пѣніемъ предѣлъ,
Чтобъ гордость позабылъ, чтобъ нравилась сво-
бода,
И онъ богачеству бы спокойство предпочелъ.

»Поля, лѣса, пустыни дики,
Сквозь дебрь журчащіе ручьи,
Паспушы громки слышые клики,
Поющи свѣплы дни свои.

»Межъ скалъ онъ рѣзвыхъ спадъ брыканья
Хохочетъ эхо вокругъ его,
И онъ, священна полнъ вниманья,
То зришь, другой не зришь чего.

«Подъ шихія вечерни сѣни,
Идешь къ нему покой съ небесъ;
Любовь, невинность въ восхищеньи
Въ цвѣсахъ сидяшь съ нимъ межъ древесъ;
«Вокругъ чела его довольна
Звѣздъ зришься блескъ, льешь съ ризы свѣтъ;
Вся жизнь его покова пальмъ доспойна,
Шалашъ его — покой даешь.
«Да въ вѣкъ, о Ангелъ! ощущаешь
Твою бесѣду грудь моя:
Спѣшь, зависть при Дворахъ блистаешь;
Паспущья — хижина швоя.» —

«Тише, о пѣсни, шеперь вы звучите;
Скорбному духу дремошу внушите;
Лей на него свой аромакъ, сонъ, вкругъ;
Сладко спокойство, лелѣй его духъ!»

Слешайте на него, о воины небесны!
Сспрегуши Божій градъ, и маніемъ своимъ его
Владѣющіе сномъ, чѣмъ вы, мечшы прелесны,
Грядуща время видъ являете шого,
Гдѣ пригошвлена душамъ благимъ награда,
А злобы извергамъ грозящи спрахы ада,
Слешите, и его восхища духъ съ собой,
Предспавя передъ нимъ небесный садъ, злашой,
Къ превыспренности шой внесите свѣтлой, звѣзд-
ной,
Гдѣ о безмершьи лишь звучишь безмершній хоръ;
Гдѣ, кромъ радости, ничшо не сущесшвуешь,
И новой вѣчношью жизнь вѣчна шоржесшвуешь.

»Арфъ своихъ пономъ,
Божественнымъ звономъ
Спрясишь съ него
Скорбь люшу его;
Плачь будешь въ радосшь,
Споишь его въ сладосшь.»

И се уже его гармонія живишь:—
Пошомокъ сладкихъ слезъ кропишь оправднй видъ;
Бъжишь уныніе, проходишь безпокойство.
Согласье новое, яви швое устройтво.

»Греми спрунь новый громъ
Созвучно съ голосами,
Подвигни небесами,
Кличь радосшь въ Царскій домъ.»

Какая сильна помощь помишь души волненье?
Какая возбуждашь въ ней можешь бурню спрасшь?
Твое, гармонія, волшебное велѣнье
И надъ природой всей швоя чудесна власшь.

Ты, дщерь небесь!
Вселенной зримой сей съ шѣхъ поръ извѣсна спала,
Какъ съ шрона вѣчнаго Премудросшь гласъ сниз-

слала,
Копорый міръ вознесъ.

Явилась ты, — и швердь усѣялась звѣздами,
По звуку швоему пошекъ сей краснй, свѣшлый
спрой!

Полкъ Ангельскъ, поразаь согласіемъ его, красой,

»Великъ,« воспѣлъ: »великъ Творецъ нашъ чуде-
сами?»

И въ изумленіи съ пѣхъ поръ съ высошъ глядишь
На сей лучисшый сонмъ, въ его зарся шокъ,

И совокупно съ нимъ масишь
Пѣснь первую звѣзды, возникшей на Воспокъ,
Копору сферы всѣ и вблизи и вдаль швердящъ
Едиными ушны: »Осанна! свящъ, свящъ, свящъ!« —

XLVIII.

ПРАВОСУДИЕ.

И такъ стоишь ты швердо въ шомъ,
Что мершвые, что съ нами жили
И въ жизни сей несышымъ ршомъ
Благъ чашу незаконно пили,
По смерши могушь избѣжашъ,
Чтобы предъ Божій судъ не спашъ?

Нѣшъ! Знай, что Правосудья око,
Хошь бодршвуешъ межъ звѣздъ высоко,
Но ошъ небесъ и въ бездны зришь:
Тѣхъ милуешъ, а пѣхъ казнишь,
И здѣсь въ сей жизни скоршечной,
И шамъ, и шамъ, по смерши, въ вѣчной.

Двоякъ за мрачнымъ гробомъ пушь,

Которымъ злые и благіе
Предъ Вседержителя идушь.
О! вѣрно такъ. А если бъ злые
И добрые всѣ равну часть
Могли въ награду приниматьъ

И всѣхъ земное бѣ заключало
Ихъ нѣдро въ равну, вѣчну тму:
Ахъ! чшобы, человекъ, мѣшало
Тогда злодѣйству швоему?
Грабь, разорай, рѣжь, спавъ правдивость
Въ ничшо, и совѣсть и спыдливость:

Ты можешь все, вся шварь швоя....
Нѣшъ, спой! Есть Богъ, есть Вседержитель,
Живыхъ и мерпвыхъ есть Судья,
Есть нашихъ шайныхъ дѣлъ цѣнишель;
При имени Его одномъ
Трясешъ всю поднебесну громъ.

Боюся я Его прещенья;
Благоговѣю передъ Нимъ:
Изъ одного долгошерпѣнья
Онъ счастье, славу днямъ швоимъ
И продолженіе даруешъ.
Спрашисъ, когда вознегодуешъ!

XLIX.

НА СМЕРТЬ КН. МЕЩЕРСКАГО.

Глаголь временъ! мешалла звонъ!
Твой спрашный гласъ меня смущаетъ;
Зовешъ меня, зовешъ швой спонъ,
Зовешъ и къ гробу приближаетъ.
Едва увидѣлъ я сей свѣтъ,
Уже зубами смертъ скрежещетъ,
Какъ молніей, косою блещетъ,
И дни мои, какъ знакъ, съчешъ.

Ничто ошъ роковыхъ когшей,
Ни кая шварь не убѣгаетъ:
Монархъ и узникъ — снѣдь червей;
Гробницы злосъ спихій снѣдаетъ;
Зілетъ время славу спертъ:
Какъ въ моръ льюшся быспры воды,
Такъ въ вѣчнось льюшся дни и годы;
Глошаетъ царства алчна смертъ.

Скользимъ мы бездны на краю,
Въ кошорую спремглавъ свалимся;
Пріемлемъ съ жизнью смертъ свою;
На шо, чшобъ умерешъ, родимся;
Безъ жалосши все смертъ разитъ:
И звѣзды ею сокрушашся,
И солнцы ею попушашся,
И всѣмъ мірамъ она грозитъ.

Не мнишь лишь смертный умирашь
И бышь себя онъ вѣчнымъ чаешь;
Приходишь смерть къ нему, какъ шашь,
И жизнь внезапно похищаешь.
Увы! гдѣ меньше страха намъ,
Тамъ можешь смерть посичь скорѣе;
Ея и громы не быспрѣе
Слешаюшъ къ гордымъ вышинамъ.
Сынъ роскоши, прохлада и нѣгъ,
Куда, Мещерскій! ты сокрылся?
Оспавиль ты сей жизни брегъ;
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился:
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣ жъ онъ? — онъ тамъ. — Гдѣ тамъ? — не знаемъ.
Мы только плачемъ и взываемъ:
«О, горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!»

Ушѣхи, радость и любовь
Гдѣ купно съ здравіемъ блиспали,
У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь
И духъ мящется опъ печали;
Гдѣ споль былъ яшвъ, тамъ гробъ споишъ;
Гдѣ пиршесствъ раздавались лики,
Надгробные тамъ воюшъ клики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядишъ.

Глядишъ на всѣхъ, — и на Царей,
Кому въ державу пѣсны міры;
Глядишъ на пышныхъ богачей,
Что въ златъ и сребръ кумиры;

Глядишь на прелесть и красы,
Глядишь на разумъ возвышенный,
Глядишь на силы дерзновенны,
И . . . почишь лезвее косы.

Смерть, прелесть естества и страхъ!
Мы — гордость, съ бѣдностью совмѣстна:
Сегодня Богъ, а завтра прахъ;
Сегодня льстивъ надежда лестна,
А завтра — гдѣ ты, человекъ?
Едва часы пропечь успѣли, —
Хаоса въ бездну улещли,
И весь, какъ сонъ, прошелъ свой вѣкъ.

Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
Исчезла и моя ужь младость;
Не сильно нѣжишь красоша,
Не сполько восхищаетъ радость,
Не сполько легкомыслень умъ,
Не сполько я благополучень;
Желаніемъ чешей размучень:
Зовешь, я слышу, славы шумъ.

Но такъ и мужество пройдетъ,
И вмѣстѣ къ славѣ съ нимъ стремленье;
Богатство спяжаніе минетъ
И въ сердцѣ всѣхъ спрасшей волненье,
Прейдешь, прейдешь въ чреду свою,
Подише, счасья, прочь, возможны!
Вы всѣ премѣнны здѣсь и ложны: —
Я въ дверяхъ вѣчности стою.

Сей день, иль завтра умерешь,
Перфильевъ! должно намъ конечно:
Почто жь перзапъся и скорбъшь,
Что смершнй другъ швой жилъ не вѣчно?
Жизнь ешъ Небесъ мгновенный даръ;
Устрой се себъ къ покою,
И съ чиспою швоей душою
Благословляй судьбъ ударъ.

L.

ГИМНЪ КРОТОСТИ.

Сіянъ радужныхъ небесъ!
Души чистѣйшее спокойство!
Блескъ шихихъ водъ! Едемъ очесъ!
О Крошосъ! ангельское свойство!
Ошливъ ошъ Бога Самаго!
Тебъ, шобою восхищенный,
Наспроиваю, вдохновенный,
Я спруны сердца моего.

Когда, среди усердна жара,
Другихъ шиповъ лирный звукъ
Царя земнаго полушара
Гремишъ, — и онъ изъ щедрыхъ рукъ
Имъ сыплешъ бисеръ многоцѣнный:

Его наградъ я не прошу;
Но послѣ всѣхъ, лепшѣ чувствѣй бранный, —
Тебѣ я, Крошосъ! приношу.

Тебѣ! и ты того достойна:
Ты ожерелье красоты,
Ты сану мудрости присойна,
Все лучшимъ сошворяешь ты;
И добродѣтели святыя
Усовершенствуютъ тобой;
У зависши и стрѣлы злыя
Опъемлешь милый образъ твой.

Подруга ль гдѣ ты дѣвъ прекрасныхъ? —
Ихъ скромный взглядъ — магнитъ сердецъ.
Наперсница ль въ любви женъ спрашныхъ? —
Въ семействахъ — счастья ты вѣнецъ.
Идущъ ли за твоей рукою
Въ совѣсахъ мужи и въ бояхъ? —
Плѣняющъ и враговъ побойю
Въ ихъ самыхъ спрашныхъ должностяхъ.

А если Царская порфира
И скиптръ украсятся тобой,
Монархъ твой благодѣтель міра.
Не солнцу ль равенъ онъ красой?
На высотѣ блистая трона,
Онъ освѣщаетъ и живишь;
Въ предѣлахъ своего закона
Течешь — и всѣмъ благошворишь.

Не совмѣщаяся съ звѣздами,
Онъ саномъ выше всѣхъ своимъ;
Но равными для всѣхъ лучами
Онъ свѣтитъ праведнымъ и злымъ.
Проходишь взоръ его сквозь бездны —
И чела узниковъ злашишь;
Чершогѣ наполняя звѣзды,
Сіяньемъ въ хижины лешишь.

Куда свой путь ни обращаетъ,
Въ село, обитель, или градъ:
Народъ его волной встрѣчаетъ,
И дѣши на него такъ зряшь,
Какъ бы на Бога лучезарна.
Преклоншись шарцы на клюкахъ,
Движеньемъ сердца благодарна,
Сверкають радостью въ очахъ.

Такъ, Крошешь! такъ ты привлекаешь
Народныя къ себѣ сердца;
Всѣхъ паче качествъ составляешь
Въ Царь отечества опца.
Ты милосерда и снисходишь
Въ людскія спрасхи, суебы;
Надломленные не преломишь
Былинки, по неправдѣ, пы.

Сквозь врагъ проходишь сокровенныхъ
Всеобщая къ тебѣ любовь;
Въ спранахъ ты слышишь опдаленныхъ
Пролишную слезу и кровь;

И какъ елень въ жаръ къ шоку водну
Сспремисся жажду уполять,
Такъ человѣческа ты къ спону
Спѣшишь, чѣмъ ихъ скорѣй уняшь.

Ты не щеславна, не спѣсива,
Пріятельница тихихъ Музъ,
Привѣтлива и молчалива;
Во всемъ умѣренность — твой вкусъ;
Языкъ и взглядъ твой не обидѣлъ
Нигдѣ, никакъ и никого:

О! если бѣ я тебя не видѣлъ,
Не написалъ бы я сего.

II.

ГИМНЪ СОЛНЦУ.

Лющее златыя рѣки
Съ неизмѣримой вышины,
Неизсякаемая въ вѣки
Непоспѣжимы красоты,
О солнце! о душа вселенной!
О почный обликъ Божества!
Позволь, да мыслью восхищенной,
О благодѣтель вѣществъ!
Дивящая лучамъ своимъ,
Пою тебѣ священный Гимнъ.

Услышь меня, Свѣшило міру!
И пламеннымъ съ высотъ лицомъ,
Богъ свѣша! преклонись на лиру,
И озари швоимъ лучемъ,
Да гласы съ струнъ ея прольются;
Какъ просяженны съ звѣздъ лучи,
Мои вѣщанья раздадутся
Глубокой вѣчношпи въ ночи,
И повшоряшъ швои хвалы
Земля, и вѣшры, и валы.

Какъ въ первый разъ на шронъ вступило
Ты, шихія зари въ вѣнцѣ,
Блиспаньемъ холмы озлашило, —
Земное расцвѣло лице,
Ушли и бури и морозы,
Снеслисъ зефиръ и шишина,
Отверзлисъ благовонны розы,
И, улыбнувшися, Весна
Дохнула радосшь, шоржесшво.
Всѣмъ благошворно Божесшво!

Носяся въ воздухъ высоко,
Сквозъ неизмѣрны бездны зришь;
Небесъ всевидящее око,
Собой все держишь и живишь;
Дѣлишь вселенну въ небосклоны,
Опредѣляешь времена;
Ты пишешь ей швои законы,
Кладешь предѣлы ноши, дня;
Льешь блескъ звѣздамъ, свѣшь швари всей,

И учишь царствовать Царей.

Порфиною великопной
Объявъ швоею шаръ земной,
Рукой даруешь непримъпной
Обилье, жизнь, тепло, покой.
Орловъ лучами воскрисяешь,
На насъкомыхъ въ шмъ блеспишь,
Со влагой огонь свой возвращаешь
И несгараемо горишь.
Предвѣчно бышіе швое;
Съ тобой, Царь міра! и мое.

Такъ, свѣша океанъ чудесный!
Кто испины не видишь сей,
Того ума предѣлы шсны,
Не знаешь сущности швоей;
Не зришь, чѣмъ больше раздѣляешь
Себя шы на другихъ шылахъ,
Любезнѣе очамъ сіяешь
На холмахъ, радугахъ, моряхъ.
Ты образъ добраго Царя:
Край ризы швоея — заря.

Любезно, тихо, поспоянно,
Не воспящаяся ничѣмъ,
Блишпашельно и лучезарно
Вѣкъ шесшвуешь своимъ пушемъ.
Надъ безднами и высопами
Безъ ужаса взнося свой зракъ,
Ты исполинскими шагами

Отвсюду прогоняешь мракъ;
Несоврашимъ, непобѣдимъ
Природы сильный власпелинъ!

Я истины ищу священной,
Блаженства, сердца чистоты,
Красы и доблести неслѣдной: —
Мнѣ вкупѣ ихъ являешь ты.
Когда же ты благимъ и злобнымъ
Не преспаешь во вѣкъ сіяшь,
Воспоргомъ нѣкакимъ духовнымъ
Тебя спремлюсь я обожашь:
Такъ! такъ! Кто больше благъ быть могъ?
Дивлюсь, едва ли ты не Богъ!

О мудрыхъ цѣль ума и взора!
Монаршей власпи образецъ!
Средь звѣздъ блистающаго хора,
Какъ Царь, иль Вождь, или опецъ,
Сѣдящій на сапфирномъ пронѣ,
Свое сіяніе дѣлишь,
И самъ, ходя въ швоемъ законѣ,
Кругъ мірозданія крѣпишь:
Тамъ блещетъ каждый свѣтъ другимъ,
А всѣ присутствіемъ твоимъ.

Величествъ и доброшъ зеркало!
Безумію невѣждъ проси,
Тебя они коль знаютъ мало:
Твоимъ ихъ свѣтомъ просвѣти.
Наспавъ, чпобъ всякъ былъ меньше злобнымъ;

Въ швое подобье облачи;
Бышь крошкимъ, свѣшлымъ, а не гордымъ,
Твоимъ примѣромъ научи:
Какъ ты, чшобъ жили для другихъ,
Не ради лишь себя однихъ.

III.

О Б Л А К О .

Изъ тонкой влаги и паровъ
Исшедъ невидимо, сгущенно,
По малу, тихо вознесенно
Лучемъ надъ высокою холмовъ,
Ошливомъ свѣша освѣщаясь,
По безднѣ голубой носясь,
Гордишься облако собой,
Блистая солнца красотою;

Или прозрачною сквозясь
И въ разны виды премѣняясь,
Рубиномъ, златомъ испещряясь
И багряницею стеляясь,
Спруясь, собираясь въ сизы тучи,
И вдругъ схолмясь въ холмъ пловучій,
Заслѣниваясь солнца зракъ:
Забывъ свой долгъ и благодарность,
Его любезну свѣшозарность
Сокрывъ опъ всѣхъ — наводишь мракъ;

Или не долго временщикъ
На свѣтлой высотѣ бываетъ,
Но вздувшись шукомъ, исчезаетъ
Скорѣй, чѣмъ сдѣлался великъ:
Подъ лучезнойной пягошою
Разорванъ молніи спрѣлою,
Обрушась, каплями падешъ —
И ужъ его на небѣ нѣтъ!

Хошя жъ онъ въ чадахъ гдѣ своихъ,
Во мглахъ, въ шуманахъ возродится,
И къ высренностямъ вновь спремишся,
Но рѣдко доспигаетъ ихъ:
Давленьемъ воздуха гнѣпомый
И влагой внизъ своей влекомый,
На блаша, шундры опускась,
Ложись въ нихъ, и зришся — грязь.

Не видимъ ли Вельможъ, Царей
Живаго здѣсь изображенья?
Одни — изъ праха, изъ презрѣнья
Пренизкихъ возводя людей
На сшепени первѣйшихъ сановъ,
Творяшъ боговъ въ нихъ испукановъ,
Имъ ввѣря власъ и скипепръ свой;
Не видя, ихъ чпо ослабляюшъ,
Любезной доброшы лишаютъ,
Темня своею черношой;

Другіе — счастья бывъ рабы,
Его рукою вознесенны,

Сіяньемъ ложнымъ украшенны,
Спрасшей не выдержавъ борьбы
И доблестей пушь презря, правды,
Превъсясь зломъ, какъ водопады,
Падущъ спремглавъ на низъ во мглахъ:
Бывъ идолы, бывающъ прахъ.

Но добродѣтель красою
Своею собственною сіяетъ;
Пускай несчасье помрачаетъ, —
Свѣшла она сама собой.
Какъ Антонины на престолъ,
Такъ Эпикшесы и въ неволъ
Почтенны сушь красой ихъ душъ. —
Пускай чей злобой блескъ запылился;
Но днесъ, иль завтра прояснися
Безсмертной правды солнца лучъ.

О вы, имѣющіи боговъ
Въ рукахъ всю власъ и всю возмощь,
Въ себѣ же смершнаго ничтожествъ,
Ввергающую бѣдствій въ ровъ,
Цари! опъ васъ вашъ пронъ зависитъ
Унизитъ зломъ, добромъ возвыситъ;
Имѣйте вокругъ себя людей,
Незлюбемъ, мудросью младенцевъ;
Но бойтесь счастья возведенцевъ,
Ползущихъ пестрыхъ вокругъ васъ змѣй.

И вы, наперсники Царей,
Друзья, цвѣшущіи ихъ красою!

Ихъ пишуши жизнь, смерть рукою
Поверхъ земель, поверхъ морей!
Познайте: съ вашимъ всѣмъ соборомъ
Вы съ тѣмъ равны лишь метеоромъ,
Который блещетъ опъ зари;
А сами по себѣ — пары.

И ты, кто потерялъ красу
Наружну мрачной клеветою!
Зри мудрой, твердою душою:
Подобенъ міръ сей колесу:
Се спица внизъ и вверхъ вращишся,
Се капля мглой, иль пучей зришся:
Такъ что жь снѣдаешься поской?
Въ кругу твореній обращаешь,
Той внизъ, другою вверхъ вздымаясь,
Умѣй и въ прахъ бышь злашой.

III.

Г Р О М Ъ .

Въ тяжелой колесницѣ грома,
Гроза, на шмѣ воздушныхъ крыль,
Какъ спрашная гора несомая,
Жметъ воздухъ подъ собой, — и пыль
И поншъ кипяшъ, лепяшъ волнами,
Древа вверхъ вержущся корнями,
Ревущъ берега и воешъ лѣсъ;
Средь пучныхъ пучъ, разданныхъ съ прескомъ,

Въ шмѣ, молніи, багрянымъ блескомъ,
Черпяшъ гремящихъ слѣдъ колесъ.

И се, какъ ночь осенняя, темна,
Нахмурясь надо мной челомъ,
Хлябь пламенемъ разсылась черна,
Сверкнулъ, взревѣлъ, ударилъ громъ, —
И своды попрысали звѣзды:
Спокрашно огласились бездны;
Гуль восшумѣлъ, и дождь и градъ;
Просперся синій дымъ полешомъ;
Дубъ вспыхнулъ, холмъ спалъ водомешомъ,
И капли радугой блестяшъ.

Утихло дуновенье бурно:
Чуть слышанъ шумъ и сѣрный смрадъ;
Проспранство воздуха лазурно
И чела въ златъ горь горяшъ.
Природѣ ужь не спрашны грозы,
Дыхающъ аромашомъ розы,
Пернашихъ раздаеися хоръ;
Зефиры легки, насѣкомы,
Цѣлующъ злаковъ зыбки холмы,
И пушникъ ослабляетъ взоръ.

Кто Сей, Ктопорый пучи гонишъ
По небу, какъ спада овновъ,
И першомъ быспры рѣки водишъ
Между горисныхъ береговъ?
Кто море очершилъ въ предѣлы,
На шумны, яры волны бѣлы

Незримы наложилъ бразды?
Чьимъ маніемъ въспрь возьмешь крыла,
Спихіевъ засышаешь сила,
Блескъ въ хаосъ возникъ звѣзды?

И въ мигъ единый милліоны
Кшо дланію возжегъ планешь?
О Боже! — се Твои законы,
Твой взоръ міры шворишь, блюдешь.
Какъ спалю камень сыплешь искры,
Такъ опъ Твоей спруяся мишры
Въ мракъ солнца, средь безмѣрныхъ мѣсшъ.
Ты дхнешъ: какъ прахъ, вновь сферы вспанушь,
Ты прервешь духъ: какъ злакъ, увянушь;
Твои слѣды сушь бездны звѣздъ.

О вы, безбожники, не чшущи
Всевышней власши надъ собой,
Въ разврашныхъ мысляхъ шѣхъ живущи,
Чшо случай все шворишь слѣпой,
Чшо умъ лишь вашъ ешъ Царь вселенной!
Взгляните, въ буйноспи надменной,
На сей ревуцій спрашный мракъ,
На шѣ огнемъ блестящи рѣки,
И върыше, дерзки чловѣки!
Чшо все величье ваше — прахъ.

Но если вы и впрямъ всемошны,
Почшо жъ вамъ грома прешаешь?
Нѣшъ! Гордоспи цуши порочны,
Богъ правды долженъ наказашъ.

Гдѣ ваша мощь тогда, коварства,
Вновь созданны Цари и царства,
Какъ рокъ на васъ свой склонитъ персть?
Огонь и воды съединяшся,
Земля и небо ополчашся,
И мечъ и лукъ соприеся въ персть.

Но шопъ, кпо почиашъ Бога,
Надежду на Него кладешъ,
Сей не боишся время спрога;
Какъ холмъ средь волнъ, не упадешъ.
Пусть зѣльна буря устремилъ:
Душой всѣхъ превзойши онъ шщишся,
Беспрашенъ, мужественъ средь бѣдъ;
И подъ всеильнымъ даже гнѣвомъ,
Подъ зыблющимъ, падающимъ небомъ, —
Благословя Творца, уснешъ.

Труба величья силъ верховныхъ,
Вишя Бога и посолъ,
О громъ! гроза духовъ шѣхъ гордыхъ,
Кѣмъ колебался звѣздъ престолъ!
Земли шы чрево распворяешъ
И плодородьемъ мѣръ вѣнчаешъ;
Но швой же можешъ бросишъ шуль
И жупловъ шы на Князя ада.
Встанъ! грянь! — и въ слѣдъ его упада
По безднамъ возгрохочешъ гуль.

LIV.

ТЛѢНІЕ и НЕТЛѢНІЕ.

Прекрасный, лѣпый, лучезарный,
Кругомъ обшекшій вишязь міръ,
Лучи мепавшій жизнодарны
На поншъ, на землю, на ээиръ,
О дивный побѣдшель мрака
Всѣхъ смершныхъ ужасовъ и спрахъ, —
Чшо, солнце! видъ швой поблѣднѣль?
Во мглу злашья скрылись лапы,
За облакъ шлемъ огневласашый,
И нѣшъ въ швоемъ ужъ шуль спрѣль!

Лѣса и холмы опдаленны
Одѣлись шемной синевой;
Долины злачны, холмъ зеленый
Подернулись блѣдной мглой;
Цвѣшпы въ безмолвьи преклоненны
Росою плачущъ окропленны;
Сверкающъ молніи вдали;
Ревъ слышенъ громовъ, въшровъ свисшы.
Уже ль природы осѣнисшый
Сей образъ смерши, образъ шли?

Уже ль и въ гробъ созерцанный
Ошечесшва спасшшель, Вождь,
Герой въ блескъ лавровъ увѣнчанный —
Каршина шлѣнія шого жь?

И добродѣтель просвѣщенна,
И службой честь пріобрѣщенна,
И слава, позднихъ гуль временъ,
И уваженіе Царска рода,
И благодарность опъ народа,
И памяшь вѣчная — все плѣнь?

Сей плачь, сей спонъ и воздыханье
Толь множества печальныхъ лицъ,
Прощальныхъ гимновъ оппѣванье
И возведеніе зѣницъ
Къ Творцу со пламенной мольбою,
Просящею душамъ покою
(Чрезъ что сущь мершвы и живы
Въ вѣкъ, небо и земля въ сношенъ
Межь собой), уже ли плѣнье?
И нѣшь безсмертія? — Увы!

Нѣшь! Есть благій Богъ и безсмертный,
Есть правда, и безсмертье есть.
Чрезъ промыслъ Свой Онъ неизслѣдный
Въ Свой вѣчный свѣшь возводишь перспъ.
Добро опъ злобы опдѣляя,
Ту въ шму, шо въ солнцы помѣщая —
Всѣхъ зиждешъ Царствіе Небесъ.
Порокъ изъ праха не воспрянешъ,
А добродѣтель вѣчно спанешъ
Пишь свѣшь и жизнь Творца съ очесъ.

Се тлѣнье есть въ чемъ и нетлѣнье.
Ошвершы вижу небеса:

Въ лазурномъ блещетъ опдаленъ
Непоспижимая краса!
Не шамъ ли Божеска держава,
Жизнь вѣчная, блаженство, слава?
Воспоргъ объемлетъ умъ и духъ!
Зрю невечерне солнце ново!
Гармони пихой внемлю слово, —
Вселенна преклонила слухъ:

»Гряди, о добрый, доблй воинъ!
На вѣчно свѣшло торжештво;
Ты Царства Моего достоинъ,
Ты чпилъ и вѣрилъ въ Божештво.
Полнъ къ человѣшству любовью,
Не славился его пы кровью;
Разилъ враговъ, въ слезахъ лѣсь.
Спасавъ ошечештво и Вѣру, —
Къ Царю блюлъ долгъ, себѣ зналъ мѣру:
Въ безсмертье внидь, Смоленскій Князь.«

LV.

НА СЧАСТІЕ.

Всегда прехвально, предпоченно,
Во всей вселенной обоженно
И возжелѣнное ошъ всѣхъ,
О пы, великомощно Счасье!
Испочникъ нашихъ бѣдъ, ушѣхъ,

Кому и въ ведро и въ ненастье,
Мавръ, Лопарь, паспыри, Цари,
Моляся въ куцахъ и на шронъ,
Въ воскликновеніяхъ и спонъ,
Въ сердцахъ ихъ зиждушъ олшари!

Сынъ время, случая, судьбины,
Иль недовѣдомой причины!

Богъ сильный, рѣзвый, добрый, злой!
На шаровидной колесницѣ,
Хрустальной, скользкой, роковой,
Во слѣдъ блистающей денницѣ
Черезъ горы, степь, моря, лѣса,
Вседневно ты по свѣшу скачешь,
Волшебною ширинкой машешь,
И производишь чудеса.

Куда хребетъ свой обращаешь,
Тамъ въ пепелъ грады претворяешь,
Приводишь въ сѣрахъ богатырей;
Сулпановъ заключаешь въ клѣтку,
На казни выводилъ Королей;
Но если ты жь, хошя въ издѣвку,
Ослабишь взоръ свой на кого:
Раба шворишь Владыкой міру,
На мѣсто рубища порфиру
Ты возлагаешь на него.

Въ тѣ дни людскаго просвѣщенья,
Какъ нѣшъ кикиморовъ явленья,
Какъ ты лишь всѣмъ чудотворишь:

Дѣвицъ и дамъ магнизируешь,
Изъ камней золошо варишь,
Въ глаза папріюпизма плюешь,
Капашь кубаремъ весь міръ;
Какъ рѣзвоспи пвоей примѣровъ,
Полна земля вся Кавалеровъ,
И цѣлый свѣтъ спалъ Бригадиръ;

Въ шѣ дни, какъ всюду скороходомъ
Предъ Русскимъ шы бѣжишь народомъ,
И лавры рвешь ему зимой,
Стамбулу бороду ерошишь,
На Тавръ ѣдешь чехардой,
Задашь Спокгольму перцу хочешь,
Берлину фабришь шы усы,
А Темзу въ фижмы наряжаешь,
Хохолъ Варшавъ раздуваешь,
Копшишь Голландцамъ колбасы;

Въ шѣ дни, какъ Вѣну ободряешь,
Парижу пукли разбиваешь,
Мадришу поднимаешь носъ,
На Копенгагенъ иней съешь,
Пучокъ подносишь Гданску розъ,
Венецы, Мальпъ не радѣешь,
А Греціи велишь зѣвать,
И Риму, ноги чпобъ не пухли,
Свяшыя осшавляя шуфли,
Царямъ прешишь ихъ цѣловашь;

Въ шѣ дни, какъ все вездѣ въ разгульѣ:

Полишика и правосудье,
Умъ, совѣспь и законъ свяшой
И Логика пиры пирующъ,
На каршы спавяшъ вѣкъ злашой,
Судьбами смертныхъ пунпирующъ,
Вселенну въ праншелево гнушъ;
Какъ полюсы, меридіаны,
Науки, Музы, боги — пьяны,
Всѣ скачущъ, пляшущъ и поющъ;

Въ шѣ дни, какъ всюду Ерихонцы
Не сѣющъ, но лишь жнущъ червонцы,
Ихъ денегъ куры не клюющъ;
Какъ вкусъ и нравы распеспрились,
Весь міръ спалъ полосащій шущъ,
Маршышки въ воздухъ явились,
По свѣшу свѣпяшъ фонари,
Вишійспвующъ уранги въ школахъ,
На пышныхъ каршочныхъ пресполахъ
Сидяшъ мишурные Цари;

Въ шѣ дни, какъ мудросшь среди проновъ
Одна не мѣсишъ макаронувъ,
Не ходишъ въ кузницу ковашъ,
А развѣ временемъ лишь скучнымъ
Изволишъ Музъ къ себѣ пускашъ,
И перышкомъ своимъ искуснымъ,
Не ссоряся никакъ, ни съ кѣмъ,
Для общей и своей забавы,
Комедьи пишешъ, чиспишъ нравы,
И припѣваешъ: хемъ, хемъ, хемъ!

Въ шѣ дни, ни съ кѣмъ какъ несравненна
Она съ шобою сопряженна,
— Ни въ сказкахъ складно разсказашь,
Ни написашь перомъ красиво, —
Изволишъ милость проливашъ,
Изволишъ царствовать правдиво,
Не жжешъ, не рубишъ безъ суда;
А развѣ кое-какъ Вельможи,
И шакъ и сякъ, нахмура рожи,
Тузяшъ инова иногда;

Въ шѣ дни, какъ мечешъ всюду взоры
Она вселенной на ресоры,
И вѣсишъ скипетры Царей,
Слѣды орловъ парящихъ видишъ
И пресмыкающихся змѣй;
Разя враговъ, не ненавидишъ,
А только пресѣкаешъ зло;
Безъ лапъ богатырямъ и въ лапахъ
Прешишъ давишъ лимоны въ лапахъ,
А хочешъ, чшобы все цвѣло;

Въ шѣ дни, какъ скипетромъ любезнымъ
Она перунъ къ спранамъ желѣзнымъ
И громъ за придевашъ земель
Несешъ на лунно государство,
И бомбы сылешъ будно хмель;
Свое же ублажая Царство,
Покоишъ, грѣешъ и живишъ;
Въ морозъ камины возжигашъ,

Дрова и сѣно запасаешь,
Бояръ и чернь благошворишь;

Въ шѣ дни и времена чудесны
Твой взоръ и на меня всемѣстный
Проспри, о надъ Царями царь!
Проспри, и удоспой усмѣшкой
Презрѣнную побою шварь;
И, если я не созданъ пышкой,
Валясь не рожденъ въ пыли,
Прошу тебя моимъ быть другомъ:
Песчинка можешь быть жемчугомъ;
Погладь меня и попрепи.

Бывало, ты меня къ Боярамъ
Въ любовь введешь: беру все даромъ,
На вексель, въ долгъ безъ плашежа;
Судьи, дьяки и прокуроры,
Въ передней про себя брюжжа,
Умильные мнѣ мещущъ взоры,
И жаждушъ слова моего:
А я всѣхъ мимо по паркешу
Бѣгу, носъ вздернувъ, къ кабинету,
И въ грошъ не ссавлю никого.

Бывало, подъ чужимъ нарядомъ,
Съ красопкой чернобровой рядомъ,
Иль съ бѣленькой, сидя со мной,
То въ шашки, то въ карпѣжъ играешь;
Прекрасною швоей рукой

Туза червоннаго вскрываешь,
Сердечной пшвой шѣмъ кажешь взглядъ;
Я къ кралъ короля бросаю,
И ферзь къ ладьѣ я придвигаю,
Даю марьяжъ, иль шахъ и матъ.

Бывало, милыя Науки
И Музы, проспирая руки,
Позавтракашь ко мнѣ придущъ,
И все мое усядущъ ложе;
А я, свирѣль наспроя шущъ,
Съ ихъ каждой лирой поже, поже
Играю, что вчерась игралъ.
Согласна прель! взаимны поны!
Воспоргъ всѣхъ чувствъ! За васъ короны
Тогда бы взяшь не пожелалъ.

А нынѣ пшъдесяшь мнѣ било;
Полешъ свой счастье премънило;
Безъ лапъ я горе-богашырь;
Прекрасный полъ меня лишь бѣсишь,
Амуръ безъ перьевъ непопырь,
Едва вспорхнешъ, и носъ повѣсишь.
Сокрылся и въ игръ мой кладъ;
Не спрасшны мной, какъ прежде, Музы;
Бояре понадули пузы,
И я у всѣхъ спалъ виновашъ.

Услышь, услышь меня, о Счастье!
И солнце какъ сквозь буръ, ненастье,
Такъ на меня и шы взгляни;

Прошу, молю тебя умильно,
Мою ты участь премъни :
Вѣдь всемогуще ты и сильно
Творишь добро изъ самыхъ золь ;
Опъ Божеской швоей десницы
Гудокъ гудишь на понъ скрипицы,
И вьешся локономъ хохоль.

Но , ахъ ! какъ нѣкая ты сфера ,
Иль легкій шаръ Монгольфiera ,
Блистая въ воздухъ , лепишь ;
Вселенна длани проспираешь ,
Зовешь тебя — ты не глядишь ;
Но шаръ швой часто упадаешь ,
По прихоши одной швоей ,
На пни , на кочки , на колоды ,
На грязь и на гнилыя воды ,
А рѣдко , рѣдко на людей.

Слепи ко мнѣ, мое драгое ,
Серебряное, золошое ,
Сокровище и божество !
Слепи , причпи къ швоимъ любимцамъ !
Я храмъ тебѣ и поржесство
Устрою , и вездѣ по крыльцамъ
Твоимъ разсыплю я цвѣшны ;
Возжгу коренья благовонны ,
И буду ѣздишь на поклоны ,
Гдѣ шолько обишаешь ты ;

Жишь буду въ шеремъ богатомъ ,
Возвышусь въ чинъ , и знашнымъ бракомъ

Горацію въ родню причтусь ;
Перомъ моимъ славно-школярнымъ
Разсудка выше вознесусь
И, спавъ шебъ неблагодарнымъ ,
»*Беатусъ* — брашъ мой , на волахъ
Собою самъ поля орющій ,
Или спада свои пасущій !«
Я буду восклицать въ пирахъ .

Увы ! еще ты не внимаешь ,
О Счастіе ! моей мольбѣ ,
Мои обѣщанья презираешь :
Знашь, негоденъ я шебъ .
Но на софахъ ли ты пуховыхъ ,
Въ шпняхъ ли мирсовыхъ , лавровыхъ ,
Иль въ золошой живешь спранъ :
Внемли, шепни твоимъ любимцамъ ,
Вельможамъ, Королямъ и Принцамъ :
Спокойствіе мое во мнѣ !

LVI.

К Л Ю Ч Ъ .

Сѣдѣящъ, увѣнчанъ осокою ,
Въ шпни развѣсисныхъ древесъ ,
На урну облегшись рукою ,
Являющій лице небесъ
Прекрасный вижу я испочникъ .

Источникъ шумный и прозрачный,
Текущій съ горной вышины,
Луга поящій, долы злачны,
Кропящій перлами цвѣты,
О коль ты мнѣ пріятель зришься!

Ты чистишь — и восхищаешь взоры,
Ты быспрь — и утѣшаешь слухъ;
Какъ серна скачуща на горы,
Такъ мой къ тебѣ спремится духъ,
Желаньемъ пышетъ тебя горящій.

Когда въ дуги твои сребристы
Глядишься красная заря,
Какіе пурпурны огнисты
И розы пламенны, горя,
Съ паденьемъ водъ твоихъ кашаеся!

Гора, въ день спадомъ покровенну,
Себя въ тебѣ, любуясь, зришь;
Въ твоихъ водахъ изображенну
Дуброву въширокъ спруишь,
Волнуешь жашву золошую.

Багрянымъ брегъ твой спановишься,
Какъ солнце кашаеся съ небесъ;
Лучемъ кристалль твой загористишь,
Вдали начнешь синѣшься лѣсъ,
Тумановъ море разольеши.

О! коль ночью темною
Пріятель видъ твой при лунѣ,

Какъ блѣдны холмы надъ шобою
И рощи дремлюшъ въ тишинѣ,
А ты одинъ, шумя, сверкаешь!

Сгарая Спихошворсхва спрашью,
Къ тебѣ я прихожу, ручей!
Завидую Піипа счасью,
Вкусившему воды швоей,
Парнаскимъ лавромъ увѣчанну.

Напой меня, напой шобою,
Да воспою подобно я,
И съ чиспою швоей спруею
Сравнишя въ пѣсняхъ мысль моя,
А лирный гласъ съ швоимъ спреплениемъ;

Да чесшъ швоя пройдетъ всѣ грады,
Какъ эхо съ горъ сквозъ лѣсъ дремучъ:
Творца безсмертной Россіады,
Священный Гребеневскій ключъ,
Поилъ водой ты Спихошворсхва.

LXVII.

М Е Р К У Р І Ю.

Почто меня опъ Аполлона,
Меркурій! ты ведешь съ собой?
Средь пышнаго шорговли шрона

Мнѣ кажешь ворохъ золошой?
Сбирашь, завидовашь, изъ-млада
Я не привыкъ и не хочу.
Богашство ль спарику награда?
Давно съ презрѣньемъ я шопчу
Его всю прелесць равнодушно.

Коль я здоровъ, хлѣбъ-соль имѣю,
И даръ мнѣ данъ судьи, пѣвца,
И челобитчиковъ я смѣю
Вспрѣчашь съ передняго крыльца,
И къ небогашому богашый
За нуждою ко мнѣ идець,
За храмъ мой просы палашы,
За золошо солону чпешь:
На что же мнѣ швоя излишность?

Но, ахъ! когда я спалъ послушень
Тебѣ, мой вождь и богъ злашой:
То будь и ты великодушень,
И мой не опними покой;
Но хлопощашь когда усшану,
Весь день бывъ жершвой и игрой
Среброчешуйну океану:
Позволь, какъ грянешь громъ, домой
Пришедшему обняшь мнѣ Музу.

Да вмѣсто виспа и боспону,
Я съ ней на лирѣ порѣзвлюсь,
Монаршу, Божеску закону,
Суду и правдѣ поучусь;

Не дамъ волкамъ овечки скушать;
А ты, коль хочешь одолжишь,
Приди моей сей пѣсни слушать,
Посеребришь, позолотишь
Мою трубу Е к а т е р и н ѣ.

LVIII.

НА УМѢРЕННОСТЬ.

Благополучіе мы будемъ,
Коль не дерзнемъ въ спремленіе воли,
Ни въ вихрь, робѣя, не принудимъ
Близъ берега держащъ нашъ чолнъ.
Завидѣвъ шопъ лишь соспоянѣмъ,
Кшо среднею спезей идешъ,
Ни благъ не восхищенъ мечпанѣмъ,
Ни шмой не ужасаемъ бѣдъ;
Умѣренъ въ хижинѣ, чершогъ,
Равенъ въ покоѣ и шревогъ.

Собрашъ не алчешъ милліоновъ;
Не скалишся на жирный споль;
Не шребуешъ ни чьихъ поклоновъ,
И не лоцишъ ни чей самъ поль;
Не вьешся въ душу къ Царску другу,
Не ловишъ шайнспѣвъ и не льспишъ;
Гошовъ на шрудъ и на услугу,

И добродѣшель покмо чшишъ.
Хошя и Царь его ласкаешъ ,
Онъ носа вверхъ не поднимаешъ.

Онъ видишъ , что и дубы мшишъ
Крехшяшъ , падушъ съ вершины горъ ,
Перунъ дробишъ бугры кремнишъ ,
И пожигаешъ влажный боръ ;
Онъ видишъ , съ бѣлыми горами
Вверхъ скачущъ съ шумомъ корабли ,
Ревущъ , и черными волнами
Внушрь погребающя земли ;
Онъ видишъ — и , Судьбъ послушенъ ,
Въ премѣнахъ свѣша равнодушенъ.

Онъ видишъ — и душей мужаясь ,
Въ несчастіи надежды полнъ ;
Подъ счасшьемъ же , не упомляясь ,
Въ безпечный не вдаешся сонъ ;
Себя и ближняго покоя ,
Чшишъ Бога , Вѣру и Царей ;
Царствъ Мешафизикой не строя ,
Смѣешся , зря на пузырей ,
Лешящихъ флопомъ къ небу съ грузомъ ,
И вольнымъ бышъ не мнишъ Французомъ.

Онъ вѣдаешъ : доколѣ спрасши
Волнующся въ людскихъ сердцахъ ,
Нѣшъ вольности , нѣшъ равной часши
Царю въ вѣнцѣ , рабу въ цѣпяхъ ;
Несешъ свое всякъ въ свѣщъ бремя ;
Другихъ всякъ жершва и ширанъ ;

Течешъ въ свое природа спремя ;
А сей законъ, коль въ вѣкъ ей данъ ,
Коль въ вѣкъ мы подъ спрасъми спенаемъ :
Какихъ же дней злыхъ желаемъ ?

Всякъ долгу рабъ. — Я не мечшаю
На воздухъ о городахъ ;
Всѣмъ счастливыхъ пушей желаю
Къ Форшунѣ по льду на конькахъ.
Пускай Язонъ съ Колхиды древней
Злое сбрилъ себѣ руно ,
Крезъ завладѣлъ чужой деревней ,
Марсъ опкупъ взялъ — мнѣ все равно !
Я незавидливъ на богатство
И Царскихъ суммъ на святошество.

Когда Судьба качашъ въ люлькѣ ,
Благословляю часъ мою ;
Нѣшъ дѣлъ , — играю на бирюлькѣ,
Средь Музъ съ Гораціемъ пою :
Но если бѣ Царь гдѣ добрый, рѣдкой
Велѣлъ мнѣ грамошки писашъ ,
Я бѣ душу не вершѣлъ рулешкой ,
А спалъ бы пнемъ , — и спалъ чашашъ
Равно о людяхъ, о болванахъ ,
О добродѣтеляхъ въ карманахъ.

А ежели бѣ когда и скушно
Меня извоилъ онъ принятъ ,
Любя его , я равнодушно
И горестъ спалъ бы ощущашъ ,

И шель къ нему опяшь со вздоромъ
Суда и милоспи просишь.
Равно, когда бъ и свѣшлымъ взоромъ
Со мной онъ вздумалъ пошушишь,
И у меня просишь прощенья:
Не заплясалъ бы съ восхищенья,

Но съ разсужденъемъ удивлялся
Великодушію его,
Не вдругъ на похвалы пускался,
А въ жаръ сердца моего
Воспѣлъ его бы безъ припворсшва,
И въ сказочкѣ сказалъ подъ часъ:
»Ты громокъ браньми — для попомсшва,
Ты миль щедрошами — для насъ,
Но славы и любви содѣшель
Тебѣ — швоя лишь добродѣшель.«

Смопри и всякъ, хопя бъ чрезъ шашни
Форшуну спалъ кшо впереди,
Не сплошь спускай злыхъ змѣй съ башни,
И, глядя въ небо, не пади;
Держися лучше середины,
И ближнему добро швори;
Назавпра крѣпосшей съ Судьбины
Безильны сами взяшь Цари.
Есть время, — сѣй; оно превращно:
Прошедше не придетъ обратно.

Хопъ чья душа чесшна, любезна,
Хопъ безкорыспенъ кшо, уменъ;

Но коль умѣренность полезна
И шѣмъ, кпо славою плѣненъ, —
Умѣй бышь безъ обиды скромнень,
Осанисшъ, швердъ, но не гордецъ,
Рѣшимъ безъ скороспи, спокоенъ,
Безъ хипроспи ловецъ сердецъ;
Вздувъ въ ясномъ парусѣ лазурь,
Умѣй ихъ не сронишь и въ бурь.

LIX.

КЪ ПЕРВОМУ СОСѢДУ.

Кого роскошными пирами
На влажныхъ Невскихъ островахъ,
Между шѣнисшими древами,
На муравъ и на цвѣсахъ,
Въ шапрахъ Персидскихъ, злапошвенныхъ,
Изъ глинъ Кишайскихъ драгоцѣнныхъ,
Изъ Вѣнскихъ чистыхъ хрусталей,
Кого шоль славно угощаешь,
И для кого шы распочаешь;
Сокровища казны швоей?

Гремишь музыка; слышины хоры
Вкругъ лакомыхъ швоихъ шоловъ,

Сласпей и ананасовъ горы,
И множество другихъ плодовъ
Прельщающъ чувства и питающъ;
Младья дѣвы угощающъ,
Подносящъ вина чередой,
И Аліашико съ Шампанскимъ,
И пиво Русское съ Британскимъ,
И Мозель съ Зельцерской водой.

Въ вершеть мраморномъ, прохладномъ,
Въ кошоромъ льется водоскапъ,
На ложъ розъ благоуханномъ,
Средь лѣни, нѣги и опрады,
Любовью распаленный спрашной,
Съ молодой, веселою, прекрасной
И нѣжной Нимфой ты сидишь:
Она поешъ, — ты спрашью шаешъ:
То съ ней въ весельи утопаешъ,
То, упоменъ весельемъ, спишь.

Ты спишь — и сонъ тебѣ мечшаешъ,
Чшо въ вѣкъ благополученъ ты;
Чшо само Небо разсынаешъ
Блаженства вокругъ тебѣ двѣты;
Чшо Парка дней твоихъ не косишь;
Чшо опкупъ вновь тебѣ приносишь
Сибирски горы серебра,
И дождь злапый къ тебѣ лѣтся.
Блаженъ, кшо по упру проснешся
Такъ счастливымъ, какъ былъ вчера!

Блаженъ , кто можешь веселишься
Безперерывно въ жизни сей !
Но рѣдкому пловцу случится
Безбѣдно плавать средь морей :
Тамъ бурны дышуть непогоды ,
Горамъ подобно гоняшь воды ,
И съ пѣною песокъ мушаятъ.
Пешрополь сосны осыняли ;
Но , вихремъ пораженны , пали :
Теперь корнями вверхъ лежатъ .

Непостоянство доля смертныхъ ;
Въ премѣнахъ вкуса счастье ихъ ;
Среди утѣхъ своихъ несмысленныхъ
Желаемъ мы утѣхъ иныхъ .
Придуть , придуть часы тѣ скучны ,
Когда твои ланины тучны
Пресытануть Граціи прелесть ;
И , можешь быть , съ тобой въ разлукъ ,
Твоя ужъ Пенелопа въ сукъ
Коверъ не будетъ распускашь ;

Не будешь , можешь быть , лелѣяшь
Судьба ужъ болѣе тебя ,
И въпрѣь благопріятный вѣяшь
Въ твой парусъ : — береги себя !
Доколь текутъ часы злые
И не приспѣли скорби злыя ,
Пей , ѣшь и веселись , сосѣдъ !
На свѣтъ жить намъ время срочно ;

Веселье то лишь непорочно ,
Раскаянья за коимъ нѣтъ.

LX.

КЪ Л И Р Ъ.

Звонкопріятная лира !
Въ древни злашыя дни міра
Сладкою силой швоей
Ты и боговъ и Царей ,
Ты и народы плѣняла.

Гласъ шихоспрунный швой , звоны ,
Сердце прельщающи тоны
Съ дебрей , вершеповъ , спепей
Пшицъ созывали , звѣрей ,
Холмы и дубы склоняли.

Нынѣ желѣзные ль вѣки ?
Тверже кремней человѣки ?
Сами не знаясь съ побой ,
Свѣшъ не плѣняющъ игрой ,
Чужды красотъ доброгласья ;

Доблесшью чужды плѣняшья ,
Къ злашу , къ сребру лишь спремяшья ,

Помнятъ себя лишь однихъ ,
Слезы не прогаюшъ ихъ ,
Вопли сердець не доходяшъ ;

Души всѣ льда холоднѣе.
Въ комъ же я вижу Орфея ?
Кто Аристонъ сей молодой ?
Нѣженъ лицомъ и душой ,
Нравовъ благихъ преисполненъ ?

Кто сей любитель согласья !
Скрышый зиждитель ли счастья ;
Скромный смиритель ли злыхъ ?
Дней гражданинъ золотыхъ ,
Испый любимецъ Аспрей ?

LXI.

ВЕЛЬМОЖА.

Не украшеніе одеждъ ,
Моя днесъ Муза прославляетъ ,
Которое, въ очахъ невѣждъ ,
Шушовъ въ Вельможи наряжаетъ ;
Не пышности я пѣснь пою ;
Не испуканы за кристалломъ ,

Въ кивопахъ блещущи мешалломъ ,
Услышашъ похвалу мою.

Хочу доспоинства я чпипшь ,
Копорыя собою сами
Умѣли шипла заслужишь
Похвальными себѣ дѣлами ;
Кого ни знашнѣй родъ , ни санъ ,
Ни счастье не украшали ;
Но кои доблестью снискали
Себѣ почтение отъ гражданъ.

Кумиръ , пославленный въ позоръ ,
Несмысленную чернь прельщаетъ ;
Но коль художниковъ въ немъ взоръ
Прямыхъ красотъ не ощущаетъ :
Се образъ ложныя молвы ,
Се глыба грязи позлащенной !
И вы , безъ благоспи душевной ,
Не всѣ ль , Вельможи , шаковы ?

Не перлы Перскія на васъ ,
И не Бразильски звѣзды , — ясны ;
Для возлюбившихъ правду глазъ
Лишь добродѣтели прекрасны:
Онѣ суть смертныхъ похвала.
Калигула ! швой конь въ Сенапъ
Не могъ сіяшь , сіяя въ зламъ :
Сіяють добрыя дѣла.

Осель останешся осломъ ,
Хопя осьпъ его звѣздами ;

Гдѣ должно дѣйствоватьъ умомъ ,
Онъ только хлопаешъ ушами.
О ! щещно счастія рука ,
Противъ естественнаго чина ,
Безумца рядишъ въ господина ,
Или въ шумиху дурака.

Какихъ ни вымышлай пружинъ ,
Чшобъ мужу бую умудришься ;
Не можно вѣкъ носишъ личинъ ,
И истина должна открыться.
Когда не свергъ въ бояхъ , въ судахъ ,
Въ совѣсахъ Царскихъ , сопоспашовъ :
Всякъ думаетъ , что я Чупяшовъ ,
Въ Марокскихъ ленсахъ и звѣздахъ.

Оспавя скипешрь , пронъ , черпогъ ,
Бывъ спранникомъ , въ пыли и въ пошъ ,
Великій П е т р ь , какъ нѣкій Богъ ,
Блиспалъ величешвомъ въ рабошъ :
Почпенъ и въ рубищъ Герой !
Е к а т е р и н а , въ низкой долъ ,
И не на Царскомъ бы прешолъ
Была великою женой.

И впрямъ , коль самолюбя лешъ
Не обуяла бъ умъ надменный :
Что наше благородство , честь ,
Какъ не изящности душевны ?
Я Князь — коль мой сіяетъ духъ ;
Владѣлецъ — коль спрасшми владью ;

Боляринъ — колъ за всѣхъ болѣю ,
Царю , закону , Церкви другъ .

Вельможу должны соспавляшь
Умъ здравый , сердце просвѣщенно ;
Собой примѣръ онъ долженъ дашь ,
Что званіе его священно ,
Что онъ орудье власпи естъ ,
Подпора царшвеннаго зданья
Вся мысль его , слова , дѣлнья
Должны бышь — польза , слава , чесшь .

А ты , впорой Сарданапаль !
Къ чему спремишь всѣхъ мыслей бѣги ?
На то ль , чшобъ вѣкъ швой прошекаль
Средь игръ , средь праздности и нѣги ?
Чшобъ пурпуръ , злапо всюду взоръ
Въ швоихъ чершogaхъ восхищали ,
Каршины въ зеркалахъ дышали ,
Мусія , мраморъ и фарфоръ ?

Но то ль тебѣ пространный свѣтъ ,
Просперши раболѣпны длани ,
На прихотливый швой обѣдъ
Вкуснѣйшихъ яшвъ приносишь дани ;
Токай густое льешъ вино ,
Левашъ — съ звѣздами кофе жирный ,
Чшобъ не хопѣлъ за шрудъ всемірный
Мгновенье бросишь ты одно ?

Тамъ воды въ проськахъ пекутъ ,
И съ шумомъ вверхъ спремаясь , сверкающъ ;

Тамъ розы средь зимы цвѣшуть ,
И въ рощахъ нимфы воспѣвають ,
На то ль , чшобы на все взираль
Ты окомъ мрачнымъ , равнодушнымъ ,
Средь радостей казался скучнымъ ,
И въ пресыщеніи зѣваль ?

Орелъ , по высотѣ паря ,
Ужь солнце зришь въ лучахъ полдневныхъ ;
Но твоя чертогъ едва заря
Румянишь схвозъ завѣсь червленыхъ ;
Едва по зыблющимъ грудямъ
Съ тобой лежащія Цирцеи
Блиспають розы и лилеи ;
Ты съ ней покойно спишь , . . . а шамъ ?

А шамъ — израненный Герой ,
Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій ,
Начальникъ прежде бывшій твой ,
Въ переднюю къ тебѣ пришедшій
Принявъ по службѣ твоей приказъ ,
Межъ челядью твоей злобою ,
Поникнувъ лавровой главою ,
Сидишь и ждешь тебя ужь часъ !

А шамъ — вдова споишь въ сѣняхъ ,
И горьки слезы проливаешь ,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ
Покрова твоего желаешь :
За выгоды твои , за честь
Она лишилася супруга ;

Въ тебѣ его зная прежде друга,
Пришла мольбу свою принесть.

А шамъ — на лѣсничный восходъ
Прибрелъ на копыляхъ согбенный,
Беспрасный, спарый воинъ пошъ,
Тремя медалями украшенный,
Копораго въ бою рука
Избавила тебя отъ смерти:
Онъ хочешь руку шу просерши
Для хлѣба отъ тебя куса.

А шамъ — гдѣ жирный песъ лежишь,
Гордишься врашникъ галунами,
Займодавцевъ полкъ спойшь,
Къ тебѣ пришедшихъ за долгами.
Проснися, Сибаришь! — Ты спишь,
Иль только въ сладкой нѣгѣ дремлешь;
Несчастныхъ голосу не внемлешь,
И въ развращенномъ сердцѣ мнишь:

»Мнѣ мигъ покоя моего
Пріятнѣй, чѣмъ въ Испоры вѣки;
Жишь для себя лишь одного,
Лишь радостей умъшь пишь рѣки,
Лишь въпрокъ плышь, гнѣсь чернѣ ярмомъ;
Спыдь, совѣсь — слабыхъ душъ превога!
Нышъ добродѣтели! нышъ Бога!
Злодѣй, увы! . . . и грянуль громъ»

Блаженъ народъ, который полнъ отъ дѣла
Благочестивой Вѣры къ Богу,
Хранишь Царевъ всегда законъ,
Чшишь нравы, добродѣтель спрогу
Наслѣднымъ перломъ женъ, дѣшей,
Въ единодушїи — блаженство,
Во правосудїи — равенство,
Свободу — во уздѣ спрасшей!

Блаженъ народъ, гдѣ Царь главой,
Вельможи — здравы члены шѣла,
Прилѣжно долгъ всѣ правяшь свой,
Чужаго не касаясь дѣла;
Глава не ждешъ опъ ногъ ума,
И силъ у рукъ не опнимаешъ;
Ей взоръ и ухо предлагаешъ,
Повелѣваешъ же сама.

Симъ швердымъ узломъ еспешва
Коль Царство лишь живешъ счастливымъ, —
Вельможи! славы, шоржества
Иныхъ вамъ нѣтъ, какъ бышь правдивымъ,
Какъ блюшъ народъ, Царя любишь,
О благъ общемъ ихъ спарашся,
Змѣей предъ шрономъ не сгибаешься,
Спояшь и — правду говоришь.

О Росскїй бодршвенный народъ,
Опечески хранящїи нравы!
Когда разслабъ весь смершнихъ родъ,
Какой ты не причашень славы?

Какихъ въ шебъ Вельможей нѣтъ? —
Топъ храбрымъ былъ средь бранныхъ звуковъ;
Здѣсь далъ безспрашный Долгоруковъ
Монарху грозному отвѣтъ.

И въ наши вижу времена
Того я славнаго Камилла,
Кошораго шруды, война
И спаросъ духъ не утѣмила.
Отъ грома звучныхъ онъ побѣдъ
Сошелъ въ шалашъ свой равнодушно,
И отъ сохи опять послушно
Онъ въ полъ Марсовомъ живешь.

Тебѣ, Герой! желаній мужъ!
Не роскошью Вельможа славный,
Кумиръ сердецъ, плѣнителей душъ,
Вождь, лавромъ, маслиной вѣнчанный!
Я праведну здѣсь пѣснь воспѣлъ.
Ты ею славься, утѣшайся, —
Борись вновь съ бурями, мужайся,
Какъ юный возносись орелъ.

Пари — и съ высоты нѣбъ
По мракамъ смутнаго эира
Громовой пролети струей;
И, опочивъ на лонѣ мира,
Возвесели еще Царя. —
Проспри швой поздній блескъ въ народъ,

Какъ отдаешь свой долгъ Природѣ
Румяна вечера зоря.

LXII.

КЪ Н. А. ЛЬВОВУ.

Спокрашъ благословенъ тошъ смершнй ,
Кого не шягошишь печаль ,
Ни завистъ пошасеннымъ вздохомъ ,
Ни гордостъ громогласнымъ смѣхомъ
Не жмушь , не гоняшь ошъ Двора.

Сокрыша жизнь швоя въ деревнѣ
Течешъ шеперь , о милый Львовъ !
Какъ свѣшлый межъ двѣшовъ источникъ
Въ лѣсу дремучемъ. — Пусшь другіе ,
Вмосшась , изъ шерема глядяшь ,

Какъ на злашья колесницы
Зъваешъ чернь , какъ рапный спрой
Въ глаза ей мещешъ блескъ ошъ ружей ,
И какъ она , волнамъ подобно ,
Ошъ бурь , ошъ всадниковъ бѣжишь ;

Какъ вишязи въ вѣкахъ позднѣйшихъ
Въ мѣди , или въ мраморъ себя

Со удивленьемъ созерцающъ,
И плещущъ ужъ заранъ въ длани,
Что ихъ народъ богошворишъ.

Но ты уменъ; ты доспигаешь,
Что пошъ любимецъ лишь Небесъ,
Который подъ шумкомъ пошока
Иль сладко спитъ, иль воспѣваетъ
О Богъ, дружбѣ и любви.

Воспокъ и западъ разспилающъ
Ему свой пурпуръ по пущамъ;
Ему благоухающъ травы,
Древесиы помагающъ въшви,
И свищешъ громко соловей.

За нимъ раскаянье не ходишъ
Ни между нивъ, ни по садамъ,
Ни по холмамъ, покрышымъ спадомъ,
Ни межъ озеръ и кушъ пріятныхъ;
Но всюду радость и воспоргъ.

Труды крѣпяшъ его здоровье;
Какъ воздухъ, кровь его легка;
По упру, какъ зефиръ, лешаешъ
Веселы обозрѣшъ работы,
А завпракашъ спѣшишъ въ свой домъ.

Тышъ нѣжна, милая супруга —
Какъ лень пушисшъ, ея власы —
Снѣгоподобною рукою

Взявъ шишо , брано полощенцо ,
Спираешъ попъ съ его чела ;

Цѣлуя раскраснѣвши щеки ,
На пальцы посмопрѣшь велишь ,
Гдѣ по соломѣ разной шерстью
Луга , цвѣты , пруды и рощи
Градской своей подругѣ шьешъ .

«О если бы» — она вѣщаетъ —
«Могло искусство, какъ Природа,
Вливать въ сердца свою пріятность :
Сии каршины наши сельски
Къ намъ нашихъ созвали бѣ друзей !»

«Моя подруга черноброва ,
Любезна , мила горожанка ,
На нивахъ злашомъ здѣсь плѣнившись ,
Преспалабъ наряжать въ шумиху
Свой въ градъ храмовидный домъ .»

«Ахъ , милая !» — онъ опвѣчаетъ
Съ улыбкой и со вздохомъ ей —
«Уже ль тебѣ шо не извѣстно ,
Чшо ослѣпленнымъ жизнью дворской
Природа самая мершва ?»

— Грусть тяжкая , милая грусть —

LXIII.

ПРОВИДѢНІЕ.

Изъ сада , и зимой цвѣшуща ,
Чершого вѣчныя весны ,
Въ величествѣ земнаго Бога ,
Е к а т е р и н а , кинувъ взглядъ
На злобисерное небо ,
На синюю Неву стоящу ,
Гоповую пуспихся въ Бельшъ ,
И обозрѣвъ вокругъ Петрополь ,
Улыбкою , веснѣ подобной ,
Даришъ опраду всѣмъ и жизнь ;

И видя , что вдали , въ помлени ,
Со льдами бьешся человѣкъ ,
Всесильный перспъ къ нему просперши ,
Велишъ его извлечь изъ волнъ .
Лешяшъ крылапы Серафимы ,
Усердьемъ пламенные слуги ,
И волю божества шворяшъ :
Едва прошло одно мгновенье ,
Уже изъ бездны водной , шемной ,
Изъяшъ , испоргнушъ , извлечень .

На швердомъ берегъ гранишномъ
Проспершъ полмершвый , блѣдный шрупъ ,

Убогимъ рубищемъ одѣтый;
На посинѣлыхъ смерть усахъ,
И еле слышима дыханье:
Но, Провидѣніе и Благоспѣхъ!
Творите вы лишь чудеса.
Какъ опдыхаетъ злѣкъ отъ мраза,
Какъ изъ тумана всходитъ солнце,
Такъ возвращаете вы жизнь!

Ужъ теплоща лѣпится въ жилахъ,
И внемлетъ ихъ бѣенье врачъ;
Ужъ по челу и по ланитамъ
Проникъ багряный огонь, — и грудь,
Какъ ссѣдая морская пѣна,
Зефиромъ зыблется и дышетъ,
Являя чувствіе и жизнь:
Въ лицѣ прекрасномъ, юномъ, нѣжномъ,
Воскресли розы и лилеи,
И въ нихъ предспала дѣва намъ.

Ведущъ ее передъ чертоги,
И вопрошаютъ съ вышины:
«Кто ты? зачѣмъ вдалась въ опасность?» —
Она отвѣтствуетъ, склонясь
(Въ очахъ ея видна невинность):
«Чтобъ искупить залогъ священный,
Родительскій послѣдній даръ,
Я шла, на Бога уповаю;
Я сира: мать, отецъ оставилъ.»
— «Но Я тебя восприму.»

Возвысила Свой гласъ Царица ,
И бросила Свой свѣшлый взоръ .
Уже хищонъ , бѣлѣйшій снѣга ,
И ферези дрогѣя ей
Несущъ , — и на чель высокою
Злапая леша возблиспала ,
Мониспомъ грудь , — и въ даръ еще
Готовяшъ ей богато вѣно ;
Въ дверяхъ женихъ , и смершь гдѣ злилась ,
Тамъ шоржесшвуешъ днесь любовь .

О Провидѣніе ! коль чудны
И благи сушь твои пуши !
Кто звалъ И м п е р а т р и ц у съ прона
И не велѣлъ смиряшъ Ей Царствъ ;
Внесенны удержашь перуны ,
Вѣсы осшановишь Ѳемиды ,
И , опуска правленья руль ,
Въ часы работы черпашъ воздухъ ,
Чшобъ дѣву спасшь ? — Ты , Провидѣніе !
Въ твоей рукъ сердца Царей !

Ты возвратило мнѣ Пльциру !
Тебя , всезряще око , чшчу :
Когда пуши мои невинны ,
Когда я сердцемъ , духомъ чистъ ,
И соблюсти обѣщъ мой Богу
И вѣрность сохранишь Монарху
Дерзаю , на извѣстный рокъ
Теку прошивъ спремленья бурна :

Ты въ сѣни смершной мнѣ подпора ,
А Ты , Е к а т е р и н а , щипъ !

О благодѣшная ! коль можешь
Творцу уподобляшься шварь :
Всѣхъ болѣе имѣюшь право
Великіе на по Цари ,
Когда они съ своихъ пресполовъ
Громами ужасаюшь злобу ,
Блаженствами дождяшь благихъ ,
Ошъ смерти къ живому возводяшь.

И Ты , днесь сирому ущедря ,
Еще подобна Божеству.

LXIV.

М О Й И С Т У К А Н Ъ .

Гошовъ кумиръ , желанный мною !

Рашешъ его изобразилъ :

Онъ хитрою своею рукою

Меня и въ камнѣ оживилъ.

Гошовъ кумиръ ! — и будешь чпишься

Искусство Праксителя въ немъ.

Но мнѣ какою чesью льспишься

Въ безсмертномъ испуканъ семъ ?

Безъ олавныхъ дѣлъ , гремящихъ въ міръ ,

Ничто и Царь въ своемъ кумирѣ.

Ничто! и не живешь пощъ смертный,
О комъ ни малой нѣтъ молвы;
Ни зломъ, ни благомъ не примѣтный,
Во гробъ погребенъ живый.
Но ты, о звѣрскихъ душъ забава,
Убійство, я не льщусь побой:
Башыевъ и Мараповъ слава
Во ужасъ духъ приводишь мой;
Не лучше ли мнѣ бытъ забвенну,
Чѣмъ узами сковать вселенну?

Злодѣйства малаго мнѣ мало,
Большаго дѣлать не хочу;
Мнѣ скиппра Небо не вручало,
И я на Небо не ропщу.
Готовъ я управляться власью;
А если ею и спѣснюсь
Чрезъ зло: моей я низкой часью
Съ прешоломъ свѣша не смѣнюсь.
Та мысль всѣхъ казней мнѣ спрашнѣе:
Предсавишь въ вѣчности злодѣя!

Злодѣй, кошорый самолюбою
И тайной гордоси своей
Всѣмъ жертвуешь; его орудью
Преграды нѣтъ, алчбъ цѣпей:
Внупръ совѣстью своей размученъ,
Внѣ съ радостью губишь другихъ;
Пусъ дерзостью, удачей звученъ,
Но не великъ въ глазахъ моихъ.
Хошя бы богомъ былъ онъ злобнымъ,
Бытъ не хочу ему подобнымъ.

Легко зломъ міръ гремѣшь заславивъ ;
До Героспраша только шагъ ;
Но трудно доблестью прославивъ ,
И воцаришь себя въ сердцахъ :
Вѣкъ должно — добрымъ быть намъ щипъся ,
И плодъ намъ время дасъ одно ;
На зло лишь только бы рѣшишься ,
И въ мигъ содѣлано оно.
Рѣдка на свѣтѣ добродѣтель ,
И рѣдокъ благъ прямыхъ содѣтель.

Онъ рѣдокъ ! — Но какая разность
Межъ славой доброй и худой ?
Чтوبъ имя пріобрѣсть намъ , знаменность ,
И той гремѣшь , или другой ,
Не все ль равно ? когда лишь будешь
Помощь свои знаешь дѣла ,
И злыхъ и добрыхъ не забудешь.
Ахъ , нѣтъ ! — Природа въ насъ влила
Съ душой и отъращенье къ злобѣ ,
Любовь къ добру , — и сущимъ въ гробъ.

Мнѣ добрая пріятна слава ;
Хочу я человѣкомъ быть ,
Котораго спрасшей оправда
Безсильна сердце развращивъ ;
Кого ни мзда не ослѣпляетъ ,
Ни санъ , ни мечь , ни блескъ порфиръ ;
Кого лишь правда научаешь ,
Любя себя , любить весь міръ

Любовью мудрой, просвѣщенной,
По добродѣтели священной;

По ней, копорас составляетъ
Вождей любезныхъ и Царей;

По ней, копора извлекаетъ —
Сладчайши слезы изъ очей.

Эпаминондъ ли защититель,
Или благошворитель Типъ;

Сократъ ли, истины учитель,
Или правдивый Аристидъ:

Мнѣ всѣ ихъ имена почтенны
И испуканы ихъ священны.

Священъ мнѣ паче зракъ Героевъ,
Моихъ любезныхъ согражданъ,

Предъ трономъ, на судъ, средь боевъ —
Душей великихъ Россіянъ;

Священъ! — Но если здѣсь я чести
Современныхъ не возвѣщу,

Бояся подозрѣнья въ лести:

То васъ ли, васъ ли умолчу,
О праотцы, дѣлами славны,

Которыхъ вижу испуканы?

А если древности покровомъ
Кто предо мной изъ васъ и скрытъ,

Въ вѣнцѣ оливномъ и лавровомъ
Великій П е т р ъ, какъ живъ, спойтъ;

Монархи мудры, милосерды,
За нимъ Отецъ Его и Дѣдъ;

Опечесства подпоры шверды,
Пожарскій, Мининъ, Филарешъ,
И ты, другъ правды, Долгоруковъ,
Доспойны вѣчной славы звуковъ.

Доспойны вы! — Но мнѣ ли права
Желашъ — бышъ съ вами на ряду?
Что обо мнѣ расскажешъ слава,
Коль я безвѣстну жизнь веду?
Не спасъ опъ гибели я Царства,
Царей на пронъ не возводилъ,
Не сперь шерпнѣемъ коварства,
Богашствъ моихъ не приносилъ
На жертву, въ подкрѣпленье прона,
И защишишъ не могъ закона.

Увы! — Почпо жъ сему болвану
На свѣшъ мѣсто занимашъ?
Дурную, лысу обезьяну
На смѣхъ ли дѣшамъ предсавляшъ,
Чтобъ видѣли меня пошомки
Подъ паушиною въ пыли;
Рабы спунали на обломки
Мои, лежащи на земли? —
Нѣшъ! лучше бышъ опъ всѣхъ забвеннымъ,
Чѣмъ брошеннымъ и въ вѣкъ презрѣннымъ.

Разбей же, мой вшпорой создашель,
Разбей мой испуканъ, Рашешъ!
Румянцова лица ваяшель
Себъ мной чеспи не найдешъ;

Разбей ! или , поспой не много :
Поищемъ , нѣтъ ли дѣлъ какихъ ,
По коимъ бы , хошя не строга
Судя о качествахъ моихъ ,
Ты могъ оповѣстивать вселенной
За трудъ , надъ мною понесенной .

Поищемъ ! Нѣтъ . — Мои бездѣлки
Безумно сколько уважаешь ;
Дѣла обыкновенно мелки ,
Чтобъ насъ заставилъ обожать .
Хошя бѣ я съ плѣнныхъ снялъ желѣзы ,
Законъ и правду сохранилъ ,
Ошеръ сиротски , вдовы слезы ,
Невинныхъ оправдаешь былъ ,
Органъ Монаршихъ благъ и мира , —
Не стоилъ бы и тушь кумира .

Не стоилъ бы : всѣ знаки чести ,
Дозволены самимъ себѣ ,
Плоды щеславія и лести ,
Монархъ ! посмѣдны и тебѣ .
Желаетъ хвалъ , благодаренья
Лишь низкая себѣ душа ,
Живущая изъ награжденья :
По смерти слава хороша ;
Заслуги въ гробъ созрѣвають ,
Герои въ вѣчности сіяютъ .

Не если дѣлъ и не имѣю ,
За что бѣ кумиръ мнѣ посвящешь :

Въ достоинство вѣнчанъ я смѣю, . . . !
Что зналъ достоинства я чинишь;
Что могъ изобразить Фелицу,
Небесну благость во плоти;
Что пѣлъ я Россовъ шу Царицу,
Какой другой намъ не найши
Ни днесъ, ни впредь, въ пространствѣ міра:
Хвались моя, хвались пѣмъ, лира!!

Хвались! — и образъ мой скудельной
Въ храмъ славы возноси съ собой:
Ты можешь быть споль дерзновенной,
Коль, пихой нѣкогда слезой
Ты взоръ кропя Е к а т е р и н ы,
Могла пріятною Ей быть;
Вносишь, и доспигай вершины,
Чтобы на ней меня вмѣстишь,
Зависниковъ моихъ къ досадѣ,
Въ Ея прекрасной колонадѣ.

На швердомъ, мраморномъ помостѣ,
На мшистыхъ сводахъ межъ столповъ,
Въ мѣди, въ величественномъ ростѣ,
Подъ сѣнью райскихъ вокругъ деревъ,
Пославъ со славными мужами!
Я спану съ важностью стояишь;
Какъ опъ зарей всякъ день лучами,
Опъ свѣшлыхъ Царскихъ лицъ блисташъ,
Недвижимъ вихрями, ни громомъ,
Подъ ихъ божественнымъ покровомъ.

Проспрется облакъ благовонный —
Коврами вокругъ меня цвѣшны...
Посшой, Піишъ, восшорга полный!
Высоко залешъль ужъ ты:
Въ пыли валялись и Омиры;
Попомство грозный судія:
Оно разсмашириваетъ лиры;
Услышишъ гласъ и швоея,
И пальмы взвѣсишъ и перуны,
Кому швои гремѣли спруны.

Увы! легко случишся можешъ,
Поспавяшъ и шебя льсшецомъ:
Кого днесъ шайно злоба гложешъ,
Тошъ будешъ завтра въявъ врагомъ;
Трясушъ и проны люди злые:
То, можешъ бышъ, и швой кумиръ
Черезъ рѣшешки золошныя
Слешишъ и разсмѣшишъ весь міръ,
Сшуча съ крыльца спупень съ спупени,
И скашишся въ древесны шѣни.

Почто жъ позора ждашъ шакова?
Разбей, Рашешъ, мои чершы!
Разбей! . . . Нѣшъ, нѣшъ! еще полслова
Позволь сказашъ себѣ мнѣ шы.
Пушъ шощъ, кшо съ большимъ дарованьемъ
Могъ добродѣшель прославляшъ,
Съ усерднѣйшимъ, чѣмъ я спараньемъ
Желашъ добро и исполняшъ,
Пушъ шощъ, не медля, и рѣшишся, —
И мой кумиръ имъ сокрушишся.

*

Я радъ опечеснва блаженству:
Дай больше Небо шаковыхъ,
Россійской силы къ совершенству,
Сыновъ ей вѣрныхъ и прямыхъ!
Опредѣленія Судьбины
Тогда исполняшся во всемъ:
Доступимъ міра мы середины;
Съ Гангеса злапо соберемъ;
Гордыню усмиримъ Кишая,
Какъ кедръ, нашъ корень утверждая.

Тогда, Каменостьчець хипрый!
Кумиры швоего рѣзца
Живой спруей испускаяшъ искры
И въ внучапахъ возжгушъ сердца.
Смопря на образъ Мараѳона,
Зальешся Ѳемисшокль слезой;
Ошдасшъ Арману П е т р ь полшрона,
Чшобъ правишъ научилъ другой;
Въ ихъ урнахъ Фениксы взродяшся,
И въ слѣдъ ихъ славы воскрисяшся.

А ты, любезная супруга!
Межъ шѣмъ возьми сей ишуканъ;
Спрячь для себя, родни и друга,
Его въ серпяной швой диванъ;
И съ бюсшомъ шамъ своимъ, мнѣ милымъ,
Предъ зеркаломъ ихъ въ рядъ посшавъ,
Во знакъ, чшо съ сердцемъ справедливымъ
Не скрышъ нашъ всѣмъ и виденъ нравъ.

Что слава? — Счастье намъ прямое —
Жить съ нашей совѣстью въ покоѣ.

LXV.

Л А С Т О Ч К А.

О домовиная Ласточка!
О милосизая ппичка!
Грудь краснобѣла, касашочка,
Лѣпная гостыя, пѣвичка!
Ты часто по кровлямъ щебечешь,
Надъ гнѣздышкомъ, сидя, поешь;
Крыльшками движешь, препещешь,
Колокольчикомъ въ горлышкѣ бьешь.
Ты часто по воздуху вьешься,
Въ немъ смѣлые круги даешь;
Иль спелешься долу, несешься,
Иль въ небѣ, проспрыся, плывешь.
Ты часто во зеркалѣ водномъ
Подъ рдяной играешь зарей,
На зыбкомъ лазурѣ бездонномъ
Тѣнью мелкаешь швоей.
Ты часто, какъ молнія, рѣешь
Мгновенно шуды и сюды;
Сама за собой не успѣешь
Невидимы видѣшь слѣды;

Но видишь тамъ всю ты вселенну, —
Какъ будно съ высотъ на коврѣ;
Тамъ башню, какъ жаръ позлащенну,
Въ чешуйчапомъ флотъ тамъ сребрѣ;
Тамъ рощи въ одеждѣ зеленой,
Тамъ нивы въ вѣнцѣ золопомъ,
Тамъ холмъ, синій лѣсъ опдаленной,
Тамъ мошки полкупся сполпомъ;
Тамъ гнуся съ ушеса въ понпъ воды,
Тамъ ласпяся спруи къ брегамъ. —
Всю прелестъ ты видишь Природы,
Зришь лѣпа роскошнаго храмъ;
Но видишь и бури ты черны
И осени скучной приходъ,
И прячешся въ бездны подземны,
Хладѣя зимою, какъ ледъ.
Во мракъ лежишь бездыханна; —
Но только лишь придеши весна,
И роза вздохнешъ лишь румяна,
Встаешь ты опъ мерщваго сна;
Встанешъ, откроешь зѣницы —
И новый лучъ жизни ты пьещъ;
Сизы расправя косицы,
Ты новое солнце поещъ.

Душа моя! гостѣя ты мира:
Не ты ли пернаша сія? —
Воспой же безсмертіе, лира!
Возспану, возспану и я;
Возспану — и въ безднѣ ээира
Увижу ль тебя я, Пльнира?

LXVI.

ПРИГЛАШЕНИЕ КЪ ОБЪДУ.

Шекснинска сперлядь золошая,
Каймакъ и борщъ уже спояшъ;
Въ крафинахъ вина, пуншъ, блиспая
То льдомъ, шо искрами, маняшъ;
Съ курильницъ благовонья льющся,
Плоды среди корзинъ смѣются,
Не смѣюшъ слуги и дохнушъ;
Тебя спола вокругъ ожидая
Хозяйка спашная, младая,
Гошова руку просянушъ.

Приди, мой благодѣшель давный,
Творецъ чрезъ двадцашъ лѣтъ добра!
Приди, — и домъ, хошъ не нарядный,
Безъ рѣзбы, злапа и сребра,
Мой поѣши: его богатство —
Пріятный только вкусъ, опрашество,
И швердый мой, нельспивый нравъ.
Приди опъ дѣлъ попрохладисься,
Поѣспъ, попишъ, повеселишся,
Безъ вредныхъ здравію приправъ.

Не чинъ, не случай и не знашность
На Русскій мой просшой обѣдъ
Я звалъ, — одну благопріятность;
А шошъ, кшо дѣлаешъ мнѣ вредъ,

Пирушки сей не будешь зришель.

Ты, Ангель мой, благошворишель!

Приди, и насладися благъ;

А вражій духъ да опженешся,

Моихъ пороговъ не коснешся

Ни чей недоброхошный шагъ!

Друзьямъ моимъ я посвящаю,

Друзьямъ и красотъ сей день;

Доспоинспвамъ я цѣну знаю,

И знаю то, что вѣкъ нашъ — шѣнь;

Что лишь младенчесшво проводимъ,

Уже ко спароспи приходимъ,

И смершь къ намъ смопримъ чрезъ заборъ:

Увы! то какъ не умудришься,

Хошь разъ цвѣтами не увишься

И не оставишь мрачный взоръ?

Слыхалъ, слыхалъ я шайну эшу,

Что иногда груспишь и Царь;

Ни ночь, ни день покоя нѣшу,

Хошя имъ вся покойна шварь.

Хошя онъ громкой славой знашенъ,

Но, ахъ! и шронъ всегда ль пріятенъ,

Тому, кшо вѣкъ свой въ хлопошахъ?

Тушъ зришь обманъ, шамъ зришь упадокъ:

Какъ бѣдный часовой пошъ жалокъ,

Кшорый вѣчно на часахъ!

И такъ, доколь еще ненашье

Не помрачаетъ красныхъ дней,

И приголубливаешь счастье
И гладишь насъ рукой своей;
Доколѣ не пришли морозы,
Въ саду благоухающъ розы, —
Мы поспѣшимъ ихъ обонять.

Такъ! будемъ жизнью наслаждаться,
И шѣмъ, чѣмъ можемъ, утѣшаться, —
По плашью ноги просягашь.

А если ты, иль кто другіе
Изъ званныхъ милыхъ мнѣ гостей,
Чершогі предпочтя злапые
И ясшва сахарны Царей,
Ко мнѣ не срядишесь опкушашь:

Извольте мой вы шолкъ прослушашь:
Блаженство не въ лучахъ порфирь,
Не въ вкусъ ясшвъ, не въ нѣгъ слуха,
Но въ здравьи и спокойствѣ духа.
Умѣренность естъ лучшій пирь.

LXVII.

СОЛОВЕЙ.

На холмѣ, сквозь зеленой рощи,
При блескѣ свѣшлаго ручья,
Подъ кровомъ шихой Майской ночи,
Вдали я слышу соловья.

По въпрамъ легкимъ, благовоннымъ,
То свистъ его, по звонъ лешишь;
То шумомъ заглушаемъ воднымъ,
Вздыханьемъ сладостнымъ помишь.

Пѣвецъ весеннихъ дней пернашый,
Любви, свободы и ушѣхъ!
Твой гласъ опривный, перекашы
Ошъ грома къ нѣжности, ошъ нѣгъ
Ко плескамъ, прескамъ и перунамъ,
Средь позднихъ, раннихъ красныхъ зарь,
Раздавшись неба по лазурямъ,
Въ безмолвіе приводяшь пварь.

Молчишь пуспыня, изумленна,
И ловишь громъ швой жадный слухъ;
На крыльяхъ эха раздробленна
Плѣняешь пѣснь швоя всѣхъ духъ.
Тобой цвѣщій доль смѣется,
Дремучій лѣсъ пускаешь гуль,
Рѣка бѣгущая чуть льется,
Сстоящій холмъ чело нагнулъ,

И, свѣсясь со скалы кремнистой,
Гушокудрява мрачна ель,
Напѣвъ швой яркій, голосистой
И разсыпную, звонку прель,
Какъ очарованна, внимаешь.
Не смѣешь двинушься луна,
И свѣтъ свой слабо ниспускаешь:
Воспорга мысль моя полна!

Какая громкость, живность, яеность
Въ созвучномъ пѣніи швоемъ,
Сшремишельность, пріятность, кашкость
Между колѣнъ и перемѣнъ?
Ты шелкаешь, крушишь, поводишь,
Журчишь и спонешь въ голосахъ;
Въ забвеніе души ты приводишь,
И опзываешься въ сердцахъ.

О если бы одну Природу
Съ побою взялъ я въ образецъ,
Воспѣлъ боговъ, любовь, свободу;
Какой бы славный былъ пѣвецъ!
Въ моихъ бы пѣсняхъ жаръ и сила
И чувства были, вмѣсто словъ;
Картину, мысль и жизнь явила
Гармонія моихъ стиховъ.

Тогда бѣ, подобно Тимошею,
Въ шапрѣ Персидскомъ я возлегу,
И сладкой лирою моею
Царево сердце двигаю могъ:
То, вспламеня любовной спрасью,
Къ Таисѣ бы его склонялъ;
То, возбуждая грозой, напасью,
Копье ему на брань вручалъ.

Тогда бы я между прудами
На мягку мураву возсѣлъ,
И арфы съ шихими спрунами
Пріятность сельской жизни пѣлъ;

Тогда бы Нимфа мнѣ внимала,
Боясь въ зеркало водѣ взглянуть,
Сквозь дымку бы едва дышала
Ея висока, нѣжна грудь;

Иль храбрыхъ Россіянъ дѣлами
Плѣнясь бы, духомъ возлещалъ,
Героевъ полкъ надъ облаками
Въ сіяньи звѣздъ я созерцалъ:
О коль бы ихъ воспѣлъ я сладко,
Гремя поэзіей моею,
Ошважно, быспро, плавно, крапко,
Какъ ты, о дивный соловей!

LXVIII.

ПАВЛИНЪ.

Какое гордое творенье,
Хвостъ пышно расширя свой,
Чернозелены въ искрахъ перья
Со разсыпною бахрамой
Позади чешуйной груди кажешь,
Какъ нѣкій круглый, дивный щипъ?

Лазурно - сизо - бирюзовы
На каждого концѣ пера
Тѣниспы круги, волны новы

Спруисша злаша и сребра:

Наклонишь — изумруды блещутъ!

Повернешь — яхонты горятъ!

Не то ли славный Царь пернатый?

Не то ли райска пшца Жарь,

Кошорой споль уборъ богатый

Приводишь въ удивленье шварь?

Гдѣ спунишь — радуги играють!

Гдѣ спанешь — шамъ лучи вокругъ!

Конечно, сила и паренье

Орлиныя въ ея крылахъ;

Гласъ трубный, лебедино пѣнье

Въ ея пресладостныхъ устахъ;

А пеликана добродѣтель

Въ ея и сердцѣ и душѣ!

Но что за чудное явленье?

Я слышу нѣкій странный визгъ!

Сей Фениксъ опушилъ вдругъ перья,

Увидя гнусность ногъ своихъ. —

О пышность! какъ ты ослѣпляешь!

И баринъ безъ ума — павлинь.

LXIX.

БОГИНЬ ЗДРАВІЯ.

Здравья Богиня благая,
Въ вѣкъ ты со мною, Гигея, живи!
Въ дни живоша моего
Мнѣ ты соупницей будь!
Если обилье слабишься смертнымъ;
Если гордясь они правовласнымъ
Блескомъ богатства;
Если любви спрасны желанья спремясь
Къ сладкимъ утѣхамъ на лоно;
Если на опчи глаза
Слезы младенецъ нѣжны манишь;
Ежели боги на насъ съ высоты
Дождь благодати кропятъ разнообразный;
Если спокойство опшельныхъ,
Скромна насъ жизнь веселишь.
Всякая радость съ побой благовонный цвѣшетъ;
Если жь, богиня, ты опспунаешь:
Благо съ побой все уходишь отъ насъ.

LXX.

Г О Р Ъ Л К И.

На поприщѣ сей жизни склизкомъ
Всѣ люди бѣгашели суть:
Въ печенѣи дальнемъ, или близкомъ
Они къ мѣшѣ своей бѣгутъ,

И сильный тамо упадаешъ,
Свой кончишь бѣгъ гдѣ не желалъ:
Лежишь; но спорника, мечшаешъ,
Коль не спохнулся бы, догналъ.

Надеждой, самолюбыя дщерью,
Весь возбуждаешся сей свѣшъ;
Всякъ рвеніе прилагашъ къ рвенію,
Чшобъ у переднихъ взять передъ.

Хошь дѣтской сей игрѣ, забавѣ,
И насмѣхаешся мудрецъ;
Но гордый духъ лешишь ко славѣ,
И свящъ ему ея вѣнецъ.

Сіе риспалище опличій,
Соревнованіе честей —
Испочникъ и шворецъ величій
И обоженіе людей.

Она изящнаго содѣшель;
Великольпенъ имъ сей свѣшъ:

Превозможенъе, добродѣшель,
Лишь имъ крѣпиться и расшешъ.

О вы, рожденные Судьбою
Вождами Росскимъ воямъ бышь,
Примѣры подавашъ собою,
И плески міра заслужишь!

Дерзайте! рвеніе полезно,
Гдѣ предстоишь вамъ славы видъ;
Но больше праведно, любезно,
Кто милосердьемъ знаменишь.

Екатеринъ подражая,
Ея спяжайте вы вѣнецъ:
Она, доброшами плѣняя,
Царица подданныхъ сердець.

LXXI.

ХРАПОВИЦКОМУ.

Товарищъ давній, вновь сосѣдъ,
Пріяшній, оспрый Храповицкой!
Ты умный мнѣ даешь совѣшь,
Чшобы владычицъ Киргизской
Я пѣсни пѣлъ,
И лирой ей хвалы гремѣлъ.

Такъ, такъ! за средспвенны спишки
Мониспы, гривны, ожерелья,
Безцѣнны перспни, камешки
Я бралъ съ нея бы за бездѣлья,
И былъ гудкомъ,
Давно Мурза съ большимъ усомъ.

Но ежели наложенъ долгъ
Мнѣ опъ Судебъ и вышня прона,
Чшобъ не лучисшый милый богъ
Съ высомъ лазурна Геликона

Меня внушалъ,
Но я экспракшы бѣ сочинялъ;

Былъ чпецъ и пономарь Ѳемиды,
И ей служилъ предъ олшаремъ, —
Какъ омофоромъ опъ обиды
Однихъ покрывъ, другихъ мечемъ
Своимъ спрашишь,
И счастье всѣмъ она дарить:

То какъ Я. оставишь,
Копораго весь міръ пѣснишь?
Какъ Л. дашь оправить,
Копорый золошомъ гремишь?
Боговъ пѣвецъ
Не будешь никогда подлець.

Ты самъ со временемъ осудишь
Меня за мглисшый ѳиміамъ;
За правду жь чпишь меня шы будешь:

Она любезна всѣмъ вѣкамъ;
Въ ея вѣнцѣ
Свѣплѣешь Царское лице.

LXXII.

У Р Н А.

Сраженного косою Сатурна,
Кого средь воющихъ здѣсь роцъ
Печальная сокрыла урна
Во мрачну, непробудну ночь?
Кому на ней чудесь картина
Во мраморъ изражена?
Крылашый жезлъ, кошурнъ, личина,
Рѣзецъ и съ лирой кисть видна!

Надъ кѣмъ сей мавзолей священный
Вкругъ опѣняешь кипарисъ, . . .
И лира гласы шлеть плачевны?
Кто? Меценатъ, или Медикъ . . .
Тутъ орошается слезами?
Чьи блѣдныя лица черны
Луной блистають межъ вѣшьями?
Кто зришься мнѣ? — Шуваловъ, шы!

Ахъ, шы! — Могу ль тебя оставивъ
Безъ благодарной пѣсни я?

Тебя ли мнѣ, себя ль не славишь?
Я твой помощецъ и — судья.
О нѣшъ! — ужь Муза возлещаетъ
Моя ко облакамъ злымъ,
Въ слѣдъ выпреннихъ Пѣвцевъ дерзаетъ
Воспѣшь тебѣ надгробный гимнъ.

Смерть мужа праведна — прекрасна!
Какъ умолкающій органъ,
Какъ лучъ послѣдній солнца ясна
Блещаетъ, понесъ въ океанъ:
Подобно въ неизмѣрны бездны,
Отъ міра тѣнистаго спѣша,
Лепишь сквозь мириады звѣзды
Блаженная твоя душа;

Или, какъ странникъ, путь опасный
Прошедшій межъ стремнинъ и горъ,
Змѣй слыша свистъ, львовъ ревъ ужасный,
Позады себя во тмѣ, и зорь
Отъ зубъ ихъ отвращая, взбѣгаетъ
Съ весельемъ на высокій холмъ:
Отъ міра духъ твой возлещаетъ
Такъ въ вѣчности въ прекрасный домъ.

Коль тѣнь и прооброзованье
Небеснаго сей дольний міръ,
Съ вышью лазурныхъ восклицанье
И сладкое согласье лиръ
Я слышу; вижу: душъ блаженныхъ
Полки встрѣчаютъ тебя идушь!

Въ эфирныхъ ризахъ, позлащенныхъ,
Торжественную пѣснь поюшъ:

»Гряди къ намъ, новый неба житель!
И, опрысая прахъ земной,
Войди въ неплѣнную обитель,
И съ высоты ея свяшой
Воззри на доль швой смертный, слезный,
На жизнь швою, и наконецъ
За подвиги швой полезны
Прими возмездіа вѣнецъ!

»Ты бѣдныхъ былъ благошворитель,
И — вѣчныхъ насладися благъ;
Ты просвѣщенъ былъ любитель,
И — Божества сіяй въ лучахъ;
Ты поощрялъ пѣть славу Россовъ,
Ты чтилъ Петра, Елисаветъ:
Внимай, какъ звучно Ломоносовъ
Здѣсь славу вѣчную поешъ!

Поэзіи безсмертно пѣнье
На небесахъ и на земли;
Топъ будешь гробъ у всѣхъ въ почтеньѣ,
Надъ коимъ лавры расцвѣли.
Науки сѣялъ благошворной
Рукой, и возвращалъ, любя:
Свѣтъ опъ лампы благовонной
Возблещешь вѣчно чрезъ тебя.

Планета ты, что съ солнца міра

Лучи бросала на другихъ;
Ты въ славѣ не являлъ кумира;
Ты видѣлъ смертныхъ, слышалъ ихъ.
Каршина ты, копорой ты
Не рама въ золотѣ — хвала;
Великолѣпіе — для черни;
Для благородныхъ душъ — дѣла.

Но мраченъ, темень сердца свѣшокъ:
Въ немъ скрыты нашихъ чувствъ черны;
Оселокъ честности — прибытокъ:
На немъ блискалъ, какъ злобо, ты.
Какъ полное масрикъ кадило,
Горя, другимъ ты запахъ далъ;
Какъ полное лучей свѣсило,
Ты дарованья озарялъ.

О сколько юношей побою
Познанія пріяли свѣтъ!
Какою пламенной спруею
Сей свѣтъ въ попомство пропечешь!
Надъ царедворцовой могилой,
Надъ вождемъ молненосныхъ грозъ,
Когда раздася вздохъ унылой —
Сверкнешъ здѣсь искра нѣжныхъ слезъ.

Стой, урна, вѣчно невреждена,
Шувалова являя видъ!
Будь лирами Пшшовъ чшима:
Въ тебѣ предсташель ихъ сокрышь.
Внуши, шверди его доброшы

Сей надписью Вельможамъ въ слухъ:
»Онъ жилъ для всенародной льготы
И покровительства Наукъ.«

LXXIII.

ОБЪ УДОВОЛЬСТВИИ.

Прочь, буйна чернь, непросвѣщенна,
И презираемая мной!
Проспрись вокругъ тишина священна!
Плѣнилъ меня воспоргъ свяшой!
Высоку пѣснь и дерзновенну,
Неслыханну и невнушенну,
Я слабымъ смертнымъ днесъ пою:
Всякъ преклони главу свою.

Сидящъ на пронахъ возвышенны
Надъ всей вселенною Цари;
Ужасной спражей окруженны,
Подъемля скиптры, судящъ при;
Но Богъ естъ вышній и надъ ними:
Блистая молнѣями Своими,
Онъ свергъ Гигантовъ съ горнихъ мѣстъ,
И перспомъ водишь хоры звѣздъ.

Пусшь занялъ юными древами
Топъ область цѣлую подъ садъ;

Тошъ гордь пороною, чинами;
Предъ шѣмъ полки рабовъ спояшъ,
А сей звучишъ трубой военной;
Но въ урнѣ рока неизмѣрной,
Кпо малъ и кпо великъ, забвенъ;
Своимъ всякъ жребьемъ надѣленъ.

Когда мечъ острый, обнаженный,
Злодѣя надъ главою висишъ,
Обиліемъ опягощенный
Его споль вкусный не прельспишъ;
Ни нѣжной ципры гласъ звенящій,
Ни пшицъ весеннихъ хоръ гремящій
Ужъ чувствъ его не усладяшъ,
И крѣпка сна не возвращашъ.

Сонъ сладосный не презираешъ
Ни хижинъ бѣдныхъ поселянъ,
Ниже дубравъ не убѣгаешъ,
Ни низменныхъ, ни пихихъ спрацъ,
На коихъ по колосьямъ нивы
Подъ шѣною облаковъ игривый
Перебираешся Зефиръ,
Гдѣ царствуешь покой и миръ.

Кпо хочешъ только, что лишь нужно,
Тошъ не забоишся никакъ,
Что море взволновалось бурно;
Что, огненный вращая зракъ,
Медвѣдица нисходишъ въ бездны;
Что левъ, на сводъ несяся звѣздный,

Ошъ гривы сыплешъ вокругъ лучи;
Чшо блещешъ молнія въ ночи;

Не безпокоишся, чшо градомъ
На холмахъ виноградъ побитъ;
Чшо проливныхъ дождей упадомъ
Надежда, цвѣшъ полей не льспишъ;
Чшо жрешъ и мразъ и зной жестокій
Поля, лѣса, а тамъ въ глубоки
Моря опломки горъ валяшъ,
И рыбъ въ жилищахъ ихъ шѣсняшъ.

Здѣсь понешъ зиждущихъ плошину
Работниковъ и зодчихъ шма,
Запѣмъ, чшо спали Власшелину
На сушѣ скучны шерема;
Но и средь волнъ въ черпоги входишъ
Спрахъ; грусь и тамъ Вельможъ находишъ;
Рой сукъ за кораблемъ жужжишъ,
И въ слѣдъ за всадникомъ лепишъ.

Когда ни мраморы прекрасны
Не ушояють скорби мнѣ,
Ни пурпуръ, чшо, какъ облакъ ясный,
На свѣшлой блещешъ вышинѣ;
Ни грозды, сокомъ наполненны,
Ни вина, вкусомъ драгоцѣнны,
Ни благовонья аромашъ
Минушы жизни не продляшъ:

Почшо жъ великолѣпьемъ пышнымъ,

Удобнымъ зависть возраждашь,
По новымъ черпежамъ опличнымъ
Огромны зданья созидашь?
Почто спокойну жизнь, свободну,
Мнѣ всѣмъ пріятну, всѣмъ довольну,
И сельскій домикъ мой — желашь
На свѣплый блескъ Двора мѣняшь?

LXXIV.

НА ВОРОЖБУ.

Не любопытствуй запрещеннымъ
Халдейскимъ мудрованьемъ знашь:
Какая естъ судьба рожденнымъ,
И сколь намъ долго проживашь?
Полезнѣе о томъ не вѣдашь
И не гадашь, что будешь впредь;
Ни лиха, ни добра не бѣгаешь,
А принимаешь, что ни придетъ.

Пустъ боги свыше посылають
Жестокій зной, иль лютый мразь;
Пустъ бури грозы повпоряють,
Иль грянешь громъ въ послѣдній разъ:
Что нужды? — Будь мудрый, чѣмъ прежде;
Въ прокъ винъ не запасай драгихъ;

Обрѣзывай крилъ надеждъ
По краткости шь дней своихъ.

Такъ! время злое быспрошечно,
Лешишь межъ шѣмъ, какъ говоримъ;
Щипли жъ веселіе сердечно
Съ шѣхъ розъ, на кои мы глядимъ;
Красуйся дня сего благими;
Пей чашу радости шеперь;
Не льспись горами золошыми,
И будущему дню не вѣрь.

LXXV.

ПОХВАЛА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ.

Блаженъ, кшо, удалясь отъ дѣль,
Подобно смершнымъ первороднымъ,
Орешъ опеческій удѣль
Не откупнымъ шрудомъ, — свободнымъ,
На собспвенныхъ своихъ волахъ;

Кого ужасный гласъ, отъ сна
На брань, шрубы не возбуждаешъ,
Морская не спрашишь волна,
Въ судъ ябеда не призываешъ,
И господамъ не бьешъ челомъ;

Но садишь онъ въ саду своемъ
Кусты и овощи цвѣшущи,
Иль дикихъ древъ, кривымъ ножомъ,
Обрѣзавъ пни, и плодъ дающи
Черенья прививаешь къ нимъ;

Иль зришь вдали ходящій скотъ,
Рычащій въ выющихся долинахъ;
Иль перечищенную льешь
И прячешь папоку въ кувшинахъ,
Или сприжешь своихъ овецъ;

Но осень, какъ главу въ поляхъ,
Гордясь, съ плодами возвышаешь,
Какъ радъ, что рвешь ихъ на вышвахъ,
Привишыхъ имъ, — и посвящаешь
Даръ Богу, пурпура краснѣй.

На брегъ ли въ правъ густой,
Подъ дубъ ли древній онъ ложился;
Въ лѣсу гамъ пшицъ, съ скалы крупной,
Журча, къ нему ручей спремился,
И все наводишь сладкій сонъ.

Когда жь гремѣщій въ пучахъ Богъ
Покроетъ землю всю снѣгами,
Звѣрей онъ ищетъ слѣдъ и логъ;
Тамъ зайца гонишь, правишь псами,
Здѣсь ловишь волка въ пенеша;

Иль понкѣ въ гумнахъ силки

На куропашокъ разспавляешъ,
На рябчиковъ въ кустахъ пружки:
О коль пріятну получаетъ
Награду за свои труды!

Но будетъ ли любовь припомъ
Со прелесными ея забыша,
Когда прекрасная лицомъ
Хозяйка мила, домовица,
Печется о его дѣшяхъ?

Какъ ею, Русскихъ честныхъ женъ
По древнему обыкновенью,
Весь бытъ хозяйской снаряженъ!
Домъ шепль, чистъ, свѣплъ, и къ возвращенью
Съ охопы мужа сполъ накрытъ:

Бушылка добраго вина,
Въ прокъ пива Русскаго варена,
Съ грѣнками коновка полна,
Изъ коей клубомъ лѣзетъ пѣна,
И се уже обѣдъ гошовъ.

Горшокъ горячихъ, добрыхъ щей,
Копченой окорокъ подъ дымомъ:
Обсаженный семьей моею,
Средь коей самъ я господиномъ,
И шупъ-шо вкусенъ мнѣ обѣдъ!

А какъ жаркой еще баранъ
Младой, къ Пешрову дню блюденый,

Капусты сочныя качанъ,
Пирогъ, груздями начиненый,
И нѣсколько молочныхъ блюдъ:

Тогда-шо усприцы, го-гу,
Всѣхъ мушелей заморскихъ грузы,
Лягушки, фрикасе, рагу,
Чѣмъ окормляютъ насъ Французы,
И ужь ничто не вкусно мнѣ.

Межъ тѣмъ пріятно изъ окна
Зрѣшь карду съ пучными волами:
Кобыль, коровъ, овецъ полна;
Дворъ рѣзвыми кишишь рабами:
Какъ весель шаковый обѣдъ! —

Такъ опкупщикъ вчерась судилъ,
Сбираясь бытъ поселяниномъ;
Но правежемъ долги лишь сбрилъ,
Оспался паки мѣщаниномъ,
А нынѣ деньги опдалъ въ ростъ.

LXXVI.

ПОХВАЛА ЗА ПРАВОСУДИЕ.

Кто сей изъ смершныхъ дерзновенной,
За правый судъ чшо возжелалъ
Вънца отъ Испины священной
И лиры моя похвалъ?

Кто сей, спяжалъ копорый право
Людей сердечны сгибы знашь:
Что свято въ нихъ, и что лукаво,
Во внутренности душъ чишаешь?
Кто думаетъ на лица сильныхъ
Не зрѣшь, и на мольбы друзей?
Отъ красоты очесъ умильныхъ
Щипишься должнѣе броней?
Кто блескомъ не прельстился злата,
Въ груди сіяющей звѣздой?
Кому взглядъ Царскій, ихъ палаша,
Магничной не были спрѣлой?
Кто забывалъ враговъ обиды,
Отъ мести отвращалъ свой взоръ?
Прошивны, благосклонны виды,
Кому не вкрались въ приговоръ?
Кто хладно зрѣлъ на пиръ, забаву,
Подъ сѣнью роскоши не мѣлъ;
Заслуживашъ мірскую славу,
И презираешь ее умѣлъ;
Здоровья не щадя, сквозь ночи
Просиживалъ за грудой книгъ;
Ошеръ невинныхъ слезны очи,
И пушъ пресѣкъ ко злобѣ злыхъ?
Кто, слабостъ смертныхъ ощущая,
Соблюлъ законовъ строгій долгъ,
Себя во ближнемъ осуждая,
Былъ вкупѣ человекъ и Богъ?
Не онъ ли есть зеркало чести?
Не онъ ли образецъ судей?
Премудръ, и глухъ ко гласу лести?

Не просишь похвалы ни чьей. —
Такъ, Князь! держись и ты сихъ правилъ,
И вѣрь, что похвала — мечпа:
Счастливъ, коль опличаешь Павелъ,
И совѣсь у тебя чиста!

LXXVII.

Б У Р Я.

Судно, по морю носимо,
Рѣшь между черныхъ волнъ;
Бѣлы горы идушь мимо:
Въ шумъ ихъ надеждъ я полнъ.

Кто изъ пучь бѣгущей пламени
Гасишь надъ моей главой?
Чья рука за швердый камень
Малый челнъ заводишь мой?

Ты, Творецъ, Господь всеильный,
Безъ Кошораго и власъ
Не погибнешь мой, единый,
Ты меня отъ смерти спасъ!

Ты мнѣ жизнь мою пробавилъ!
Весь мой духъ Тебѣ открытъ;
Въ сонмъ Вельможъ меня пославилъ:
Будь средь нихъ мой вождь и щипъ.

ХРАПОВИЦКОМУ.

Храповицкій! Дружбы знаки
Вижу я къ себѣ свои:
Ты ошибки, лести и враки
Кажешь праведно мои;
Но съ тобой не соглашуся
Я лишь въ томъ, что я орелъ.

А по своему коль спанешь,
Ты мнѣ пумы развяжи;
Гдѣ свободно громъ мой грянешь,
Ты мнѣ небо покажи;
Гдѣ я въ поприще пушуся
И препонъ бы не имѣлъ?

Гдѣ чертогъ найду я правды?
Гдѣ увижу солнце въ шмѣ?
Покажи мнѣ шы ограды
Хоть близъ шрона въ вышинѣ,
Чтобъ гдѣ правду допускали
И любили бы ее.

Спраха связаннымъ цѣпами
И рожденнымъ подъ жезломъ,
Можно ль орлими крылами
Къ солнцу намъ парить умомъ?

А хопя бѣ и возлещали, —

Чувствуемъ ярмо свое.

Должны мы всегда спарашься,

Чшобы сильнымъ угождашь,

Ихъ любимцамъ поклоняшься,

Словомъ, взглядомъ ихъ ласкашь.

Рабъ и похвалишь не можешь:

Онъ лишь можешь только льспишь.

Извини жь, мой другъ, коль леспно

Я кого гдѣ воспѣвалъ:

Днесъ скрываешь мнѣ шѣхъ безчестно,

Разъ кого я похвалялъ.

За слова — меня пусть гложешь,

За дѣла — саширикъ чпишь.

LXXIX.

КОЛЕСНИЦА.

Течешъ злашая колесница

По расцвѣшающимъ полямъ;

Съдящій, правящій возница,

По конскимъ напянувъ хребтамъ

Блещащи вожжи, держишь спройно,

Искусшвомъ сравнивая ихъ,

И въ дальнемъ поприщѣ спокойно

Часть I.

Осаживая скокъ однихъ,
Другихъ же къ бѣгу побуждая,
Прилѣжно взорами блюдешь;
Къ одной мѣшѣ ихъ направляя,
Грозилъ бичемъ, иль имъ ихъ бьешъ.
Живошныя, ошважны, горды,
Подъ хитрой ѣздока уздой
Лишенны дикія свободы
И сопряженны межъ собой,
Едину волю соспавляютъ,
Взаимной силою везутъ;
Хотъ подъ ярмомъ себя счищаютъ,
Но спавя славой общій трудъ,
Дугой нагнувъ волнистыя гривы,
Бодрятся, рѣзвятся, бѣгутъ,
Великолѣпный и красивый
Видъ колесницъ придають.
Возница вожжи ослабляетъ,
Смирительствомъ коней убѣдая;
Вздремалъ, — и шупъ въ распахъ мелькаетъ
Надъ ними черна шѣнь, вѣяетъ,
Коварныхъ врановъ, своевольныхъ:
Кричатъ и, пошумная шупъ,
Пужаютъ коней шоль покойныхъ. —
Дрожатъ, храпятъ, ушами прыгаютъ,
И списнувъ спаль во рту зубами,
Изъ рукъ возницы вожжи рвутъ,
Бросающа, и прахъ ногами
Какъ вихоръ подъ собою выютъ;
Какъ стрѣлы, изъ лука пущенны,
Лешатъ они во весь опоръ.

Опѣ сна возница возбужденный,
Поспѣшно открываетъ взоръ. . .
Уже колеса позлащенные
Какъ огонь, сквозь пыль кружась, гремятъ:
Бздохъ, ихъ шумомъ усрашенный,
Вращая поблѣдный взглядъ,
Хватаетъ вожжи, но ужъ поздно:
Зовешь по именамъ коней,
Кричишь, и ихъ смиряешь грозно;
Но ужъ они его рвчей
Не слушающъ, не понимающъ,
Не знающъ голоса шого,
Кто ихъ любилъ, кормилъ, — пыхающъ
И звѣрски взоры на него
Бросающъ спрашными огнями.
Ужъ дымъ съ ихъ жаркихъ мордъ валишь,
Со ребръ лѣтся потъ рѣками,
Со спинъ паръ облакомъ лешишь,
Со броздъ кровава пѣна клубомъ
И волны опѣ копышь шекушь.
Уже, въ жару яресь сугубомъ,
Другъ друга жмушь, кусающъ, бьюшь,
И по распушьямъ мчасъ въ разспройсшвъ,
Какъ бы волшебствомъ обуявъ,
Рвушь збрую въ злобномъ своевольсшвъ,
И цѣли своея не знавъ,
Крушашъ подножье, ось, колеса:
Возница падаетъ подъ нихъ.
Безъ управленья, перевѣса,
И колесница въ мигъ,
Какъ лодка, бурей усшремленная

Безъ кормщика, снашей, средь волнъ,
Разломанна и раздробленна
Въ ровъ мрачный вержешся вверхъ дномъ.

Раззбруенные Буцефалы,
Томясь опъ жажды, опъ алчбы,
Черезъ камни, пни, бугры, забрамы
Несущся, скачущъ на дыбы
И, что ни встрѣшашъ, сокрушающъ.
Отвсюду слышанъ вопль и стонъ;
Кровавы рѣки прошекающъ;
По спогнамъ мершвыхъ миллионъ!
И въ щоль оспервененьи люпомъ,
Всѣ силы сами поперявъ,
Падущъ спремглавъ смердящимъ шрупомъ,
Безумной воли жершвой спавъ.

Народъ успроенный, блаженный
Подъ Царскимъ нѣкогда вѣнцемъ,
Чей вкусъ и разумъ просвѣщенный
Европъ были образцемъ;
По легкоспи своей извѣстный,
По оспрошъ своей любимъ,
Бывъ добрый, вѣрный, нѣжный, честный
И преданный Царямъ своимъ —
Не шы ли въ спрашной сей каршинъ
Мнѣ представляешься шеперь,
Химеръ опушанъ въ паушинъ,
Изъ чловѣка люшый звѣрь?
Такъ! шы, о Франція несчастна,
Примѣрь безвѣрья, безначальшвъ,

Вершеть убійства преужасна,
Гнѣздо безнравья и нахальствъ.
Такъ! ты, на коей тяжку руку
Мы зримъ разгнѣванныхъ Небесъ,
Урокъ печальный и науку,
Свѣтъ изумляющія весь.
Отъ Философовъ просвѣщенья,
Отъ лишней Царской доброты,
Ты пала въ хаосъ развращенья
И въ бездну вѣчной срамоты.

Увы! доколь слышны стоны,
И во крови земля кипитъ?
Ревущъ пожара спрашны волны?
Или предѣлъ ихъ Небомъ скрытъ?

LXXX.

ФОНАРЬ.

Гремишь органъ на спогнь трубный,
Пронзаешь ночь и пишину;
Очаровашельный огонь чудный
Малюешь на свѣтъ луны:
Въ ней ходяшь стѣни разнородны.
Волшебникъ мудрый, чудотворный,
Жезла движеньемъ, успъ, очесъ,
То ихъ творишь, то испребляешь;
Народъ толпами поспѣшаешь

Смотрѣшь къ нему такихъ чудесъ.

Явись!

И бысть.

Пещеры обиташель дикій,

Изъ пщмы ужасной, превеликій

Выходишь левъ;

Споишь, по гривѣ лапой кудри

Злашья чешешъ, вьешъ хвостомъ;

И ревъ

И взоръ его, какъ въ мракъ бури,

Какъ яры молніи, какъ громъ,

Сверкая по лѣсамъ грохочешъ,

Онъ рыщешъ, скачешъ, пищи хочешъ,

И межъ древесъ

Озѣпя агницу смиренну,

Прыгнувъ, разверзъ ужъ челюсть гнѣвну.

Исчезнь! исчезъ.

Явись!

И бысть.

Средь гладкихъ океана спкляныхъ,

Зарею утренняя румяныхъ,

Спокойныхъ нѣдръ,

Голубосизый, солнцеокой

Усапый, пучный, рыбій князь,

Осепрь,

Изъ влаги появясь глубокой,

Пернапой лысью вкругъ спруясь,

Сквозь водну дверь глядишь, гуляешъ.

Но шущъ ужасный звѣрь всплываетъ

Къ нему изъ безднѣ :
Спрямишъ въ свои водъ рѣки трубы,
И какъ серпы занесъ ужь зубы

Исчезнь! исчезъ.

Спокойсь! —

Явись!

И бысть.

Съ долины мирныя, зелены

Въ полудни лебедь, вознесенный

Подъ облака ,

Веселый гласъ свой ниспускаешъ .

Его долина, роща, холмъ ,

Рѣка

Спокрашно эхомъ повшоряешъ . . .

Но шупъ, какъ быспрый съ свисомъ громъ ,

На рамена его сребриспы

Орель прожорливый, кохшиспый

Упалъ съ небесъ :

Клюешъ, перзаешъ, бьешъ крылами ,

И пухъ лешишъ какъ снѣгъ полями

Исчезнь! исчезъ.

На миръ вступилъ —

Явись!

И бысть.

Спустилось солнце; вечеръ темный

Открылъ на небъ миллионы

Горящихъ звѣздъ.

Огниспы, легки метеоры

Слешаюшъ блестящимъ клубкомъ

Опъ мѣспъ

Превыспреннихъ, — и въ мракъ взоры ,

Какъ искры, веселятъ огнемъ:
Одна на домъ тушъ упадаетъ,
Раздуша въшпромъ, зажигаешъ,
И въ пламя городъ весь!

Сшолбомъ дымъ, жупель въ воздухъ вьешся,
Пожаръ, какъ рдяны волны, льешся.
Исчезнь! исчезъ.

Явись!

И бышь.

Торговый госрь, смотря на счешы,
Опъ жажды къ лапу и забошы,
Хотя дрожишь

Товарищей надъ барышами,
Въ пай дѣля шовары ихъ;
Но бдишь

И ползаешъ надъ чершежами
Всечасно спранспвievъ морскихъ.

Въ очкахъ его всезряще око,
Ужь судно зришь въ моряхъ далеко
Сквозь сладкихъ слезъ:

На немъ вздушъ парусъ, флагъ, дымъ, пламень,
Близъ приспани подводный камень.
Исчезнь! исчезъ.

Явись!

И бышь.

Орашай нивъ шрудолобивый,
Богобоязнь, шерпѣливый,
Проливъ свой пошъ,

Ходя подъ зноемъ за сохою,

И шукомъ угобзя бразды,

Ждешь годъ

Опъ брошенныхъ его рукою

Съмянъ собравъ себѣ плоды.

Злапымъ колосья сокомъ полны,

Уже колеблюшя, какъ волны,

И пѣнь небесъ

Его шрудъ правый осѣняешь;

Но градъ изъ шучи упадаешь.

Исчезнь! исчезъ.

Явись!

И бысть.

Чеша младая новобрачныхъ —

Въ злапыхъ, блистающихъ, безмрачныхъ

Цѣпяхъ своихъ —

Любви въ блаженствѣ упоаешь;

Преодолевъ препяшства всѣ,

Женихъ

Опъ радости въ воспоргъ шаешь,

И въ плѣнь опдавшися красъ,

Забывъ на ложѣ прежни скуки,

Въ уста ее цѣлуешь, въ руки,

И средь завѣсь

Коснулся ужъ забавъ рукою;

Но блещешь смерть надъ нимъ косою....

Исчезнь! исчезъ.

Явись!

И бысть.

Ошважный, дерзкій вождь, счастливый,

Чрезъ свой пронырливый, кичливый
И швердый духъ
Противны размешавъ знамены,
И на чело свое собравъ
Вокругъ
Съ народовъ многихъ лавръ зеленый,
И Царскія права поправъ,
Въ чаду властолюбивой спрасши
У всей народной силы, власпи
Взялъ перевѣсъ;
Гражданъ не внимашъ добрыхъ спону,
Просперъ десницу на корону . . .
Исчезнь! исчезъ.

Не обавашельный ль, волшебный,
Магическій, сей міръ, фонарь,
Гдѣ видны пѣни перемѣны;
Гдѣ веселяся ими Царь,
Иль Магъ какой, волхвъ непоспужный,
Въ своихъ намѣреньяхъ обширный,
Планешъ кругъ шайно съ вышины
Единымъ перстомъ обращаешъ,
И земнородныхъ призываешъ
Мечшами бышь, иль зрѣшь мечшы?

Почто жь, о смершный дерзновенный,
Невѣжда средь своихъ наукъ,
Лешая мыслями надменный,
Иль ползая въ пыли, какъ жукъ,
Бѣжишь ты счастья за мечшами,
Толь преходящими предъ нами,

Бывъ госпемъ, позваннымъ на пиръ?
Не лучше ль блескомъ ихъ не льстишься;
Но Зодчему Тому дивишься,
Кто создалъ столь прекрасный міръ?

Такъ будемъ, будемъ равнодушно
Мы зришельми Его чудесь,
Что рокъ велишь, шворишь послушно,
Забавой бывъ другихъ очесь.
Пускай Тотъ управляетъ нами,
Кто движетъ солнцами, звѣздами:
Онъ знаетъ ихъ и нашъ конецъ!
Велишь — я возвышаюсь;
Речешь — я понижаюсь.
Сей міръ мечшы: ихъ Богъ шворецъ!

LXXXI.

МУЖЕСТВО.

Что привлекательнѣй очамъ,
Какъ не огня во шмѣ блистанье?
Что восхищительнѣе намъ,
Когда не солнечно сіянье?
Что драгоцѣннѣй запаха есть
Средь всѣхъ сокровищъ нашихъ плѣнныхъ!
Межъ добродѣтелей опмѣнныхъ
Чья мужества превыше чести?

Въ лучахъ, занятыхъ опъ порфиръ,
Видалъ наперсниковъ я счастья;
Зрѣлъ удивляющія мѣръ
Могущество и самовластье;
Сребра зрѣлъ горы на сполахъ,
Вельможъ надменность, роскошь, пышность,
Прельщающую сердце лишность;
Но умъ прямыхъ не зрѣлъ въ нихъ благъ.

При улыбаньи красоты,
Подъ сладкогласіемъ музыки,
Волшебныхъ игръ и дивъ мечты
Меня плѣняли пляски, лики;
Но посреди утѣхъ такихъ,
Какъ чувствва въ нѣгѣ упопали,
Мои желанія искали
Какихъ-то общихъ благъ — моихъ.

Пальмиры пышной и Аѳинъ
Гдѣ были празднества, позоры,
Тамъ нынѣ средь могилъ, пусшынь,
Слѣды звѣрей вспрѣчаютъ взоры.
Увы! въ мѣста унынья, скукъ,
Что красны зданья превратило?
Уединенье водворило
Что въ храмахъ вкуса и Наукъ?

Не злымъ ли зубомъ сщерь ихъ Кронъ?
Не хищны ль варваровъ набѣги?
Нѣтъ, нѣтъ! Великихъ душъ уронъ.
Когда въ объятія вверглись нѣги,

Ко злапу въ цѣпи опдались :
Вмигъ доблести презрѣнны спали,
Подъ тяжесью пороковъ пали,
Имперьи въ прахъ погреблись.

О, если бѣ храбрый Леонидъ
Поднесъ и Зиновія жили,
Не примѣнился бѣ Царствъ ихъ видъ;
Величія бѣ примѣромъ были.
Но жаръ какъ духа попушенъ,
Какъ бѣдноспь пресмыкашья спала,
Увидѣли Сарданапала
На тронъ съ пряслицей межъ женъ.

Ишальи чесшь, Художествъ цвѣшь,
Осшашки древностей безцѣнны!
Безъ Римлянъ, побѣждавшихъ свѣшь,
Гдѣ вы? гдѣ? — Галломъ похищенны!
Безъ бодрспвенной одной главы,
Чѣмъ вознеслась Собійсковъ слава,
Спавъ женъ Цицерою, Варшава
Ужъ не соперница Москвы.

Укрась чело кшо звѣздъ вѣнцемъ,
И обладашелемъ будь міра,
Какъ радуга сіяй на немъ
Багряновидная порфира;
Но если духъ въ немъ слабъ, — полковъ,
Когоршъ его всѣ громы мершвы:
Вожди безъ духа — спраховъ жершвы,
И сущъ рабы своихъ рабовъ.

Такъ доблесть, сердца правоша,
Огонь души небесъ священный,
Проспѣйшихъ нравовъ висоша,
Духъ крѣпкій, сильный, но смиренный,
Творецъ величествъ на земли!
Тобою вои побѣждающъ,
Судьи законы сохраняющъ,
Счастливо царствуютъ Цари.

Тобой преславный родъ Славянъ
Владыкой сдѣлался полсвѣта,
Господь осьми морей, шмы спранъ;
Душа его, побой нагрѣта,
Какихъ вновь дивъ не сошворишь?
Тамъ Гермогенъ, какъ Регуль, спраждешъ;
Ильинъ, какъ Децій, смерти жаждешъ;
Рязановъ Гаму замѣнишь.

Одушевляй Россійску грудь
Всегда, о мужество священо!
Присущственно и впредь намъ будь
Во время скромно, время гнѣвно.
Взлешимъ коль оперенны мы
Твоими спрашными крылами:
Кто вспанешъ прошивъ насъ? — Богъ съ нами!
Мы вспѣнимъ Поншъ, шрахнемъ холмы.

LXXXII.

ДѢВА ЗА АРФОЮ.

Владѣющимъ своимъ першамъ,
О Дѣва! арфы надъ струнами,
Обезпѣлесенъ, обездушенъ,
Я будто испуканъ спою.
Царица жизни ты и смерти,
Силь правишь тысячами, какъ Магъ!
Благоговѣя, чуть шумишь
Вкругъ воздухъ, на себя приникши;
Ко пѣнью своему прикованъ
Споишь, кружась въ вихрь, въкъ,
И шмы веселія въ безмолвьи
Природы всей къ тебѣ влечетъ.
Волшебница! одно свое возрѣнье,
Одинъ твой звукъ — плѣнишь всю тварь.

И звоны, полные души,
Со струнъ роскошно усмремлены,
Какъ Серафимы вновь раждаясь,
Изъ неба порхають, блестящъ;
И какъ, исшекши изъ хаоса
И вихремъ зиждущимъ взнесясь,
Изъ мрака солнца возсіяли:
Твоихъ такъ гласовъ шокъ злашый.
Пріятно, — какъ сребрисшый ключъ,

Журча, по камышкамъ капишся;
Великолѣпно, важно, — вдругъ
Какъ грома съ облаковъ органы;
Спремительно — вдали съ ушеса
Какъ шумный, тѣниспый пошокъ;

Оспрадно — какъ межъ липъ
Тѣниспыхъ, благовонныхъ,
И шепчущихъ осинъ
Влюбленны въперки дышають;
Уныло, мрачно, тяжело, —
По мершвымъ дебрямъ какъ ужасный шорохъ ночи;
И вой, пропяжно исчезая,
Влечется слезною Коцишовой волной.

Но, стой и мнѣ повѣдай, Дѣва:
Въ связи ль съ духами ты небесъ?
И пошь ли ихъ языкъ въ Едемъ,
Музыка коимъ говоришь?

Завѣса опъ очесъ упала! —
Зашворы слуха опперлись!
О Дѣва! — я дышу живѣе:
Иль огонь эфирный, очищая,
Ужъ вихремъ выпры меня несешь?

Мелькають сквозь небесъ раздранныхъ,
Младыхъ духовъ мнѣ въ солнцахъ проны:
За гробомъ ушрения заря!
Прочь, прочь, съ поняшьемъ насъкомыхъ,
Кощуны, прочь! — есть Богъ!

Примечаніе —

LXXXIII.

ОЛЕНИНУ.

Обычьевъ Русскихъ, вида, чувства,
Моей поэзы Изографъ,
Чьего и славный Бришь искусства
Не снесъ, красъ возревновавъ;
Въ чьемъ рашкулъ, мѣлу, чернилахъ
Видна шакъ жизнь, какъ въ паншомимахъ,
Оленинъ милый! вспомяни
Твое мнѣ слово и — черкни.

Предсхавъ мнѣ воина, идуща
Съ прямымъ безспрашіемъ души
На явну смершь, и смершь несуща,
И словомъ, Росса напиши:
Какъ ржешъ предъ нимъ Везувій ярый,
Надъ нимъ дождь искръ, громовъ удары,
За нимъ — скрылъ мракъ его спюны —
Лежапъ Иракловы сполпы!

Тебѣ шакъ! Россу только можно
Ошечества предсхавишь духъ;
Услуги вѣрной ждашь не должно
Ошъ иноспранныхъ слабыхъ рукъ.
И впрямь, огромность Исполина
Кто облечешъ, окромъ сына
Его, и шѣломъ и душой?
Намъ шѣсенъ всѣхъ другихъ покрой.

Когда Наука, иль Природа
Дадуть и духъ и умъ и вкусъ,
Ни чинъ, ни должностъ, ни порода
Быть не прешають друзьями Музъ.
И только ль въ полъ на сраженьи,
И за зеркаломъ дѣль въ вершенъи
Сыновнѣй нуженъ Царству жаръ?
Нѣтъ! проклятъ всякъ сокрывшій даръ.

Три дщери своего рожденья
Судили Небеса посласть,
Чшобъ свѣтъ, красу и утѣшенъе
На землю мрачну проливасть.
Схващясь красавицы руками,
Съ улыбкой, пихими снопами
Проходящъ мѣръ . . . и се въ нашъ вѣкъ
Пришли въ полночь, какъ Пётръ предрекъ.

Пусть духъ Поэта сотворяетъ,
Вливаешь Живописецъ жизнь,
А чувствва Музыкантъ вдыхаетъ
Къ образованью ихъ опчизнь;
И насъ колъ Геніи вдыхающъ,
Ошъ сна съ зарею возбуждающъ, —
Не спыдно ль нѣгу обнимають?
Пойдемъ Сашурна побъждають!

LXXXIV.

КЪ СКОПИХИНУ.

Не блещешь серебро въ скупой
Земль, лежаще сокровеннымъ.
Скопихинъ! врагъ его пы злой,
Упопребленіемъ полезнымъ
Пока своимъ не оцѣнишь,
Сіяющимъ не учинишь.

Безсмертно Мининъ будетъ жить,
Рѣшившійся своимъ имѣньемъ
Москву опъ плѣна свободишь;
И пошъ Д, что съ шерпѣньемъ
Свой вѣкъ казну копилъ, и вдругъ
Далъ миліоны для Наукъ.

О! если Ш. къ днямъ
Своимъ еще прибавилъ вѣку:
То не по шѣмъ своимъ пирамъ,
Что были дивомъ челоуку,
Гдѣ тысячи распочены,
Народъ, Цари угощены;

Гдѣ, какъ въ волшебныхъ нѣкихъ снахъ,
Зимой въ морозъ, прошивъ Природы,
Цвѣщую весну въ садахъ,
Шумящія съ утесовъ воды

И звѣздъ разсыпавъ миллионъ,
Свой домъ представилъ раемъ онъ;

Нѣшъ, нѣшъ! не роскошью такой
Его днесъ въ свѣшъ прославляющъ;
Сполы прошли, какъ сонъ пусшой:
Ихъ госпи скоро забываютъ;
Но шѣмъ обрѣлъ онъ всѣхъ любовь,
Чшо бѣднымъ далъ, больнымъ покровъ.

Сіи щедроты въ родъ и родъ,
Какъ солнечны лучи, не умрутъ;
Со дня ихъ на день блескъ печешъ:
Ошъ Бельша до Амура будутъ
Съ почтеніемъ всѣ зрѣшъ на нихъ,
По сущность учрежденій ихъ.

Преспанъ и пы жишъ въ погребяхъ,
Какъ крошъ, въ ущельяхъ подземельныхъ,
И на чугунныхъ шамъ цѣпяхъ
Сперечь, при блескъ искръ елейныхъ,
Висящи бочки серебра,
Иль лаяшъ псомъ вокругъ двора.

Томимый скорбью водяной
Чѣмъ больше пьешъ, шѣмъ больше жаждешъ;
Вредомъ вредъ умножая свой,
Сугубой слабостию спраждешъ,
Доколь, причину онъ бѣды,
Не выгонишъ изъ жилъ воды.

Лишаясь нѣкихъ пользъ своихъ,
Держа В. равенство
Въ торгу прошиву спранъ чужихъ,
Спяжалъ и честь и благоденство;
Хоть часто чернь и злобный свѣтъ
И добродѣшель зломъ зовешъ.

Но, нѣтъ! Она въ себѣ одной
Всѣ блага смертныхъ заключаетъ;
Уча ихъ оцѣнявъ собой,
Тѣмъ лавръ и пальму доспавляетъ,
Кто могъ безъ зависти терпѣть,
На злобу равнодушно зрѣть?

LXXXV.

КО ВТОРОМУ СОСѢДУ.

Не косъ рѣзная Колмогоръ,
Не мраморъ Тифды и Рифея,
Не Невски зеркала, фарфоръ,
Не шелкъ Баки, ни глазумея
Благоуханные пары
Вельможей дѣлающъ извѣстность,
Но нѣкій швердый духъ и честность,
А паче Музъ дары.

Почто же, мой вшорой Сосѣдъ,

Спошь зданьемъ пышнымъ, спошь опличнымъ,
Мнѣ солнца заспѣня свѣшъ, ...
Дворомъ межуешь безграничнымъ
Ты дому моего заборъ?
Уже ль полей, прудовъ и рѣчекъ,
Тмы скупленныхъ шобой мѣспечекъ
Твой не насыпашъ взоръ?

Въ шопъ мигъ, какъ съ пошвы до конька
И около, презрѣннымъ взглядомъ,
Мое спроенѣ слегка
Съ своимъ обозрѣвая рядомъ,
Ты въ гордоспи своей съ вышю
На низменны мои, мнишь, кровы
Навѣсипъ шемный садъ кедровый
И шумны шокы водъ:

Кшо вѣспъ, чшо Рокъ гошовипъ намъ?
Бышъ можешъ, чшо сѣи чершогы,
Назначенны шобой Царямъ,
Жесшокы времена и спрогы
Во спойлы конски обрашашъ.
За счаспѣе поруки нѣшу,
И чшобъ швой Фебъ свѣшилъ вѣкъ свѣшу,
Не бейся объ закладъ.

Такъ, шакъ! — но примѣчай, какъ день,
Увы! почъ шемна зашмѣваешъ;
Луну скрываетъ облакъ, шѣнь;
Она расшешъ, иль убываетъ:
Съ сумой не ссорься и шюрьмой.

Хоть днесъ къ звѣздамъ ты высишь стѣны,
Но знай: ты прахъ одушевленный,
И скроешься землей.

Надежный гроба дома нѣтъ:
Богатымъ онъ опверснѣ и бѣднымъ;
И Царь и рабъ въ него придетъ:
Къ чему жъ съ столь рвеньемъ ты безмѣрнымъ
Свой постоялый строишь дворъ,
И, ахъ! сокровища Тавриды
На баркахъ свозишь въ пирамиды
Средь полицейскихъ ссоръ?

Любовь гражданъ и слава намъ
Лишь воздвигаютъ прочны дома:
Они, подобно небесамъ,
Стоятъ и презираютъ громы.
Зри, хижина Петра донесъ,
Какъ храмъ, неслѣнна средь столицы!
Свящъ домъ, подъ кой народъ гробницы
Машвѣву принесть!

Рабочихъ въ шумъ голосовъ,
Машинь во скрипъ, во спенаньи,
Средь громкихъ пѣсенъ и пировъ
Трудись, сосѣдъ, и строй ты зданьи;
Но мой не опнимай лишь свѣтъ,
А то оспавъ молвъ правдивой
Рѣшишь: чей домъ скорѣй крапивою,
Иль плющемъ, зараснешъ?

LXXXVI.

ВРЕМЯ.

О Д. . . ! Д. . . ! какъ время
Быстро въ вѣчность все несетъ !
Будто море , смертныхъ племя —
За волной волна печетъ .
Ни поклоновъ счесть молебныхъ ,
Ни поспы , ни тяжкій трудъ ,
Спаросью напечатлѣнныхъ
Лба морщинъ ужь не сопрудъ ,
Не удержишь дней летящихъ ,
Любу смерть не воспяшашъ .

Такъ , мой другъ ! Хоша адепты
Пьютъ безсмертья эликсиръ ;
Въ ризы воздуха одѣты ,
Ангельскій сославяшъ міръ ;
Но до онаго мы время .
Всѣ подъ плотию живемъ ,
Носимъ разрушенья бремя
И конечно всѣ помремъ ;
Лишь божественная искра
Вѣчно будетъ жить — нашъ духъ .

Духъ ! — и шѣ дѣла не умрутъ ,
Производятъ что добро :
Жить они за гробомъ будутъ ,
Лавромъ намъ увьютъ чело .

Что жь въ сей жизни потеряемъ ,
Что намъ сдѣлають бѣды ,
Если мы награды чаемъ
Тамъ за здѣшніе пруды ?
Только нужно запасися
Кошомою добрыхъ дѣлъ .

Такъ ! едина добродѣтель
Здѣсь и тамъ счастливишь насъ .
Если совѣсть нашъ свидѣтель ,
Не ужасенъ смертный часъ ,
Не ужасенъ ревъ гоненья ,
И коварство не хитро .
Длинно время для терпѣнья ,
Для веселія быстро ;
Но премудрый проживаетъ
Равнодушно весь свой вѣкъ .

Имъ ни время не владѣетъ ,
Ниже злато , ни серебро ;
Онъ порядку дѣлъ радѣетъ ,
Любитъ общее добро ;
Убѣгая пышныхъ вздоровъ
И блестящихъ мелочей ,
Онъ во санъ прокуроровъ ,
Всѣхъ Вельможъ , судей , Царей
Чшитъ лишь только человека ,
И желаетъ самъ имъ бытъ .

Коль съ невинныхъ снялъ желѣзы ,
Ускорилъ коль правый судъ ,

Коль оперь сиротски слезы ,
Не бралъ лихвы , не былъ плушъ ,
Дѣлалъ то , чю дѣлать должно :
И безъ чина шы почтенъ .
Напрошивъ , живя безбожно ,
Всѣми временщикъ презрѣнъ :
Ушѣсная добродѣшель ,
Самъ онъ шмишъ свой свѣшлый санъ .

LXXXVII.

В Е С Н А .

Таешъ зима дыханьемъ Фавона ,
Взгляда бѣжишъ прекрасной Весны ;
Мчипся Нева къ Бельшу на лоно ;
Съ брега суда спущены .

Снѣгомъ лѣса не блещушъ , ни горы ;
Спогновъ согрѣшъ не пышешъ огонь ;
Ломяшъ спада , играя , запворы ;
Рыща , ржешъ на полѣ конь .

Нимфы въ лугу , подѣ луннымъ сіяньемъ ,
Сшавъ въ хороводъ , вечерней зарей ,
Въ пѣсняхъ поюшъ весну съ восклицаньемъ ;
Пляшущъ , топочущъ спошой .

Солнце лучемъ лиловымъ на взморье
Бросишь какъ огонь, Пепрополь вкушашь
Свѣжій зефиръ валишь въ лукоморье:

Бдешь и ты шамъ гуляшь.

Бдешь, — и зришь знакъ, небо, лѣсъ, воды,
Милу жену, вокругъ роцу сыновъ;
Прелеснь всю зришь съ собой ты Природы,
Счасливъ симъ, счасливъ ты, Л. . . . !

Что жъ ты споишь, такъ мало утѣшенъ?
Плюнь на швоихъ лихихъ сопосшашъ!
Если прибышокъ оный безгрѣшенъ,
Ревель что далъ и Кроншшадшъ:

Выкаши, дай, ты дай непременно
Бочку скорѣй намъ усприцъ на шполъ;
Поршеръ, вино, что искрами пѣино,
Каплешъ что злапомъ, какъ смоль;
Въ полспомъ спекль что выжимки силы,
Въ свершкахъ шправы, что слаще сошъ;
Сокъ намъ подай, что молніей въ жилы,
Быспро лешишь что въ ушъ!

Выспавъ намъ все. — Такъ, время пріятно:
Должно швоихъ друзей угощашъ.
Дышущъ пока сады аромашно,
Розы спѣши собирашъ.

Видишь, мой другъ, и самъ ты вседневно,

Мигъ что одинъ не сходенъ съ другимъ;
Въ міръ земномъ все, видишь, премѣнно:
Гладкій поншь часто холмимъ.

Самый швой торгъ — имперій цвѣшь, слава,
Первый къ вреду, распльнію шагъ;
Блага лишь сушь: здоровье, забава,
Честность; все прочее прахъ.

LXXXVIII.

ПАМЯТЬ ДРУГУ.

Плакуція березы воюють,
На черну наклоняся шѣнь;
Унылы вѣпры воздухъ роюють;
Всшаешъ шуманъ по всякій день —
Надъ кѣмъ? кого сія могила,
Обросши павеликой вкругъ,
Подъ мѣдною доской сокрыла?
Кто шущъ? Не Музь ли, вкуса другъ?

Другъ мой! Увы! озлобась, Время
Его спѣшило въ гробъ сокрышь,
Что сѣя онъ познаній сѣмя,
Мнилъ вѣки пользой пережишь;
Воздвигнувъ изъ земли громады

И зодчества блесня челомъ ,
Трудился , чшобъ Полнощи чады
Искусствъ покрылися вѣнцемъ .

Встань , духъ Поэзы Русской древней ,
Съ кѣмъ вшоря онъ Добрыню пѣлъ ,
Межъ завшреней и межъ обѣдней ,
Взмахнувъ крыла , въ свирѣль гремѣлъ , —
И лебедь солнца какъ при всходѣ ,
Подъ красный вечеръ на водахъ ,
Раздавшись кликами въ природѣ ,
Въщай , шверди : шунъ Л. . . . прахъ .

Довольны ль эхомъ симъ , Хариты ,
Чшобъ персшъ вамъ милую найши ?
Таланшы рѣдки знаменишы ,
Вокругъ песпрѣюшъ ихъ цвѣшы :
Облаговоньше жъ возліяньемъ
Сердецъ вы друга своего ;
Изящнымъ , легкимъ дарованьемъ
Текише , Музы ! въ слѣдъ его .

Но кшо жъ моей гитары спруны
На нѣжный будешъ шонъ спущашъ ,
Фивейски молныи и перуны
Росой Тіиской упояшъ ?
Кшо памятникъ надъ мной посшавишъ ,
Подъ дубомъ шощъ сумрачный сводъ ,
Въ кошоромъ могъ меня бы славишъ ,
Играя съ громами , Эрощъ ?

Ужь нѣтъ тебя! ужь нѣтъ! — Придите
Сюда вы, дружба и любовь!
Печаль и вздохи съедините,
Гдѣ скрышъ подъ пеленою Л.
Ахъ! плачьше, чада! плачьше, други!
Цѣлуй послѣдній разъ, краса!
Ужь слезы Лизы и супруги,
Какъ пламенна горитъ роса.

LXXXIX.

МОНУМЕНТЪ МИЛОСЕРДІЮ.

Блаженъ милосердѣи, яко тѣи помиловани будиши.

Слепашъ съ неба лучъ въ полнощи;
На гробъ теплится свѣча;
Благоухающъ миррой рощи;
Ліеся съ горъ ручей, журча;
Зефиры шепчущся съ цвѣтами;
Колеблется луна водами;
Чушь съ перепеломъ краснень въ ладъ,
И соловей вдали мнѣ слышенъ:
Кому шушь монументъ возвышенъ? —
Миръ праху швоему, мужъ свашъ!

Не праведника ль спашъ шушь коспи,
Который сердоболень былъ,

Изъ зѣва ослѣпленной злоспи
Испоргъ невинность, и сразилъ
Чудовище, алкавшее крови?
Даль къ человѣчеству въ любви
Примѣрь, — и жизнь его сберегъ?
Сію въшвъ миршову Царица,
Какъ древле крошка голубица,
Законовъ принесла въ ковчегъ.

Но что по мраку за картина
Въ эфиръ развилася вокругъ?

Безмѣрна разныхъ лицъ долина,
Какъ звѣздъ, насѣялася вдругъ!
Тупъ, облеченное лучами,
Явилось Божество съ вѣсами,
И, мечъ и въшвъ держа рукой,
Рекло: — гласъ грома повторили —
»Блажени милоспивы были:
Помилваны будущъ Мной!»

Не спрашный ль, грозный, неумышный,
Нелицемѣрный вижу судъ,
Предъ коимъ днешни, первобытны,
Ошчепъ дашь смершныя идушъ?
Такъ! Вижу я Царей съ рабами:
Равно спояшъ передъ вѣсами;
Раскрышы совѣспи лежашъ.
И се зрю: Петръ, Елисавета
Съ Екатериной, въ блескъ свѣща,
Грядущъ съ улыбкой пальму взяшъ;

Идутъ, и обращающъ взоры
На тѣхъ Вельможъ, Вождей, судей,
Бесѣды коихъ, разговоры
Ко сожалѣнію людей,
На милосердье Ихъ склоняли;
Копоры Имъ совѣтъ давали:
Тошъ казнь, тошъ пышки испребишъ,
Тошъ пайны расклепашъ зашворы,
Н. . . . ! и себя въ ихъ хоры
Велѣла Милость помѣспишъ.

Почто жъ гремѣвшіе споль браньми
Вожди за облакомъ спояшъ?
Лице свое скрывая дланьми,
Глядѣшъ на лавры не хошашъ?
Почто вселенной побѣдишель,
Народовъ многихъ покоришель,
Ошъ чашъ, наполненныхъ кровей,
Ему пѣнями подносимыхъ,
Съ спенаніемъ вокругъ ходимыхъ,
Ошворотился, слыша: »пей!

»Пей, пей! ты налилъ ихъ,« вѣщали.
Увы! почто же на гробахъ
Вождей мы зданья созидали,
Коль памяшъ золь шягчишъ ихъ прахъ?
Не глупоспи ли знакъ шщеславной
И самый мавзолей тошъ славной,
Копорый обагрень въ крови?
У вѣчноспи свои сушъ правы.

Ахъ! шакъ: Богъ истинныя славы —
Богъ милосердья и любви.

Прейдутъ куренія священи,
И дни и времена пройдутъ,
Разрушатся столпы, пвердыни,
На Царства Царства упадутъ;
Поищутъ дивной пирамиды,
И не найдутъ, — а развѣ виды,
Иль мрачный въ ней звѣриный логъ.
Перунъ небесъ чему коснешся, —
И мѣдъ и мраморъ расплывется:
Прошивишся гордынъ Богъ.

Такъ, въшви крошосци свящыя,
Враша опверзшія шемницъ,
Прогнавшія шѣнь Гарпы злыя,
Спокоившія вдовъ, дѣвицъ?
Что сушь бичи предъ вами міра,
Коль ваша свѣшлая порфира,
Какъ теплошворный лучъ весны,
Полсвѣша миромъ оживляетъ,
Наукъ цвѣтами украшаетъ?
Тріумфъ вашъ — неба вышины!

Но если злоба ополчится
Нарушитъ сладкій нашъ покой:
Возспавъ, Россія окружися,
Какъ шучей, чадъ своихъ спѣной.
Богъ милосци предъ ней предъидетъ:
Онъ выше облакъ воды вздыметъ,

И съ шумомъ ихъ со всѣхъ споронъ
Громъ броситъ на чело возницы,
На всадника, на колесницы:
И гдѣ грозившій Фараонъ?

ХС.

Л Ъ Т О.

Знойное Лѣто весна увѣнчала
Розовымъ, алымъ по кудрямъ вѣнцемъ;
Липова роща, какъ жаръ, возблиспала
Вкругъ меда листомъ.

Желтые грозды, сквозь листь продираясь,
Запахомъ, рдянцемъ Нимфъ сельскихъ манящъ;
Травы и нивы, косою озаряясь,
Какъ волны шумящъ.

Спкляныя рѣки лучемъ полудневымъ
Жидкому злашу подобно текущъ;
Кравы и овцы, съ млеко́мъ накопленнымъ,
Подъ кущи бѣгутъ.

Сизые враны, орлы быспропарны,
Крылья спустивши, подъ хвраспомъ сядящъ;
Тучная роскошь въ пѣни сокъ прохладный
Пьещъ, ищещъ оспрадъ.

Видишь ли, Д. . . . ! всего изобилъе?
Самое благо бышь можешь намъ зломъ;
Счастье и нѣга разума крылья
Сплошь давятъ ярмомъ.

Въ домъ живъ льбомъ, въ раю шы небесномъ,
Въ славномъ помѣсшѣ Сызранскомъ съ опцемъ,
Мышлю, лѣнишься пѣшь въ хорѣ прелесномъ,
Цвѣсшь Музъ подъ вѣнцемъ.

LCI.

О С Е Н Ъ.

На скирдахъ молодыхъ сидючи Осень,
И въ поляхъ зря вокругъ годъ плодоносень,
Съ улыбкой свои всѣмъ дары даешь,
Песпрошой по лѣсамъ живо цвѣшешь,
Взоръ мой дивись!

Разныхъ пщицъ голоса, выющихся тучи,
Шумъ сноповъ, бѣгъ шельгъ, оси скрипучи,
Спукъ цѣповъ по шокамъ, въ рощахъ лай псовъ,
Жницъ съ знаменъ идущихъ гулъ голосовъ
Слухъ мой плѣнишь.

Какъ миль сей Природы радостной образъ!
Какъ пварей довольныхъ сладосшенъ возгласъ!

*

Гдѣ Осень обилье рукою ведешь ;
Царямъ и червямъ всѣмъ пищу даешь
Общій Отецъ.

Но что же вдругъ , Я ! черныя бури ,
Грохоча такъ , кроюшь неба лазури ?
Здѣсь тихій шокъ съ ревомъ роешь волна ,
Тамъ въ блѣдныхъ шуманахъ ржешь намъ война :
Благъ ли Творецъ ?

Ахъ ! благъ всѣхъ Зиждитель , я слышу , ты рекъ :
»Невѣжда продерзкій лишь ты , человекъ ,
Не видишь , не знаешь пользы своей ;
Самъ часто своихъ ты ищешь съшей :
Хранишь только Богъ.«

О ! правда то , правда ! — Смиримъ же предъ Нимъ
Нашъ глупый мы ропотъ , и волю дадимъ
Всемощной Десницѣ солнце водить ;
Бѣгъ міра превратна спанемъ сносишь ,
Чшащи свой рокъ .

Такъ если съ Урала злые ключи
Въ Царскій лиль кладязь , ихъ самъ не пючи ,
Я дни мнилъ Аспрей , миръ и покой
Ввесь распрей въ вершеть , — и съ чистой душой
Благъ всѣмъ желалъ ;

Но что коль не надо , — оставимъ Судьбамъ
Премудрымъ — дасть лучшій здѣсь жребій людямъ ;
Съвѣ , сами прикажемъ въ нашемъ гнѣздѣ ,

Осени доброй намъ дашь по шрудъ

Счасшья покаль.

ХСЦ.

ЧЕТЫРЕ ВОЗРАСТА.

Какъ свѣщающа блески

На розъ росы :

Такъ милы усмѣшки

Невинной красы.

Младенческій образъ

Видъ въ капль зари.

А быспро журчащій

Межь розъ и лилей ,

Какъ перломъ блестящій

По лугу ручей :

Такъ юноши ушро ,

Играя , шечеть.

Рѣка жъ , или взморье

Полдневной порой

Какъ въ доль , иль на взгорье

Несетсѣ волной :

Такъ мужество бурно

Спрасшями блеспишь.

Но озеро спкляно ,
Утихнувъ опъ бурь ,
Какъ тихо и важно
Чушь кажешъ лазурь :
Такъ спаросшь подъ вечеръ
Стоишь на клюкъ .

Сколь счасливъ , кшо въ жизни
Всѣ возрасшы вель ,
Спрашась укоризны ,
Внупръ совѣспи золь !
На западъ свой ясный
Онъ весело зришь .

ХСШ.

Г. ОЗЕРОВУ,

НА ПРИПИСАНІЕ ЭДИПА.

Вишія ! кому Мельпомена ,
Надѣвъ кошурнъ , дала кинжалъ ,
А Съверъ , какъ лавромъ , изъ клена
Вѣнцомъ зеленымъ увѣнчалъ
Блещаще чело !
О пы , чшо собою предспавиль

Софокла съ Оссіаномъ вдругъ,
Въ Эдипъ, намъ въ Бардахъ прославилъ
Расиновъ, Кребильионовъ духъ,
Дѣвъ слезъ ремесло!

Коль жалость и ужасъ вдыхаешь,
И жжешь ты хладныя сердца;
Съ гласъ шоки, съ душъ вздохи сзываешь,
Напрасно чпишь во мнѣ Пѣвца:
Но демспвенникъ ты.

Ты Музь олшарей шѣхъ служишель,
Кошорыхъ чудотворный гласъ
Народной толпы просвѣщисель
Скорѣй чрезъ Театръ, чѣмъ Парнассъ:
Ты огонь съ высоты, —

Огонь, что изъ мрака сверкая,
Зміями рѣжешь сквозъ эфиръ.
Но Лель съ спрунъ Тіискихъ порхая,
Мой чущъ звеня, какъ въ зной зефиръ,
На вѣжды сонъ льещъ.

Иль могъ коль съ Пиндаромъ геройство,
Съ Гораціемъ я сладость лишь:
То можешь во гробъ попомство
И блескъ Вельможъ мнѣ удѣлишь.

Тамъ лавръ мой взраснешъ. А О.
Что оарнѣ шѣхъ —
Съ разнѣхъ —
Сдѣлѣй, —

ХСІV.

РАДУГА.

Взглянь, Апеллесъ! взглянь въ небеса!
Въ сумрачномъ облакъ шамъ,
Видишь, какая изъ леншъ полоса,
Огненна шкань блещетъ очамъ,

Склонясь надъ швоею главою

Дугою!

Пурпуръ, лазурь, злашо, багрянецъ,
Съ зеленою шънь, сліясь съ серебромъ,
Чудный, опливный, блещущій глянецъ
Сыплюшъ вокругъ, шихимъ лучемъ

Зъницъ къ ушъшенью сіяюшъ,

Плѣняюшъ!

Гдѣ красота, блескъ разноцвѣшныхъ
Камней драгихъ, свѣшлосшъ порфиръ,
Прелесши красокъ яркихъ, несмѣшныхъ,
Чѣмъ завсегда славилъ міръ,

Чѣмъ могушъ Монархи хвалишъся,

Свѣшишъся?

О Апеллесъ! взявши орудье,
Кисти свои, — дерзкой рукой
Съ разныхъ цвѣшовъ вмигъ полукружье
Сдѣлай, сославъ швердой чершой, —

Сославъ, и сзови зрѣшь Аѳины

Каршины.

Нѣшь, Изографъ! Хошь превосходишь
Всѣхъ маспершвомъ дивнымъ швоимъ;
Вижу, что средствъ ты не находишь
Съ масперомъ въ шомъ споришь такимъ,
Чей взглядъ все одинъ образуешь, —

Рисуешь.

Только одно солнце лучами
Въ капляхъ дождя, въ долъ опраязь,
Можешь писашь сими цвѣшами
Въ мракъ и мгль, вѣчно свѣпясь.

Умѣй подражать ты ему:

Лей свѣпъ въ шму.

Зри, какъ оно лишь отвращаешь
Свѣшлый свой взоръ съ облака вспяшь, —
Живосшь цвѣшовъ вмигъ исчезаешь,
Краски каршинъ шмяпся онаяшъ:

Бѣги ты шакого шруда

Ошъ спыда.

Можешь ли кшо въ свѣпъ небесномъ
Чшишься равно Солнцу Тому,
Въ сердцѣ моемъ мрачномъ, шѣлесномъ
Чшо озаривъ шяжкую шму,

Творишь его радугой мира?

Пой лира! —

Бога воспой, — смѣлымъ пареньемъ
Чиспаго внутрь сердца возноси
Духъ мой къ Нему, упреннымъ пѣньемъ,
Чтобы Творецъ, внявъ съ небеси,
Вліялъ чувствъ моихъ въ глубину
Тишину.

Свѣтлая чтобы радуга мира,
Въ небѣ являсь въ цвѣтѣ зарей,
Сшала въ залогъ тихихъ дней міра,
Къ счастію всѣхъ Царствъ и Царей.
Онъ всѣхъ ихъ одинъ просвѣтитъ,
Примиришь.

ХСV.

ГРАФУ СТЕЙНБОКУ.

Кого на брегѣ моря бурна
Близъ вѣтрихъ града спѣнь, въ шѣни,
Жизнь не богата, но не скудна
Течешь и онъ пріятно дни
Проводишь, избѣжавъ столицы,
Желаніевъ своихъ въ границы
Умѣренность поспановивъ,
А малый домикъ окруживъ
Свой садомъ, нивами, спадами,
Въ семьѣ, съ супругой и друзьями,

Ничѣмъ внутрь сердца не смущенъ :
Тотъ мудръ , и испинно блаженъ !

Такъ , милый Графъ ! волненъ Бельша —
Быспрошекущихъ образъ лѣтъ ;
Видъ Гапсаля — видъ плѣнна свѣта ,
Что скоро рушится , падешь ;
Древесны пѣни , пшичекъ пѣнья —
Спокойной совѣсти , смиренья
И добродѣтели удѣлъ.
Когда твой трудъ плодомъ поспѣлъ
И нивъ колосья золотые
Возблещушъ въ полѣ , и младые
Взыграюшъ агнцы на лугу :
Что знашныхъ блескъ сихъ благъ въ кругу ?

Ничто. — И шакъ наскучашъ грады
И ихъ когда забавы намъ ,
Пойдемъ искашъ ушѣхъ , прохлады
Мы къ злачнымъ Волхова брегамъ ,
Или въ швоемъ помѣстьѣ новомъ ,
Во храмъ возсѣдя Петровомъ ,
Что въ честь ему шы мнишь вознесишь ,
Велимъ хоръ Музъ къ себѣ привесишь ,
И Вѣрушку съ Люси шакъ сладимъ ,
Что пламенной ихъ пляской сгладимъ
Съ сѣдыхъ морщины нашихъ лбовъ ,
Обрѣзавъ крылья у годовъ.

Часы веселія суть крашки ;
Минуша скуки — цѣлый вѣкъ :

Ахъ! для чего же люди падки
Къ забошамъ? — Спраждешъ человекъ
Не для того ль, что ищешь часши
Своей всякъ въ гордоси и власши;
Самъ мучась, мучишь и другихъ
На счешъ крылатыхъ дней своихъ?
Преспанемъ же къ звѣздамъ мосшишься;
А лучше съ серномъ льву рѣзвишься,
Съ державой яхонту блисташъ:
Придешъ къ намъ зависъ танцовашъ.

ХСѢ.

ЕВГЕНІЮ,

ЖИЗНЬ ЗВАНСКАЯ.

Блаженъ, кто менѣ зависъ отъ людей,
Свободенъ отъ долговъ и отъ хлопотъ приказныхъ,
Не ищешь при Дворѣ ни злата, ни чесшей,
И чуждъ суешь разнообразныхъ!

Зачѣмъ же въ Петрополь на волю тѣхашъ
спрасъ,
Съ пространства въ тѣсноу, съ свободы за за-
шворы,
Подъ бремя роскоши, богатствъ, Сиренъ подъ власъ
И предъ Вельможей пышны взоры?

Возможно ли сравняшь что съ вольностью зло-
бой,
Съ уединеніемъ и пишиной на Званкъ?
Довольство, здравіе, согласіе съ женой,
Покой мнѣ нуженъ — дней въ оспанкъ.

Возспавъ опъ сна, взвожу на небо скромный
взоръ:
Мой ушренюешъ духъ Правишелоу вселенной;
Благодарю, что вновь чудесъ, красотъ позоръ
Открылъ мнѣ въ жизни полъ блаженной.

Пройдя минувшую, и не нашедши въ ней,
Чтобъ черная змѣя мнѣ сердце угрызала,
О! коль доволенъ я, оставилъ что людей,
И честолюбія избѣгъ опъ жала!

Дыша невинностью, пью воздухъ, влагу росъ,
Зрю на багрянецъ зарь, на солнце восходяще;
Ищу красивыхъ мѣстъ между лилей и розъ,
Средь сада храмъ жезломъ черпяще;

Иль накормя моихъ пшеницей голубей,
Смошрю надъ чашей водъ, какъ выюшъ подъ небомъ
Круги;
На разноперыхъ пшицъ, поющихъ средь съшей,
На кроющихъ, какъ снѣгомъ, луги;

Паспушьяго вблизи внимаю рога зовъ,
Вдали шеперевей глухое шокванье,

Барашковъ въ воздухъ, въ кустахъ свистъ соловьевъ,
Ревъ кравъ, громъ желнъ, и коней ржанье.

На кровль жь зазвенишь какъ ласпочка, — и
парь

Повѣшь съ дома мнѣ Манжурской, иль Левантской,
Иду за круглый споль: и пушь-шо распобарь

О снахъ, молвъ градской, кресстьянской;

О славныхъ подвигахъ великихъ шѣхъ мужей,
Чьи въ рамахъ по спѣнамъ злашымъ блискаютъ
лицы,

Для воспоминанья ихъ дѣяній, славныхъ дней,

И для прикрасъ моей свѣшлицы, —

Въ кошорой по утру, иль въ вечеру, порой
Дивлюся въ Вѣспникъ, въ газетахъ, иль журналахъ,
Россіянъ храброспи, какъ всякъ изъ нихъ Герой,
Гдѣ ешь Суворовъ въ Генералахъ;

Въ кошорой къ госпожѣ, для похвалы гостей,
Приносятъ разныя полошна, сукна, шкани,
Узорны образцы салфетокъ, скашершей,
Ковровъ и кружевъ, и вязани;

Гдѣ съ скошенъ, ичельниковъ, и съ пшичниковъ,
прудовъ,
То въ маслѣ, шо въ сопахъ зрю злапо подъ вѣшвами,
То пурпуръ въ ягодахъ, шо бархашъ-пухъ грибовъ,
Сребро, шрепещуще лещами;

Въ кошорой, обозрѣвъ больныхъ въ больницѣ,
Приходишь доносишь о ихъ вредъ, здоровьѣ,
Проя на пищу имъ: шѣмъ съ поливкой калачъ,
А шѣмъ лекаршвица, въ подспорье;
Гдѣ также иногда по палкамъ, по косшамъ,
Усасный спароспа, иль скопидомъ брюхапой,
Даюшъ опчешъ казнѣ, и хлѣбу, и вещамъ,
Съ улыбкой часто плутоватой; —

И гдѣ, случается, художники млады
Работы кажутъ ихъ на древѣ, на холстинѣ,
И получаюшъ въ даръ подачи за шруды,
А въ часъ и денегъ по полшинѣ;

И гдѣ до ужина, чшобы прогнашъ какъ сонъ,
Въ задоръ иногда въ игры, зѣло горячи,
Играемъ въ каршы мы, въ ерошки, въ фараонъ,
По грошу въ долгъ и безъ опдачи.

Ошшуда прихожу въ свяшилище я Музъ,
И съ Флаккомъ, Пиндаромъ, боговъ възсѣдши въ
пиръ,
Къ Царямъ, къ друзьямъ моимъ, иль къ небу въз-
ношусь,
Иль славлю сельску жизнь на лирѣ;

Иль въ зеркало временъ, качая головой,
На спраспи, на дѣла зрю древнихъ, новыхъ вѣковъ,

Не видя ничего, кромѣ любви одной
Къ себѣ, — и драки челоуѣковъ.

»Все суеша суешь!« я, въздыхая, мню;
Но бросивъ взоръ на блескъ свѣшила полудневна :
»О коль прекрасенъ міръ! Чпо жь духъ мой бремению?
Творцемъ содержишся вселенна.

»Да будешь на земли и въ небесахъ Его
Единого во всемъ вседѣйствующа воля!
Онъ видишь глубину всю сердца моего,
И спроишся моя Имъ доля.«

Дворовыхъ между шѣмъ, кресъянскихъ рой
дѣшей,
Сбираюшся ко мнѣ, не для какой науки,
А взявъ по нѣскольку баранокъ, кренделей,
Чпобы во мнѣ не зрѣли буки.

Письмоводитель мой шущъ долженъ на моихъ
Бумагахъ мараныхъ, паспухъ какъ на овечкахъ,
Репейникъ вычищашъ. Хошь мыслей нѣшь большихъ:
Блеспашъ и жучки въ епанечкахъ.

Бьешъ полдня часъ, рабы служишь къ столу
бѣгутъ;
Идешъ за трапезу гостей хозяйка съ хоромъ.
Я озрѣваю споль, — и вижу разныхъ блюдь,
Цвѣшникъ, поспавленный узоромъ:

Багряна вешчина, зелены щи съ желшкомъ,

Румяно-желтъ пирогъ, сыръ бѣлый, раки красны;
Что смоль, яншарь; икра, и съ голубымъ перомъ
Тамъ шука пестрая — прекрасны!

Прекрасны пошому, что взоръ манящъ мой,
Но не обиліемъ, иль чуждыхъ спранъ приправой,
А что опряшно все и предспавляетъ Русь:

Припасъ домашній, свѣжій, здоровой.

Когда же мы Донскихъ и Крымскихъ кубки винъ,
И липца, воронка и чернобѣнна пива
Запустимъ нѣсколько въ румяный лобъ хмелинъ, —
Бесѣда за сласными шумлива.

Но, молча, вдругъ вспаемъ:—бѣспъ, искрами
Древъ Русскихъ сладкій сокъ до подвѣчныхъ
За здравье съ громомъ пьемъ любезнаго Царя,
Царицъ, Царевичей, Царевенъ.

Тутъ кофе два глотка; схрапну минуть пѣ-
шокъ;
Тамъ въ шахмашы, въ шары, иль изъ лука стрѣ-
лами,
Пернашый къ пошолку лапшой мечу лешокъ,

И пѣшусь разными играми;

Иль изъ криспальныхъ водъ, купаленъ, между
древъ,

Опѣ солнца , опѣ людей подѣ скромнымъ осыненъ-
емъ ,
Тамъ внемлю юношей , а здѣсь плесканье дѣвъ ,
Съ душевнымъ нѣкимъ восхищенъемъ ;

Иль въ спекла опшики каршинныя мѣспа
Смопрю моихъ усадьбъ ; на свшкахъ грады ,
царства ,
Моря , лѣса , — лежишъ вся міра красота
Въ глазахъ , искусствъ черезъ коварства ;

Иль въ мрачномъ фонарѣ любуюсь , звѣзды зря
Бѣгуши въ пишинѣ по синю волнѣ спремленью :
Такъ солнцы въ воздухѣ , я мню , пекушъ , горя ,
Премудрости ко прославленью ;

Иль смопримъ , какъ вода съ плошины съ ре-
вомъ льешъ ,
И , движа машину , древа на доски дѣлишъ ;
Какъ сквозь чугунныхъ паръ сполповъ на воздухѣ
бьешъ ,
Клокоча огонь , толчешъ и мелешъ ,

Иль любопышны , какъ бумажны руны волнѣ
Въ лошки сквозь иглѣ , колесѣ , подобно снѣгу льются
Въ пушистыхъ локонахъ , и шмы вдругъ веретенѣ
Маріиной рукой прядушъ ;

Иль какъ на лентѣ , на шелкѣ , цвѣшъ , пестро-
та и лоскъ ,
Всѣ прелести , красы , берутся съ поля , Царицы ;

Спаль жесткая, глядимъ, какъ мягкій, алый воскъ,
Куется въ бердыши Милицы,

И сельски рашники какъ, Царства спавъ
щиномъ,
Бѣгутъ съ спремленьемъ въ спрой во рыцарскомъ
убранствѣ,
»За Вѣру, за Царя, мы,« говорятъ: »помремъ,
Чѣмъ у Французовъ бытъ въ подданствѣ!«

Иль въ лодкѣ вдоль рѣки, по берегу пѣшь, вер-
хомъ,
Качусь на дрожкахъ я сосѣдей съ вереницей;
То рыбу удами, то дичь громимъ свинцемъ,
То зайцевъ ловимъ псовъ спаницей;

Иль, стоя, внемлемъ шумъ зеленыхъ, чер-
ныхъ волнъ,
Какъ дернъ бугришь соха, злакъ справъ падешь
косами,
Серпами злапо нивъ, — и ароматовъ полнъ
Порхаетъ въпрѣ межъ Нимфъ рядами;

Иль смопримъ, какъ бѣжишь подь черной
шучей шѣнь
По копнамъ, по снопамъ, коврамъ желтозеленымъ,
И сходишь солнышко на нижнюю спепень

Къ холмамъ и рощамъ синешемнымъ;
Иль, упомясь, идемъ скирдовъ, дубовъ подь
ствѣ;

На брегъ Волхова разводимъ огнь дымистый ;
Глядимъ , какъ на воду ложился красный день ,
И пьемъ подъ небомъ чай душистый .

Забавно ! въ шмъ челновъ съ съшми какъ
рыбаки ,
Льнивымъ спроемъ плывъ , спрашають пварь влаги
спукомъ ;
Какъ парусы суда , и лямкой бурлаки
Влекутъ однимъ подъ пѣсню духомъ .

Прекрасно ! тихіе , оплогіе берега
И рѣдки холмики , селеній мелкихъ полны ,
Какъ , полосаши ихъ клоня поля , луга ,
Споютъ надъ токомъ спруй безмолвны .

Пріятно ! какъ вдали сверкають лучъ съ косы ,
И эхо за лѣсомъ подъ мглой гамишь народа ,
Жнецовъ поющихъ , жницъ полкъ идеть съ полосы ,
Когда мы ѣдемъ изъ похода .

Спекль заревомъ горитъ мой храмовидный
домъ ,
На гору желтый всходъ межъ розъ осіявая ,
Гдѣ вспрѣчу водомешъ шумишь лучей дождемъ ,
Звучишь музыка духовая .

Изъ жерль чугуновыхъ громъ по праздникамъ
ревешъ ;
Подъ звѣздной молніей , подъ свѣплыми древами

Толпа крещьянъ, ихъ женъ, вино и пиво пьешъ,
Поешъ и пляшешъ подъ гудками.

Но скучишь какъ сія забава сельска намъ,
Внупръ дома пѣшимся сполицъ увеселеньемъ;
Велимъ талантами родныхъ своихъ дышамъ
Блнспащъ : музыкой, пляской, пѣньемъ.

Амурчиковъ, Харитъ плешень, иль хороводъ,
Занявъ у Таліи игру и Терпсихоры,
Цвѣшочные вѣнки пасхухъ пасхушкѣ вьешъ:
А мы на нихъ и пѣлимъ взоры.

Тамъ съ арфы звучныя порывный въ души громъ,
Здѣсь *тихогрома* съ спрунъ смягченны, плавны тоны
Бѣгушъ, — и въ еспешивъ согласія во всемъ
Даюшъ намъ чувешвовашъ законы.

Но нѣшъ какъ праздника, и въ будни я одинъ,—
На возвышеніи сидя сполповъ перильныхъ,
При гусляхъ подъ вечеръ, челомъ моихъ сѣдинъ
Склонясь, ношусъ въ мечпахъ умильныхъ.

Чего въ мой дремлющій погда не входишъ умъ?
Мимолешящи сущъ всѣ времени мечпанья:
Проходяшъ годы, дни, ревъ морь и бурей шумъ,
И всѣхъ зефировъ повѣванья.

Ахъ! гдѣ жь, ищу я вкругъ, минувшій крас-
ный день?
Побѣды слава гдѣ, лучи Е к а т е р и н ы?

Гдѣ Павловы дѣла?—Сокрылось солнце,—тѣнь!...

Кто вѣснь и впредь полешь орлиный?

Видѣлъша краснаго намъ Александровъ вѣкъ:
Онъ сердцемъ нѣжныхъ лиръ удобенъ двигаешь струны:
Блаженспивовалъ подъ Нимъ въ покойспивъ человекъ;
Но мещешь днесъ и Онъ перуны.

Умолкнушъ ли они? — Сіе лишь знаешъ Топъ,
Который къ одному концу вѣсъ правишъ сферы;
Онъ першомъ ихъ Своимъ, какъ спрой какой ведетъ,
Ко благу общему склоняя мѣры.

Онъ корни помысловъ, Онъ зришъ полешъ
вѣсхъ мечшъ,
И поглумляешся безумспиву человекъ:
Тѣхъ освѣщаешъ мракъ, шѣхъ помрачаешъ свѣшъ,
И днешнихъ и грядущихъ вѣковъ.

Грудь Россовъ ушвердилъ, какъ спѣну, онъ въ
оппоръ
Темиру новому подъ Пулпускомъ, Прейш-лау;
Младыхъ вождей расцвѣлъ побѣдами шамъ взоръ,
А скрылъ орла съдаго славу.

Такъ самыхъ свѣшлыхъ звѣздъ блескъ мерк-
нешъ опъ ношей.

Чшо жизнь ничшожная? Моя скудельна лира!

Увы! и даже прахъ спашнешъ моихъ коспей

Сашурнъ крылами съ шѣнна міра.

Разрушился сей домъ , засохнешь боръ и садъ,
Не вспомнянешся нигдѣ и имя Званки ?
Но совъ, сычей изъ дупль огнезеленый взглядъ ,
И развѣ дымъ сверкнешь съ землянки.

Иль нѣтъ, Евгеній ! ты, бывъ нѣкогда моихъ
Свидѣтель пѣсенъ здѣсь, взойдешь на холмъ шопъ
спрашнѣй,
Кошорѣй, шощихъ нѣдръ и сводовъ вѣнуръ своихъ,
Вождя, волхва гробъ кроешъ мрачнѣй ;

Опъ коего, какъ громъ кашается надъ нимъ
Съ булашныхъ ржавыхъ врашъ, и збруи мѣдной
гулы
Такъ слышны подъ землей, какъ грохопомъ глухимъ
Въ лѣсахъ, шрясясь, звучащъ спръль шулы.

Такъ! Развѣ ты, отецъ, святымъ швомъ
Жезломъ
Ударивъ объ доски, заросши мхомъ, желѣзны,
И свисыхъ вокругъ моей могилы змѣй гнѣздомъ
Прогонишь блѣдну зависъ въ бездны;

Не зря на колесо веселыхъ, мрачныхъ дней,
На возвышеніе, на пониженъе счастья,
Единой правдою меня въ умахъ людей
Чрезъ Кліи воскресишь согласья.

Такъ ! Въ мракъ вѣчности она своей трубой
Удобна лишь явишь по мѣсто , гдѣ опзывы
Опъ лиры моя шумящею рѣкой
Неслись чрезъ холмы, доли, нивы.

Ты слышалъ ихъ, — и ты, будя швоимъ перомъ
Попомковъ опона, близъ Сѣвера столицы,
Шепнешь въ слухъ страннику, вдали какъ тихій
громъ :

»Здѣсь Бога жилъ пѣвецъ, Фелицы.«

ХСVII.

ИЗДАТЕЛЮ МОИХЪ ПѢСНЕЙ.

Пѣсней моихъ Издаватель!
Другъ Сіонидъ и пѣвецъ!
Въ храмъ Искусствъ обитатель!
Если ихъ кисть и рѣзецъ
Тѣнь хоть одну въ картинѣ
Бога Творца изразитъ;
Въ мраморъ ль, мѣди, холстинѣ
Хлора, Фелицу явятъ:
Сгложушь ли, Л. . . . ! черви въ могилѣ
Со мною тебя ?

Сгложушь, коль самыя Музы
Только мечтаній рабы: —
Тѣна носящее узы
Смерти не уйдетъ ташьбы.
Гдѣ, ахъ! завѣса Апелла?
Фидія Дій? — Прахъ и персть.

Гдѣ Иліонъ , Тиръ и Пелла ?
Развѣ убѣгли съ ихъ мѣстъ ?
Нѣтъ ! шамъ , гдѣ башни неба касались ,
Обломки лежашъ .

Но Меонидъ въ кругъ міра
Въ словъ безсмертномъ живешъ :
Громкая правдою лира
Духа печашъ , — не умрешъ .
Геніи въ мракъ шакъ зримы ,
Нощю какъ въ небѣ огни ;
Памяшны будушъ Зосимы :
Въ духъ Евгенья они
Прейдушъ къ попомству . — Солнце лучами
Проходишъ сквозъ мракъ .

Такъ чрезъ себя я прольюся
Цѣлаго свѣта вокругъ ;
Въ книгахъ , какъ въ спеклахъ , возжгуся :
Узряшъ далече мой духъ :
Чшо жъ воспрещалъ ты Брамину
Свѣтъ въ Лапландцахъ лучи ?
Жегъ ѳиміамъ , иль лучину ,
Свѣтъ проливалъ онъ въ ночи . —
Долгъ Саламандра жечь : долгъ Поэта
Въ міръ правду вѣщашъ .

Шествуй со мною безспрашно
Ты въ проповѣдничій путь ;
Бога вѣдай велегласно ,
Въ пѣсняхъ созвучникъ мнѣ будь ;

Всюду хвали добродѣшель ,
Свяшость и испину славь ;
Доблесней Россовъ свидѣшель ,
Памятникъ вѣчный оспавъ
Въ звукахъ Багрима : по и во гробъ
Насъ червь не сгрызешъ.

ХСѸІІІ.

Л Е Б Е Д Ъ .

Необычайнымъ я пареньемъ
Опъ шлѣнна міра опдѣлюсь ,
Съ душой безсмертною и пѣньемъ ,
Какъ лебедь , въ воздухъ поднимусь.

Въ двойкомъ образъ неплѣнный ,
Не задержусь въ врапахъ мысаршвъ ;
Надъ зависью превознесенный ,
Оспавлю подъ собой блескъ Царствъ.

Да , шакъ ! Хошъ родомъ я не славенъ ;
Но , будучи любимецъ Музъ ,
Другимъ Вельможамъ я не равенъ ,
И самой смертью предпочусь.

Не заключишъ меня гробница ,
Средь звѣздъ не превращусь я въ прахъ ,

Но , будшо нѣкая пѣвица ,
Съ небесъ раздамся въ голосахъ .

И се ужь кожа , зрю , пернаша
Вкругъ спанъ обшягиваетъ мой ;
Пухъ на груди , спина крылаша ;
Лебяжьей лоснюсь бѣлизной .

Лечу , парю , — и подь собою
Моря , лѣса , міръ вижу весь ;
Какъ холмъ , онъ высишся главою ,
Чшобы услышашъ Богу пѣснь .

Съ Курильскихъ острововъ до Буга ,
Ошъ Бѣлыхъ до Каспійскихъ водъ ,
Народы , свѣша съ полукруга ,
Сосшавившіе Россовъ родъ ,

Со временемъ о мнѣ узнаюшъ ,
Славяне , Гунны , Скиѣы , Чудъ ,
И всѣ , чшо бранью днесъ пылаюшъ ,
Покажушъ першомъ , — и рекушъ :

»Вошъ пошъ лепишъ , чшо спроя лиру ,
Языкомъ сердца говорилъ ,
И проповѣдуя миръ міру ,
Себя всѣхъ счасшьемъ веселилъ .«

Прочь съ пышнымъ , славнымъ погребеньемъ ,
Друзья мои ! Хоръ Музъ не пой ! —

Супруга! одлекись шерпнѣемъ!
Надъ мнимымъ мершвецомъ не вой.

ХСІХ.

СРѢТЕНІЕ ОРФЕЕМЪ СОЛНЦА.

Г И М Н Ъ.

Осшавъ багряный одръ, гряди,
О злапокудрый, вѣчно-юный
Богъ свѣша, дѣвъ Парнаскихъ вождь!
Гряди и приведи съ собою
Весны и лѣта ясны дни
И цвѣшо-благовонну Флору,
И въ класахъ блещущу Цереру
И Вакха, гроздовъ подъ вѣнцомъ,
Да, въ спрѣшенье Тебѣ исшедши,
Воскликнемъ гимнъ.

Вспылалъ румяный огнь въ водахъ,
Вздымались горы, засверкали!
Се зрю, се зрю, — грядешь, грядешь
И свѣшное чело возносишь
Изъ синихъ волнъ на небеса!
Ужъ тихой арфы тихи звуки
Бѣгутъ со спрунъ лучами въ долъ;
Безмолвны наклонились кедры, —
Внимаешь шварь!

Пришелъ , пришелъ любитель Музъ,
Олимпа Царь , источникъ знаній :
Сердцеъ ему несемъ
Благоуханну дань.
Прими и озари съ престола
Тебя поющихъ Піеридъ.

Д И О И Р А М Б Ъ .

Тяжелой съ неба спопой
Мракъ опсхупаешъ ,
Тонешъ , блѣднѣешъ во мгль ,
И съ роскошью лѣнь ,
Тучныя вѣжди подъемля ,
Вспавъ , идущъ къ прудамъ ,
Зряшъ чешью плѣнны умы
Къ лаврамъ и славъ.

Слава ! чпо зрю въ восхищеньи ?
Боги , богини и Фивъ !
Се они ! — Сердце шрепещетъ !
Очи лешяшъ на красы !
Лющся съ рамень волны злашы
Розы средь уснъ и ланишъ !
Голуби , лебеди , пава ,
Въщая ппица при нихъ :
Слава ! зрьль свѣшлаго Фива !
Видѣль ! — вѣрь мнѣ попомсшво.

Слава ! слава ! Музы скорѣ
Текише , бѣгише ко мнѣ

Фива воспѣшь. — Холмы и рощи,
Рѣки шумящи съ горъ слышу:
Прядающъ звѣзды, громаы гремашъ:
Песпрые шигры, львы желтогривы
Крошко у ногъ Фива легли;
Выюпся орлы. Фиву въ вѣкъ слава!

С.

АРИСТИПОВА БАНЯ.

Чшо вы, Аркадскія ушѣхи,
Темпейскій долъ, Гесперскій садъ,
Циперски рѣзвощи и смѣхи
И скрыпыхъ тысячи прохладъ
Средь рощъ и средь пещеръ тѣнистыхъ,
Между цвѣшовъ и шоковъ чистыхъ, —
Предъ шѣмъ, гдѣ Аристиппъ (*) живешъ? —
Чшо вы? — Домъ полнъ его довольствомъ,
Свободой, пишиной, спокойствомъ,
И всѣхъ блаженствъ онъ чашу пьешъ!

Жизнь мудраго — жизнь наслажденья
Всѣмъ шѣмъ, Природа чшо даешъ.
Не спашъ въ свой вѣкъ, и съ попеченья

(*) Греческій Философъ, жившій за 400 лѣтъ до Рождества Христова.

Не чахнушь , коль богатства нѣтъ ;
Знаешь малымъ пробавляешься скромно ,
Жиешь съ незаконными законно ;
Чистишь доблестъ , не любишь порокъ ;
Со всѣми и всегдаужишься ,
Но только съ добрыми дружишься :
Вопь въ чемъ былъ Аристипповъ толкъ!

Взгляните жъ на него. — Онъ въ банѣ ! —
Се роскоши и вкуса храмъ !
Цвѣтъ розъ разсыпанъ на диванъ ;
Кокъ шонка мгла , иль ѳиміамъ ,
Завѣса вокругъ его сквозится ;
Взоръ всюду изъ нея спремился ,
Въ нее жъ чужь дуешь въперокъ ;
Льешь чрезъ каминъ , сквозь сводъ , въ купальню ,
Въ книгохранилище и спальню ,
Огнестый съ шумомъ ручеекъ.

Онъ нѣжится , — и Апеллеса
Картины вокругъ его споятъ :
Сверкающъ бисеры Геркулеса ;
Сокращъ съ улыбкою пьешь ядъ ;
Звучашъ пиры Анакреона ;
Видна и ссылка Аполлона ,
Спада пасешь какъ по землѣ ,
Какъ съ Музами свирѣлку ладишь ,
Въ румянецъ розъ паспушекъ рядишь :
Цвѣшешь спокойство на челѣ ;
Иль , миршъ подъ шѣнью , подъ луною ,

Онъ зришь , на чистомъ ручейкѣ
Наяды плещущая водою ,
Шумящъ : ихъ хохотъ вдалекѣ
Погодкою повсюду мчишся ;
Отъ пѣлъ злыхъ кристаллъ зашишся ,
И прелестъ свѣшившя сквозъ мракъ. —
Все спарцу изъ окна шо видно ;
Но Нимфъ невинности несмыдно ,
Что скрытый съ нихъ не сходишь зракъ.

А здѣсь , въ сосѣдствѣнномъ покоѣ ,
Въ очкахъ друзей его соборъ ,
Надъ книгой, видной на налоѣ ,
Сидишь, склоня думъ полный взоръ ,
Спиховъ его занявшись чтенъемъ ;
Младая дочь на ципрѣ пѣньемъ
Между фіаловъ впоришь ихъ. —
Гласъ мудрости живѣй несешся ,
Какъ дѣвъ онъ съ розовыхъ устъ льешся ,
Подобно медъ съ соповъ злыхъ.

»О смершныя !« — поетъ Ареша (*) —
»Коль спранники спраны вы сей ,
Вкушашъ спѣшите благи свѣша :
Теченье крашко нашихъ дней. —
Блаженство намъ даруешъ время :
Бываешъ и порфира бремя ,
И не прекрасна красоша.
Едино счастье въ томъ неложно ,

(*) Дочь его, имъ воспитанная , была дивомъ красоты и добродѣтели своего времени.

Коль услаждашь духъ съ чувствомъ можно ,
А все другое — суепа.

»Не въ помъ бѣда , чѣмъ прельщаешься;
Бѣда пороку сдашься въ плѣнъ.

Не должно мудрымъ называться ,
Кто духа твердоспи лишенъ.
Но если шло услаждаемъ
И душу благоспѣми пишаемъ ,
Почто съ небесъ перуна ждешь?
Для жизни человекъ родился ;
Его спихія — веселишься ;
Лишь нужно спроси побѣждаешь ,

»И въ счастіи не забываешься ,
Въ довольствѣ помнишь о другихъ ;
Добро творишь не собираешься ,
А должно дѣлать , дѣлать въ мигъ.
Вопъ мудра мужа въ чемъ опличность !
И будешь ли вредна шупъ пышность ,
Коль муро на браду занесъ ,
И часъ въ домъ царскій призываешь ;
Но сирота пришелъ , рыдаешь :
Онъ вспалъ , — оперъ его шокъ слезъ ?

»Порочно ль и споловъ обилье ,
Блескъ блюды , винъ запахъ , сладость яствъ ,
Коль гоняшь прочь они унынье ,
Крѣпяшь здоровье , и пріятствъ
Живушь душой друзьямъ въ досугахъ ;
Коль шучный полкъ стоишь въ прислугахъ ,

И съ гладу вкругъ не воюшъ псы?
Себя лишь мудрый умѣряешъ,
И смершь, какъ госпью, ожидаешъ, —
Крушя, задумавшись, усы.»

Но вдругъ вошли, пресѣкли пѣнье
Опѣ Діонисья при жены,
Мужамъ рожденны на прельщенье:
Какъ ночь — власы, лицомъ — луны,
Какъ небо — голубые взоры;
Блескъ успѣ, ланишь ихъ — блескъ Авроры,
И холмы — въ даръ ему плодовъ
При персяхъ опдающъ въ прохладу.
»Хвала Царю« — рекъ — »за награду;
Но выдыше вонъ: я Философъ.« (*)

Какъ? — Нѣшъ, мудрецъ! скорѣй винися,
Чшо ты лишь слабоспью не слабъ:
Безъ зубъ воздержностью не дмися.
Всякъ смершный искушенья рабъ.
Блаженъ, и въ средспвенной кшо долъ
Возмогъ обуздывать по волъ
Своихъ спремленье прихошей!
Но бышь богатымъ, купно свяшу,
Такъ шрудно, какъ орлу крылашу
Иглы сквозь пролешъшь ушей.

(*) Діонисій, Царь Сиракузскій, подарилъ Аристиппу трехъ красавицъ. Онъ привелъ ихъ къ себѣ, и оппустилъ назадъ, не прикасаясь къ нимъ.

СІ.

Э Х О.

Касаюсь струнъ, — и громъ за громомъ
Опъ першовъ съ арфы въ слухъ лепишь,
Шумишь, бушуешь доломъ, боромъ,
Въ мглѣ шепчешь съ шишиной и спишь;
Но вдругъ, опдавшись опъ холма,
Возвратнымъ грохошаньемъ грома
Гремишь и удивляешь міръ:
Такъ въ вѣкъ безсмертно эхо лиръ.

О мой Евгеній! коль Нарцисомъ
Тобой я чшусь, — скалой мнѣ будь;
И какъ покроюсь кипарисомъ,
О мнѣ швердишь не позабудь.
Пусь лирой я, а ты трубою
Играя, будемъ жишь съ тобою,
На Волховъ, какъ чудный шумъ
Тмой гуловъ удивляешь умъ.

Увы! лишь въ свѣпъ вспоминанемъ
Безсмертенъ смершнй чловѣкъ:
Нарцисъ жилъ Нимфы опвѣчаньемъ;
Чрезъ Музь живушь Пишы въ вѣкъ.
Пусь въ персь шѣла ихъ обрашяся,
Но вновь изъ перспи возродяшся,
Какъ ожилъ Пиндаръ и Омиръ
Опъ Данша и Пешрарка лиръ.

Такъ , знашна часть за гробомъ мрачнымъ
Останешся еще опъ насъ ,
А паче свипкомъ безприспраспнымъ
О комъ воскликнешъ Кліинъ гласъ :
Тогда и Өивовъ разорипель
Той самой Званки былъ бы чпипель ,
Гдѣ Фебъ бесѣдовалъ со мной.
Пошомспво воззвучипъ — съ шобой.

СІІ.

Ж И Л И Щ Е

БОГИНИ ФРИГГІИ (*)

(х о р ъ).

Боги любяшъ добродѣшель ,
Сердце вѣрное храняшъ. —
Благъ, щедрошъ ихъ я свидѣшель,
За шерпѣніе наградъ.

(п ѣ в ц ѣ).

Брагге (**), духъ Поэзіи незримый ,
Скальда (***) , за руку схващя , повель

(*) Фриггіа , Скандинавская богиня премудрости, Царица неба и матеръ всѣхъ боговъ.

(**) Брагге, Геній Поэтовъ, или Аполлонъ.

(***)Скальдъ, Поэтъ.

Чрезъ дремучій лѣсъ , непроходимый ,
Въ хладны тундры (*), Сѣвера въ предѣль ,
Сосны вокругъ его стояли снѣжны ;
Висли вѣтви и лиственны предъ нимъ ;
Заграждали спелы , виды смежны ,
И онъ небомъ виденъ былъ однимъ .

— Боги любящъ добродѣтель ,
Сердце вѣрное хранящъ . —
Благъ , щедрошъ ихъ я свидѣтель ,
За терпѣніе наградъ .

Брагге Скальда мчалъ сквозь дебри темны :
Въ ужасъ безъ чувствъ Скальдъ шепеталъ ,
Вои слыша волчьи , врановъ стоны ,
И зря древъ съ вершинъ какъ огонь сверкалъ
Въ взорахъ синихъ рысей , неспробѣдныхъ ,
Злящихся вѣдай на него напасъ ,
И медвѣдей изъ берлоговъ земныхъ
Разбѣжавшихъ вѣдавъ кроваву пасъ .

— Боги любящъ добродѣтель ,
Сердце вѣрное хранящъ . —
Благъ , щедрошъ ихъ я свидѣтель ,
За терпѣніе наградъ .

Но коль паче Скальдъ шѣмъ устрашился ,
Что бывъ вихремъ , въ облакъ несенъ ;
Въ мигъ изъ лѣса въ замкъ очутился ,

(*) Тундры, трясины, или з. бучія болоша.

Башнями, спѣнами окруженъ ,
Гдѣ , чугунными драконы рѣнами
Огнь и громъ бросая, воздухъ жгли ,
Скрежешалъ морозъ , спуча зубами ,
И пуспынный градъ сей сперегли.

Боги любяшъ добродѣшель ,

Сердце вѣрное храняшъ. —

Благъ, щедростъ ихъ я свидѣшель ,
За терпѣніе наградъ.

Ужъ не въ спанѣ ль древнихъ Скандинавовъ ,
Въ обласши Варяговъ , — думалъ Скальдъ , —
Бранныхъ средъ племенъ Скиѣо-Славяновъ ,
Гдѣ, о Скада! (*) высился швой градъ ,
И швой молніеносны руки
Всей землѣ ошколь бросали брань ,
Рюрику собирали славы звуки,
Коспи царствъ и кровь Одиу (**) въ дань.

Боги любяшъ добродѣшель ,

Сердце вѣрное храняшъ. —

Благъ, щедростъ ихъ я свидѣшель ,
За терпѣніе наградъ.

Идешъ въ шемные Пѣвецъ проходы
Сквозъ кругловерхихъ врашъ , межъ сполповъ
Подъ гранишны, мшиспы, древни своды,
За скрышучихъ спа дверей, замковъ ,

(*) Скада, богиня вреда, молніи и грома.

(**) Одишъ, главный богъ Скандинавовъ (Юнишеръ).

За желѣзныя решетки ржавы,
Дня гдѣ свѣшъ, ни солнца не блеснишъ. —
»Ахъ! не Локке ль (*) подѣ землей кровавый
Здѣсь свое оружіе хранишъ?»

Боги любяшъ добродѣтель,
Сердце вѣрное храняшъ. —
Благъ, щедрошъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе наградъ.

»Не Тевшоновъ ли шамъ зряшся гряды
По спѣнамъ мечей, щиповъ, кольчугъ,
Ратоборны страшныя наряды,
Пошрясающіе умъ и духъ?» —
Возстающъ ужъ быстрые Полканы,
Пѣши въ бубны рыцари спучашъ,
Копьями, сѣкирами въ грудь раны
Дашъ ему, главу срубить грозашъ! . . .

Боги любяшъ добродѣтель,
Сердце вѣрное храняшъ. —
Благъ, щедрошъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе наградъ.

Скальдъ упалъ полмершвымъ; но незапно
Въ мрачный взоръ его проникнулъ лучъ:
Возвращился духъ его обратно.
Онъ взглянулъ, и межъ полночныхъ пучъ:
Сіянье зрѣлъ неизреченно
Неисчешныхъ пышущей лампадъ. —

(*) Локке, богъ ада, или Плущонъ.

»Зришь ли Царство« — Брагге рекъ — »священно,
Доблестей священныхъ верпоградъ?

Боги любяшъ добродѣтель,
Сердце вѣрное храняшъ. —
Благъ, щедрошъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе наградъ.

»Травы, кунины, древа пахучи,
И зимою здѣсь цвѣты цвѣтушъ;
Пшицы райски день и ночь поючи,
Тоны мусикійски слухъ влекушъ
Къ чувствамъ крошкимъ, тихимъ, безмяшежнымъ
Вишазей младыхъ и юныхъ дѣвъ,
Къ подвигамъ клоня ихъ славнымъ, нѣжнымъ,
Здѣсь вишаюшъ съ агнцемъ вкупъ левъ.

Боги любяшъ добродѣтель,
Сердце вѣрное храняшъ. —
Благъ, щедрошъ ихъ я свидѣтель,
За терпѣніе наградъ.

»Подъ небесъ здѣсь вкругъ сапфирнымъ видомъ
Горы, зрѣлища, сады видны;
Сельски дѣвы часто хороводомъ
Съ Валками (*) злапы проводятъ дни,
Важносшь съединяя съ ушѣшеньемъ;
Словомъ: здѣсь всѣ счастливо живушъ, —
И цвѣты, какъ солнца свѣплымъ зрѣньемъ,
Фриггіей, живошворясь, распушъ.»

(*) Валки, Музы.

Боги любяшъ добродѣшель,
Сердце вѣрное храняшъ. —
Благъ, щедрошъ ихъ я свидѣшель,
За шерпѣніе наградъ.

— «Кто жъ ша Фригге? гдѣ ея владѣнье,
Брагге?» Скальдъ спросилъ.— «Здѣсь она живешъ:
Мудрость царствуетъ въ уединеньѣ,
Образуетъ душъ изящныхъ въ свѣтъ,»
Такъ, во спарца превращаясь, съ смиреньемъ,
Скальду Спихошворспва богъ сказалъ:
«Чрезъ пушъ шрудный опышомъ, шерпѣнемъ
Входяшъ шолько смершныя въ Валкаль.» (*)

Боги любяшъ добродѣшель,
Сердце вѣрное храняшъ. —
Благъ, щедрошъ ихъ я свидѣшель,
За шерпѣніе наградъ.

(*) Валкаль, чершогъ блаженствъ, или рай храбрыхъ.

СІІІ.
НОВОГОРОДСКІЙ
ВОЛХВЪ ЗЛОГОРЪ. (*)

Х О Р Ъ.

Бояновъ послухъ , Скальдъ съдый !
На мрачномъ Волховѣ , лѣнивомъ
Возсядь — и въ гуль горъ игривомъ
На арфѣ древніе слѣды
Изъ праха извлекавъ забвенья ,
Пошомкамъ позднымъ въ удивленья ,
Грянь , пой дѣла намъ прошлыхъ лѣшъ ,
Изъ шмы ихъ воскрешая въ свѣшъ.

С К А Л Д Ъ.

Внемлите ! Съ южныя опчизны
Оденъ пришелъ на край нощной ,
Съ нимъ Велесь , Волхвъ Злогоръ , шризы
Вѣкъ въ памяшь сдѣлавшись рѣкой ,
Спаль Волховомъ съ временъ шѣхъ звашься ,
Могильны холмы омывашъ ,
Сребриснымъ зміемъ изгибащься ,
Вкругъ враномъ и сычемъ лешашъ.

(*) Взяно изъ Новгородскаго баснословія.

Такъ онъ, изверженецъ изъ ада,
Всѣхъ козней демонскихъ соборъ,
Славяновъ сынъ, Славяна града
Колдунъ, слѣпившій черни взоръ
Очарованьями, мечшами,
Во громы, въ молнии, въ вихри, въ дождь
Преображавшійся часами,
Былъ крокодилъ, волхвъ, князь, жрецъ, вождь.

Онъ невѣгласовъ вмѣсто Бога
Принудилъ силой, страхомъ чшишь
Кумиръ Перуна Чернорога,
И кровь ему съ мольбой ихъ лишь:
Но жершвъ ему не приносившихъ,
Самъ и чрезъ чадъ своихъ губилъ:
Невой, Ильменемъ, Мшагой плывшихъ (*)
Шелонью, Ладогомъ шопилъ.

Х О Р Ъ.

Бояновъ послухъ, Скальдъ съдѣй!
На мрачномъ Волховѣ, льнивомъ
Возсядь — и въ гуль горъ игривомъ
На арфѣ древнѣе слѣды
Изъ праха извлекавъ забвенья,
Пошомкамъ позднымъ въ удивленья,
Грянь, пой дѣла намъ прошлыхъ лѣтъ,
Изъ шмы ихъ воскрешая въ свѣтъ.

(*) Рѣки и озеро Новгородской губернии.

С К А Л Ъ Д Ъ.

Злогора душу взяли черпи;
Но слухъ такъ спрашенъ былъ о немъ,
Что люди добрые, по смерти,
Въ гробъ положивши ницъ лицомъ,
Такъ спрятали его въ могилу,
Чтобъ имъ не вреденъ былъ пиранъ;
Осиновъ колъ ему вбивъ съ пылу,
Надъ нимъ насыпали курганъ.

Но онъ и по своей кончинѣ
Творилъ премножесиво проказъ,
Какъ пероносился донинѣ
О немъ спарухъ и бабъ разказъ:
Плелъ басни, смушы, съялъ шашни,
Былъ женъ Посадничьихъ дружокъ,
Лешалъ въ повалуши ихъ, въ башни,
И внизъ и вверхъ, какъ голубокъ.

Въ кушу кикиморой незримой
Сидѣлъ онъ часто на печи;
Весь ужинъ, къ вечеру хранимой,
Съѣдалъ, зубами скрипучи;
А по ночамъ къ хозяйску диву
Скакалъ на клячахъ по спу верспъ;
Коню жъ любимому плелъ гриву
И какъ шрубу волниспый хвоспъ.

Х О Р Ъ.

Бояновъ послухъ, Скальдъ съдый!

На мрачномъ Волховъ , лѣнивомъ
Возсядь , — и въ гуль горь игривомъ
На арфѣ древніе слѣды
Изъ праха извлекавъ забвенья ,
Пошомкамъ позднымъ въ удивленья
Грянь , пой дѣла намъ прошлыхъ лѣтъ ,
Изъ тмы ихъ воскрешая въ свѣтъ .

с к а л ь д ь .

Вадима въ бунтъ на Господысла ,
Всю чернь сей поджигалъ Злогорь ,
Вперяя прошивъ здрава смысла
Въ Варяговъ и въ Славянъ раздоръ ;
Онъ по жь не допускалъ Добрыню
Новгородцевъ окресшить ,
На холмахъ водружая святыню
И идоловъ въ рѣкахъ попишь ;

Прошивился и Ярославу
Въ суды онъ Правду Русску внесъ ,
И бабу злу , ягу лукаву ,
Посадницу всѣмъ Марѳу въ честь
На колымагѣ вскачь съ желѣзнымъ
Пешомъ велѣлъ возишь на Вѣчь ;
На Хушынѣ жь огнемъ подземнымъ
Царя бѣгъ Грозного сожечь .

И днесъ на Званкѣ онъ проказишь ,
Тмы ночью дѣлая чудесь :
Злашой луной на Волховъ слазишь ,

Лучемъ въ немъ пишетъ горы, лѣсъ,
И лоснясь съ колкунами длинной
Какъ снѣгъ брадой, склонясь челомъ,
Дрожишь въ спруяхъ, иль въ холмъ могильной
Залегшій въ мракъ хранишь какъ громъ.

CIV.

РИМСКОМУ НАРОДУ

Куда, куда еще, мечи едва вложенны
Въ ножны, вы, обнажа, стремишесь вновь яресь?
Поля ль опъ васъ, моря ль не много обогренны,
И мало ль ваша кровь лилась?

Нѣшъ, нѣшъ! Не Римъ, — ему враждебный и
надменный
Низвергъ и превращилъ въ персть, пламень, Кар-
оагенъ;
Ни вольный Бришовъ родъ, цѣпями ошягченный,
Сквозь врагъ шоржеспвъ веденный въ плѣнь.

Такъ, шакъ! Не опъ Пароянъ, но собственной
враждою
Своей, крамолою падешъ вашъ славный градъ.
Ни волкъ, ни левъ, какъ вы, съ споль яросцію
злою
Своихъ собращевъ не губяшь.

Что жь за слѣпая месѣ, и что за вышняя сила,
Иль грѣхъ какой спремишь васъ? Дайте мнѣ
опвѣсть. —

Но вы молчите! что? ваша блѣдность зракъ
покрыла!

Иль молній ужаснулъ васъ свѣтъ?

Се спрогий Рима рокъ, се злоба звѣровидна;
Какъ заглушаешь вашъ брашоубійствомъ гласъ!
Съ шѣхъ поръ, какъ Ремова кровь пролила невинна,
Лежишь проклятіе на васъ.

CV.

КЪ МЕРКУРІЮ.

Краснорѣчивый внукъ Ашланша,
Меркурій! дикій нравъ смягчившій грубыхъ смерш-
ныхъ

И образъ давшій ихъ движенью шѣлъ красивый
По правиламъ Палестры!

Тебя, боговъ и Діа вѣспникъ,
Пою, обрѣшшаго вышуклозвонку лиру,
Въ уловкахъ хитраго, искуснаго все въ шушкахъ
Похишишь, скрышь что хочешь.

Обманомъ нѣкогда изъ спада,
Бывъ юнъ еще, воловъ шѣ свелъ у Аполлона;

И онъ, коль не опдашь, грозилъ, но, спрѣль въ
мигъ въ шуль
Не взвидѣвъ, разсмѣялся.

Ты щедрого въ пуши Пріама
Былъ вождь, какъ онъ Пергамъ оставилъ, и сквозь
спаницъ
Прошедъ враговъ, избѣгнулъ люпыхъ спражей
Θессальскихъ и Апридовъ.

Вчиняя души благочесны
Въ селеньяхъ радости, и легкія ихъ спан
Гоняя золошымъ жезломъ, шы всѣмъ пріяпенъ
Богамъ небесъ и ада.

CVI.

КЪ КАЛІОНЪ.

Сойди ко мнѣ съ небесъ, Царица Каліона!
И громкою шрубой, иль нѣжнымъ звономъ спрунъ
Ошъ цишры Феба, иль когда предпочитаешъ
Ты голосъ свой всему, — воспой безсмершну пѣснь.

Уже мнѣ слышишся, или я, обаяясь
Прелестною мечшой, брожу въ густой чащи
Священныхъ рошъ, и шумъ прохладнаго зефира
И тихій внемлю шокъ журчащаго ручья?

Такъ на горъ , Вилькуръ , еще въ младенствѣ
сущій ,
За рубежемъ родной Апуліи моей ,
Игрою упоменъ , въ снѣ сладкомъ освѣщенный
Таинственно въшвыми я былъ ошъ голубей.

Всѣмъ населяющимъ вершины Ахероній ,
Нависисшы скалы лѣсныхъ Банпискихъ дебрь ,
И тучны пажити долинъ Низкоференскихъ ,
Казалось жишелямъ по нѣкимъ чудомъ , что

Не уязвляемый ни ошъ медвѣдей люпыхъ ,
Ни черноядныхъ змѣй , подъ злчнымъ лавромъ я
И миршовой въ тѣни почилъ священной рощи. —
Не безъ покровъ , знашь , боговъ былъ опрокъ смѣль.

Меня , любящаго спруи и ваши пѣсни ,
Ни съ Филиппинскихъ рапъ бѣжавшая полей ,
Ни древо адское , ни волны Палинура
Не погубили моръ Сицильскихъ въ хлябяхъ ихъ.

Я вашъ , Камены , вашъ. — На холмы ли Сабински ,
Въ прохладный ли Пренесшъ , въ пологій ли Тибуръ ,
Или въ приморскіе вхожу вершеты Байски ,
Нигдѣ и ничего , бывъ съ вами , не спрашусь.

Доколь вы со мной , пловцемъ пушусь охотно
Въ ярящійся Босфоръ , въ пески Ливійски пѣшь ,
Брипановъ къ спранникамъ и Коноканъ свирѣпыхъ
Піющихъ конску кровь , Донъ Скиескій пошщу.

Вы, подвигъ Цезаря великаго окончивъ,
Какъ размышляешь онъ въ пещеръ Піеридъ,
И воинство свое шлешь въ браняхъ упоменно
Во грады на покой, прохладой щедрише.

И днесъ, блаженные ему совѣшны, крошки
Вдохнувъ, ликуете.—Мы знаемъ, спрашнй громъ
Чей свергъ Типановъ полкъ; землей и моремъ
бурнымъ
Кто правитъ Царствами и смертныхъ и боговъ!

Немалымъ ужасомъ Юпитера смутила
Самонадѣйная та буйна, юна рать,
Что, слясь мышцами, подъявъ братосодружно,
Льсисный на Олимпъ вскашнть вверхъ Пеліонъ.

Но что возмогъ Пнѣей? что Мимъ ужасно-
мочный?
Что съ грознымъ спаномъ могъ Гигантскимъ
Порфирьень?
Что Редъ и Энцеладъ, надменно съ корней рвавши
И въ бѣшенствѣ своемъ бросавши дерева?

Противъ эгида что гремящаго Паллады?
И пламенный Вулканъ, Царица и Небесъ
Споjala Хера гдѣ, и не слагающій вѣкъъ
Съ раменъ своихъ спрѣлогремящій свѣшлый пулъ,

И моющій власы разсыпанны, злапые,
Спруящися въ ключахъ Каспальскихъ чистыхъ водъ
И въ опчихъ родшихъ вишающій дубравахъ
Ликійскихъ, Папернскій и Дельфскій Аполлонъ?

Лишенна падаетъ благоразумья сила
Подъ бременемъ своимъ ; благоразумьемъ же
Мощь размѣряему возводятъ боги выше , —
Но ненависна имъ возспавшая на нихъ.

Свидѣтель словъ моихъ да будетъ Гигъ спорукій
И непорочныя Діаны Оріонъ
Помысля на соблазнъ. Онъ скоро укрошеннымъ
Спаль въ дерзоспи своей дѣвической спрѣлой.

На собспвенныхъ своихъ низверженна чудовищъ,
Земля, спеня , скорбишь о чадахъ пѣхъ ея ,
Чшо сдхнушы молніей во мрачны бездны ада ,
И Эшна, брошенна на нихъ, еще горишь.

Нечестіе спрещи опредѣленна пшица
Рвашъ невоздержнаго не преспаешъ до днесъ
Типія печени, и влюбчива связуюшъ
Пиришоя еще прехъ-сошныхъ склепы узъ.

СѢВ.

ПОЛДЕНЬ.

Едва Кармилъ и Амморей,
Съ багряною зарей
Изъ ушренія мглы, какъ оспрова, вносились,
И розовымъ огнемъ ихъ чела золопились,
Рубинные ковры, воспочный горизонтъ,
И искросребра шкань спруила черный понтъ, —
Великолѣпный флотъ Хирамовъ изъ Офира
И чудный кораблецъ въ немъ краше, легче всѣхъ
На поднятыхъ крылахъ дыханіемъ зефира —
Къ Юдейскимъ берегамъ пришекъ; —
Никавля въ немъ была, владычица Сидона,
Желавша видѣть Соломона!
Но солнце восходитъ какъ спало на зенишъ;
Ковыль вдали, пески и воздухъ зарябѣли,
Подзвѣздные орлы почишь подъ хламомъ сѣли,
И въ глубину спустился кишъ
На зыбкой опдыхашъ бездонной колыбели;
Въ коральныхъ перемахъ Сирены усмирѣли,
Пернашы онѣмѣли,
Прижались, среди ихъ гнѣздъ,
Не могли жара снесшь;
Лишь изъ лѣсныхъ прущобъ, чрезъ холмы, степи,
логги,
Вскачь серны и единороги

Ихъ жажду ушолить,
И въшвеглавые елени шабунами
Къ пошокамъ, къ спуденцамъ, пробишыми пропами,
Бѣжали вереницей пишь:
Тогда поморье Іоффійско
На разстояніе не близко
И Іорданскій брегъ покрышь—
Спалъ дивнымъ поѣздомъ сей южныя Царицы:
Тма шемъ кипишь, блеспишь,
И всадникъ и пѣшець, и конникъ и возницы,
Въ пушь движась, не щадяшъ ни силы, ни шруда.
Но часъ когда
Пришелъ полдневный,
Палъ прямостойно лучъ въ долъ, съ неба распа-
ленный,
И все лице земли, какъ уголь разжегъ,
Никто спупишь не могъ:
Змѣй вихрепламенный лешѣль, и близкимъ ревомъ
Ужъ всѣхъ грозилъ исплишь плешворнымъ зѣвомъ;
Изъ пыли облако, какъ черна дыма съшь,
Столбясь, крушясь, весь зашѣняла свѣшь.
Подъ кедры Божіи, Ливанскіе, подзвѣзды,
Царица скрылася въ Сіонскій садъ,
Въ свящилище прохладъ,
Спокойства, тишины,
Гдѣ въ спрашны глубины,
Средь высочайшихъ скалъ, нависнувшихъ надъ
бездны,
Изъ древъ сплешенна сѣнь, иль нѣкій дивный сводъ,
Ущельемъ на гору всѣмъ опверзаетъ всходъ;
Куда ни въшрь не провѣваетъ,

Ни свѣта лучь не проникаетъ;
Гдѣ вѣчно дерева, какъ дремлющи, стоятъ;
Въ пошокъ Кедрскомъ—шамъ свѣсило міра зрятъ,
Какъ блюдо круглое, плывущее, златое,
И синю, какъ въ окно, чуть-чуть, небесъ лазурь;
Во время громовъ гдѣ и въ ужасъ бурь
Какъ дубы вержущся, бушуя пальмы гнуся,
Спокрашно гулы вокругъ глухіе раздаются;
А въ пишину, какъ нѣкій шопонъ, спонъ,
Опъ горлицъ воркованья;
То опъ долбленья жолнъ,
Опъ соловьевъ свиспанья,
То опъ различныхъ голосовъ,
Звучащихъ средь лѣсовъ;
Какъ проѣзжающъ шамъ мостъ каменномешальный
Тмой опголосковъ, эхъ, грохочущъ дебри дальны.
Порфиносица, проѣхавъ оный лѣсъ,
Или дремучихъ рощъ злато-зелено море,
Главу возносящихъ до небесъ,
Пальмъ, нардовъ, кипарисовъ, певговъ,
Алоевъ, шевинювовъ, кедровъ,
Носящихъ гроздь и льющихъ ароматъ,
Узрѣла предъ собою вскоръ —
Давидовъ градъ,
Который облакомъ со скапа,
Отъ разноцвѣтныхъ плинъ стеклистыхъ, и опъ злата,
На кровы съ крововъ, льющихъ блескъ,
Сіялъ — какъ бы пожаръ средь рѣкъ!

LVIII.

ПОСЛѢДНІЕ СТИХИ
Д Е Р Ж А В И Н А ,

Писанные на аспидной доскѣ, хранящейся въ Императорской
Публичной Библіотекѣ.

Рѣка временъ въ своемъ спремленьи
Уносишь всѣ дѣла людей ,
И шопишь въ пропасти забвенья
Народы , Царства и Царей.
А если что и остаеся
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчноши жерломъ пожрешся —
И общей не уйдешь судьбы.

(Далѣе еще двѣ спироки, кошорыхъ нельзя разобрать).

К О Н Е Ц Ъ П Е Р В О Й Ч А С Т И .

III

ПОСЛАНИЕ СТИХИ

Д Е Р Ж А В И И А

Писание на ассирийской доске, хранящееся в Императорской
Библиотеке в Лондоне.

Тая в своем святом смирении

Уносил все для людей

И тонок в прозвонившей

Народы, Царства и Царей

А если это и означало

Презвучающую и грядущую

То вранье и жерло пожирало —

И обидой не уйдешь судья

(Дайте мне слово, которое будет)

Помоги, народы, народы

Люди, народы, народы

Послание к царю и царю

Урава в своем святом

Давидово слово

Который обещал со своим

Он ради своего имени и славы

Но не ради своего имени и славы

Он ради своего имени и славы

ПРИМѢЧАНІЯ.

- 1) Іоанна гл. 1. ст. 18. *Сый въ лоно оти.*
- 2) Тамъ же. *Бога никто же видѣ, ниждѣ же.*
- 3) Къ Коринѣян. первое Послан. Павла. гл. 12. ст. 5. *Никто же можетъ реици Господа Іисуса, тогю Духомъ Святѣмъ.*
- 4) Къ Коринѣ. второе Послан. гл. 12. ст. 2. *Восхищена бывша до третіаго небесе.*
- 5) Послан. первое Іоан. Богосл. гл. 2. ст. 27. *Помазаніе въ васъ пребываетъ, и оно учитъ вы о вселѣ.*
- 6) Матѣ. гл. 17. ст. 2. *Лице его яко солнце.* — Марка гл. 9. ст. 3. *Ризы блестящи яко снѣгъ.*
- 7) Іоан. гл. 20. ст. 27. *Принеси руку и вложи въ ребра моя.*
- 8) Іоан. гл. 4. ст. 13. *Никто же възде на небо, токмо сшедый съ небесе.*
- 9) Іоан. гл. 14. ст. 2. *Въ долу Отца моего обители многи суть.*
- 10) Іоан. гл. 6. ст. 51. *Азъ есмь хлѣбъ животный.* — Тамъ же гл. 7 ст. 37. *Аще кто жаждетъ, да приидетъ ко мнѣ, и піетъ.*
- 11) Іоан. гл. 10. ст. 9. *Азъ есмь дверь, мною аще кто внидетъ, спасется.*
- 12) Царица Никавля и она же Сивилла Савская, увидя въ Іерусалимѣ у Соломона негнѣное древо, на коемъ около тысячи лѣтъ послѣ распятъ Христосъ, въ изступленіи возгласила: *Се древо, на немъ же Богъ облеженный плотію умретъ въ воскресеніе.* — Также Эрѣрейская, Куманская и прочія Сивиллы и Трисмегистъ въ Египтѣ предвѣщали и Христъ. — Смощи Лакшанція въ 4 кн. Магъ Сирійскій

Валаамъ 4 книги числъ Моисея гл. 24. ст. 17, сказалъ :
Возсілетъ звѣзда отъ Іакова и возстанетъ челоувѣкъ отъ Израиля. — Пророкъ Аввак. гл. 3. ст. 1. *Господи, услышахъ слухъ твой и убояхся, и проч.*

13) Іова гл. 38. ст. 7. *Возгласиша мѧ гласомъ велиимъ вси Ангели мои.*

14) Даніилъ гл. 2. ст. 34. *Отторжесѧ камень отъ горы безъ рукъ, и удари тѣло въ позъ жельзныи и скудельныи, и истии ихъ до конца.*

15) Дав. гл. 3. ст. 92. *И зракъ четвертый подобенъ Сыну Божію.*

16) Псал. 177. ст. 25 и 26. *О Господи! поспѣши же.* — *Благословенъ грядый во имя Господне.* — И прочіе Пророки предвѣщали о Мессіи или Помазанникѣ Божіемъ, Христѣ.

17) Матѳ. гл. 2. ст. 2. *Видѣхомъ бо звѣзду Его на востоцѣ и приидохомъ поклонитися Ему.*

18) Луки гл. 2. ст. 7. *И положи Его въ яслехъ.*

19) Псаломъ 113. ст. 5. *И тебѣ Іордане, яко возвратился еси вспять.*

20) Іоан. гл. 1. ст. 29. *Се агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра.*

21) Іоан. гл. 3. ст. 5. *Аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ Царствіе Божіе.*

22) Іоан. гл. 9. ст. 6. *Помаза очи брѣніемъ слѣпому.* — И Луки гл. 7. ст. 22. *Слѣпѣи прозирають, хромии ходятъ, прокаженніи очищаются, глухіи слышатъ, мертвіи возстають, нищѣи благовѣствуютъ.* О сихъ чудесахъ Іисуса доносили и Поппійскій Пилатъ Императору Тиверію.

23) Матѳ. гл. 8. ст. 26. *Тогда возставъ запрети вѣтроу и морю, и бысть тишина велия.*

24) Матѳ. гл. 8. ст. 32. *И рече (бѣсѣмъ): идите.*

25) Іоан. гл. 11. ст. 43. *И воззва: Лазаре, гряди сонъ.*

26) Матѳ. гл. 17. ст. 1 и 2. *И возведе ихъ на гору высокую едину и преобразися предъ ними.*

27) Тамъ же, сп. 2. *Се явистася имъ Моисей и Илїя*,
(изъ коихъ впорый по преданію Свящыя Церкви живъ и
донынѣ).

28) Тамъ же, сп. 5. *Гласъ изъ облака глагола: сей есть
Сынъ мой возлюбленный.*

29) Исаїя гл. 53. сп. 12. *И со беззаконными вѣмьисѣ.*—
Матѳ. гл. 27. сп. 38. *Тогда распяша съ нимъ два разбой-*
ника: единого одесную, и единого ошуюю.

30) Матѳ. гл. 27. сп. 50. *Прїиша трость, и бїяху по
главъ его.*

31) Луки гл. 23. сп. 34. *Отче, отпусти имъ: не вѣдѣтъ
бо, что творятъ.*

32) Ко Евреемъ послан. гл. 2. сп. 14. *Да смертію у-*
празднитъ илущаго державу смерти.

33) Луки гл. 23. сп. 46. *И сія рекъ издше.*

34) Матѳ. гл. 27. сп. 51 и 52. *И земля потрясѣся, и
каменіе распадѣся.* — По описаніямъ путешественниковъ,
и нынѣ видима разсѣлина въ каменной горѣ Голгоѣ.

35) Апокалипс. гл. 3. сп. 20. *Се стою при дверехъ и толку.*

36) Іоан. гл. 4. сп. 24. *Духъ есть Богъ.* — И его же пер-
вое послан. гл. 1. сп. 5. *Богъ свѣтъ есть.*

37) Іоан. гл. 1. сп. 14. *И слова плоть бысть.*

38) Бышїя кн. 1. гл. 1. сп. 3. *И рече Богъ: да будетъ
свѣтъ, и бысть свѣтъ.*

39) Ко Евр. гл. 2. сп. 8. *Вся покорилъ еси подъ нозъ его.*

40) Бышїя гл. 1. сп. 26. *И рече Богъ: сотвори мѣло-*
вѣка по образу нашему и по подобію.

41) Бышїя гл. 2. сп. 7. *И созда Богъ чловѣка, персть
вземъ отъ земли, и вду въ лице его дыханіе жизни.*

42) Тамъ же гл. 3. сп. 5. *И рече змїй: и будете яко Бози.*

43) Тамъ же сп. 20: *Яко земля еси, и въ землю отъ-*
идеши.

44) Къ Римлян. гл. 8. сп. 22: *Вѣмъ бо, яко вся тварь
съ нами совоздыхаетъ.*

- 45) Къ Колоссаемъ, гл. 1. ст. 20: *И тѣмъ примирити вселенская къ себѣ.*
- 46) Посланіе второе къ Коринѣ. гл. 5. ст. 4. *Воздыха- емъ, да пожерто будетъ мертвенное животомъ.*—И къ Ко- лос. гл. 3. ст. 5: *Умертвите уды ваша яже на земли.*
- 47) Посланіе второе къ Коринѣ. гл. 12. ст. 9. *Сила бо моя въ немощи совершается.*
- 48) Къ Галам. гл. 4. ст. 4. *Егда же прииде кончина лѣта, посла Богъ Сына своего единороднаго.*
- 49) Вечерняя пѣснь Св. Софронія Патріарха Іерусалим- скаго: *Пришедше на западъ солнца, видѣвши сѣтъ вечерній.*
- 50) Іоан. гл. 1. ст. 12. *Даде имъ область надомъ Божи- имъ быти.*
- 51) Матѣ. гл. 11. ст. 25. *Яко утаиши еси сія отъ пре- мудрыхъ и разумныхъ, и открыши еси та младенцемъ.*
- 52) Ко Евреемъ гл. 12. ст. 2. *Взирающе на начальника вѣры и совершителя Іисуса.*
- 53) Первое посланіе къ Тимоѣ. гл. 3. ст. 16. *Богъ явися во плоти.*
- 54) Іоан. гл. 14. ст. 6. *Никто же приидетъ ко Отцу, токмо мною.*
- 55) Тамъ же ст. 10. *Яко Азъ во Отца, и Отецъ во мнѣ.*
- 56) Ко Евр. гл. 8. ст. 6. *И лучшаго завета есть ходатай.*
- 57) Исаія гл. 53. ст. 11. *И грѣхи ихъ той понесетъ.*
- 58) Къ Колоссаемъ гл. 1. ст. 20. *И тѣмъ примирити вселенская къ себѣ.*
- 59) Къ Галам. гл. 6. ст. 7. *Богъ поругаемъ не бываетъ.*
- 60) Матѣ. гл. 11. ст. 29. *Научитесь отъ мене, яко кро- токъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящете покой душамъ вашимъ.*
- 61) Матѣ. гл. 5. ст. 44. *Любите враги ваша.*
- 62) Матѣ. гл. 25. ст. 35 и 36. *Взлкахся бо, и дасте ми ясти и проч.*

- 63) Ко Евр. гл. 5. сп. 10. *Нареченъ отъ Бога Первосвященникъ, по чину Мелхиседекову.*
- 64) Къ Евр. гл. 7. сп. 27. *Единою (жертвою) себе принесъ.*
- 65) Дъян. Апост. гл. 2. сп. 3. *И явишася имъ раздѣленны язицы яко огненни.*
- 66) Исаія гл. 42. сп. 3. *Трости сокрушены не сотретъ.*
- 67) Къ Римлян. гл. 2. сп. 1. *Илиже бо тудомъ судиши друга, себе осуждаеши.*
- 68) Матѳ. гл. 4. сп. 19. *Грядица по мнѣ, и сотворю въ ловца человекомъ.*
- 69) Дъян. Апост. гл. 17. сп. 22. *Ставъ же Павелъ посреда Ареопага.* — Тамъ же гл. 18. сп. 4. *Стязашеся же на синагогахъ (или въ синагогахъ).*
- 70) Иоан. гл. 1. сп. 3. *Вся тѣмъ быша: и безъ него ни что же бысть, еже бысть.* — Къ Ефес. гл. 4. сп. 10. *Сшедый и восшедый превъше всѣхъ небесъ, да исполнитъ всяческая.* — Къ Колос. гл. 1. сп. 18. *Яко да будетъ во всѣхъ той первенствуя.*
- 71) Иоан. гл. 4. сп. 23 и 24. *Егда истиннии поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною.*
- 72) Исаія гл. 11. сп. 4. *И духомъ устенъ убьетъ нечестиваго.*
- 73) Къ Галаш. гл. 3. сп. 13. *Христосъ искупилъ насъ отъ клятвы законныя.*
- 74) Иоан. гл. 1. сп. 5. *Свѣтъ во тмѣ свѣтитъ, и тма его не обьятъ.*
- 75) Второе посланіе къ Коринѳ. гл. 4. сп. 3. *Благовѣствованіе наше въ гибнущихъ есть покровено.*
- 76) Иоан. гл. 1. сп. 18. *Единородный сынъ, сый въ лонѣ Отца.*
- 77) Матѳ. гл. 6. сп. 33. *Ищите прежде Царствія Божія, и правды его, и сія вся приложатся вамъ.*
- 78) Послан. второе къ Коринѳ. гл. 6. сп. 16. *Вы есте церкви Бжи жива.*

- 79) Псаломъ 6. Слезала мои ли постелю омогу.
80) Послан. 2. Пав. къ Тим. гл. 3. ст. 16. Всяко писанье
богодухновенно и полезно есть къ учению.
81) Маше. гл. 26. ст. 7. Приступи къ нему жена стекла-
нишу мѣра и мѣру многоцѣннаго.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

	Стран.
I. Богъ.	1.
II. Безсмертіе души.	5.
III. Величествъ Божіе	12.
IV. Помощь Божія	18.
V. Христосъ.	19.
VI. Праведный Судія	31.
VII. Истинное счастье.	33.
VIII. Побѣдишело.	34.
IX. Уповающему на свою силу	38.
X. Счастливое семейство	39.
XI. Успокоенное невѣріе	41.
XII. Истина	45.
XIII. Властишелямъ и судіямъ	50.
XIV. Надежда на Бога	52.
XV. На щещу земной славы	53.
XVI. Желаніе въ горняя.	56.
XVII. Утѣшеніе добрымъ	57.
XVIII. Доказательство Творческаго бытія.	62.
XIX. Упованіе на защиту Божію	63.
XX. Радость о правосудіи.	64.
XXI. Брагское согласіе.	66.
XXII. Молитва	—
XXIII. Упро	69.
XXIV. Гимнъ Богу	73.
XXV. Молитва по Высочайшемъ описушствіи въ армию Его Императорскаго Величества.	77.

	Спран
XXVI. Введеніе Соломона въ Судилище . . .	79.
XXVII. Сѣшваніе.	82.
XXVIII. Умиленіе	84.
XXIX. Проповѣдь.	86.
XXX. Благодарность	88.
XXXI. Воцареніе правды	89.
XXXII. На преодоленіе врага.	91.
XXXIII. Соспраніе	94.
XXXIV. Покаяніе	95.
XXXV. Тоска души	98.
XXXVI. Идолопоклонство	102.
XXXVII. На безбожниковъ	105.
XXXVIII. Надежда. Къ Ѳ. П. Львову	106.
XXXIX. Добродѣтель.	109.
XL. Слава	114.
XLI. Явленіе.	118.
XLII. Предвѣстіе.	120.
XLIII. Проблескъ.	122.
XLIV. На освященіе Каменноостровскаго Пи- валиднаго дома	126.
XLV. На освященіе храма Казанскія Богоро- дицы, въ С. Пешербургѣ.	128.
XLVI. На домовую церковь Князя А. Н. Го- лицына.	131.
XLVII. Цѣленіе Саула	132.
XLVIII. Правосудіе.	149.
XLIX. Н. смертъ Кн. Мещерскаго.	151.
L. Гимнъ кропоси	154.
LI. Гимнъ Солнцу	157.
LII. Облако	161.
LIII. Громъ	164.
LIV. Тлѣніе и неплѣніе	168.
LV. На счасіе	170.

	Срати.
LVI. Ключь	178.
LVII. Меркурію	180.
LVIII. На умѣренность	182.
LIX. Къ первому сосѣду	186.
LX. Къ Лирѣ	189.
LXI. Вельможа	190.
LXII. Къ Н. А. Львову	198.
LXIII. Провидѣніе	201.
LXIV. Мой испускашъ	204.
LXV. Ласпочка	213.
LXVI. Приглашеніе къ обѣду	215.
LXVII. Соловей	217.
LXVIII. Павлинъ	220.
LXIX. Богинѣ здравія	222.
LXX. Горѣлки	223.
LXXI. Храповицкому	224.
LXXII. Урна	226.
LXXIII. Объ удовольствіи	230.
LXXIV. На ворожбу	233.
LXXV. Похвала сельской жизни	234.
LXXVI. Похвала за правосудіе	237.
LXXVII. Буря	239.
LXXVIII. Храповицкому	240.
LXXIX. Колесница	241.
LXXX. Фонарь	245.
LXXXI. Мужество	251.
LXXXII. Дѣва за арфою	255.
LXXXIII. Оленину	257.
LXXXIV. Къ Скопихину	259.
LXXXV. Ко второму сосѣду	261.
LXXXVI. Время	264.
LXXXVII. Весна	266.
LXXXVIII. Память другу	268.

[illegible]

Deržavin, Gavriil Romanovič,

Sočinenija Deržavina

Bd.: 1

Sanktpeterburg (1833)

P.o.rel. 3025-1/2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036266-8